

Кыргызско-Российский Славянский университет
имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина

На правах рукописи
УДК 72.03 (575.2)

Муксинова Зарина Равильевна

**Взаимодействие культур в развитии архитектуры Кыргызстана
XVII – начала XX веков**

Специальность 05.23.20 – теория и история архитектуры, реставрация
и реконструкция историко-архитектурного наследия

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата архитектуры

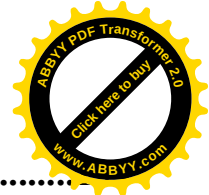
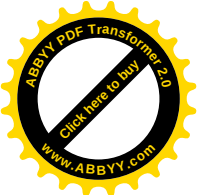
Научный руководитель,
доктор архитектуры,
профессор
Воличенко О.В.

Бишкек - 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Перечень сокращений и терминов.....	4
Введение.....	9
Глава 1. Условия развития архитектурно-градостроительной культуры Кыргызстана.....	15
1.1. Историко-графический обзор источников и литературы.....	15
1.2. Особенности пространственно-тектонической структуры средневековой архитектуры Кыргызстана.....	29
1.3. Роль Великого Шелкового пути в развитии архитектуры.....	36
1.4. Исторические особенности развития этнокультурных взаимодействий кыргызов.....	39
1.5. Взаимодействие традиций в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии.....	43
Выводы по 1 главе.....	51
Глава 2. Особенности развития архитектуры Кыргызстана.....	54
2.1. Методологические принципы исследования и типологизация объектов архитектуры Кыргызстана XVII – начала XX века.....	54
2.2. Генезис и развитие поселений Кыргызстана.....	56
2.3. Истоки и типологические особенности жилища.....	62
2.4. Истоки и характеристика культовых сооружений.....	70
2.5. Инженерные и производственные сооружения.....	87
Выводы по 2 главе.....	100
Глава 3. Взаимодействие культур в развитии архитектурного наследия Кыргызстана.....	104
3.1. Архитектурно-градостроительная культура региона.....	104
3.2. Интеграция культур народов Центрально-Азиатского региона и России в развитии архитектуры Кыргызстана.....	114
3.3. Принцип развития архитектурно-градостроительной культуры Кыргызстана.....	127

Выводы по 3 главе.....	
Заключение.....	136
Список использованной литературы.....	143
Приложение, графические материалы исследования	

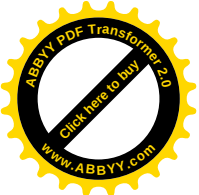

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И ТЕРМИНОВ

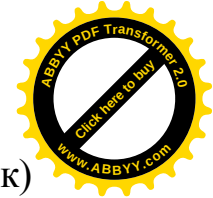
НАН КР	– Национальная Академия наук Кыргызской Республики
НИИТАГ	– Научно-исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства
РААСН	– Российская Академия архитектуры и строительных наук
НИМ КР	– Национальный исторический музей Кыргызской Республики (Бишкек)
ГНИМА	– Государственный научно-исследовательский музей Архитектуры им. А.В. Щусева (Москва)
ЦГВИА	– Центральный Государственный военно-исторический архив (Москва)
ЦГА КР	– Центральный государственный архив Кыргызской Республики
КГУСТА	– Кыргызский Государственный университет строительства, транспорта и архитектуры им. Н. Исанова
КРСУ	– Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина

ТЕРМИНЫ

Айван	– открытое помещение, портал с большой нишей, перекрытой сводом
Арк	– цитадель, крепость города
Балакана	второй этаж в виде одной комнаты
Барабан (купола)	– цилиндрическая часть здания, служащая опорой перекрытию
Бастырма	– навес с плоской крышей для лошадей

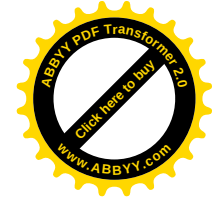
Бисмалла	– религиозная формула, с которой начинаются сурь
Корана	
Бет	– разновидность ивы для изготовления мелких разных деталей и декора
Вакф	– имущество, передаваемое каким-либо лицом в пользу мусульманского учреждения (мечети, медресе) без права продажи
Ганч (ганчахан)	– местная разновидность алебаstra (иногда с добавкой лесса)
Гирих	– геометрический орнамент
Гуваляк	– сухие комки глины, употребляемые для возведения стен жилищ, надворных построек, оград
Гумбез	– место погребения мусульман
Гуристан	– мусульманское кладбище
Далан (дализ)	– прихожая
Дарваза	– ворота, въезд
Дервиш	– отшельник, странствующий монах
Замок (арки)	– клинчатая кладка, завершающая арку (или свод)
Зиаратхона	– место поклонения; зал для поминальных обрядов
Ид ал-Кабир (Курбан)	– большой, великий праздник
Ид ал-Фитр	– праздник разговения
Изразец	– покрытая глазурью керамическая плитка
Илек	– тюркский титул удельного правителя в государстве
Караханидов	
Имам	– глава мусульманской общины
Ислам	– дословно “покорность”

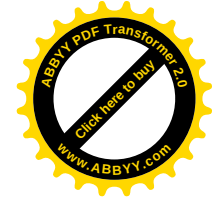
Ислими	– растительный орнамент в виде побега (вьюнок)
Ихшид	– титул правителей Согда и Ферганы в раннем средневековье
Кайрак	– надгробный камень с несторианской эпитафией
Караван-Сарай	– постоянный двор, место стоянки караванов
Кафир	– человек иной (немусульманской) веры
Кешк	– раннесредневековый укрепленный замок
Кибла (Кыбла)	– направление в Мекке, сторона, в которую мусульмане обращаются при молитве
Коран	– священная книга мусульман
Куфи	– один из почерков древней арабской письменности, отличается угловатостью и вычурностью
Мазар	– место поклонения и погребения мусульман в период позднего средневековья
Махалля	– квартал, район города
Медина	– то же, что шахристан, т. е. внутренний город; священный город мусульман наряду с Меккой
Михраб	– ниша (алтарная) внутри мечети, ориентированная в сторону Мекки, в жилище
Муги	– огнепоклонники (зороастрийцы)
Мугхона	– Дословно “жилище муга”, надгробное наземное сооружение из кирпича или камня
Муфтий	– ученый-богослов у мусульман, толкователь Корана, дающий заключения по духовным и юридическим вопросам, возглавляющий орган духовного управления
Намаз	– молитва, совершаемая пять раз в день

Нооруз	– праздник Нового года в домусульманской Средней Азии
Парус	– переходная конструкция от стен помещения к куполу, часть сферической поверхности
Пештак	– арочный портал с большой нишей, служащий входом в здание
Пилон	– квадратный или прямоугольный устой, одна из опор арки, свода, купола
Рабад	– торгово-ремесленная часть города; поместье
Рабат	– укрепление; укрепленный монастырь, иногда Караван-Сарай
Сарай	– дворец, зала
Софит	– архитектурно обработанная поверхность перекрытия
Сура	– стих Корана
Сунна	– мусульманское священное предание о пророке Мухаммеде
Суфа	– лежанка
Суфий	– человек, исповедующий или проповедующий суфизм на мусульманском Востоке
Суфизм	– мистико-аскетическое направление в исламе
Тамга	– родовой знак, печать, клеймо у тюрков
Тегин	– принц (тюркский титул)
Терракота	– обожженная (резная) глина
Тимпан	– западающая внутрь основная часть арки
Тромп	– особый вид сводчатой конструкции, применяемый для перехода от квадратного основания сооружения к куполу, имеет форму части конуса

Улемы	– ученые-богословы и правоведы
Фриз	– ленточная скульптурная (лепная) или живописная композиция
Хадж	– паломничество в 12-й месяц лунного (мусульманского) года
Хаджа	– человек, совершивший паломничество в Мекку
Хаджив	– придворный чин, сановник при Караханидском дворе
Хадисы	– рассказы Сунны со слов пророка
Хакан (каган)	– верховный правитель древних тюрков
Ханака	– обитель странствующих дервишей и паломников; центр дервишеского ордена
Хауз	– открытый искусственный водоем
Хафиз	– знаток и декламатор Корана
Хиджра	– начало летоисчисления в исламе; исходным для него принято считать 1-е число 1-го месяца (мухаррама), т. е. 16 июля 622 г.
Ходжа	– почетный титул придворного сановника
Шариат	– мусульманское право
Шахристан	– собственно город, то же, что и Медина
Шейх	– старик, глава религиозной общины
Шейх-уль-ислам	– то же, что муфтий; глава мусульманского духовенства
Эмир (амир)	– военный начальник, вождь (употреблялось как титул); правитель

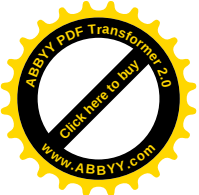

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования заключается в поиске новых моделей развития архитектуры Кыргызстана на основе взаимодействия культур и цивилизации во взаимодействии с глобальными социально-экономическими политическими и экологическими процессами. Мировая культурная интеграция различных народов и государств, возрастающее значение которой трудно переоценить, ставит первостепенной задачей определение историко-культурных закономерностей их развития.

История архитектуры многонационального Кыргызстана не подпадает под четкую регламентацию стилей и направленности ее развития. Так, отдельные регионы Кыргызстана, в частности южные, укладываются в схему восточно-мусульманской архитектуры, посредством отбора примеров выявлены методом аналогий с мировыми центрами Востока, другие регионы, в основном северные, больше соответствуют схеме русско-европейской архитектуры. Вместе с тем, реальная картина целостного развития архитектурной культуры Кыргызстана, рассматриваемая во взаимосвязи и влиянии различных этнических общностей и особенностей конфессиональных отношений, выразившихся в многообразии стилей и направлений, не получила должного отражения в исследованиях ученых.

Малоизученность процессов архитектурного развития пограничных историко-культурных регионов Кыргызстана, в частности Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и России, неизбежно оказывает воздействие на уровень знаний о глобальных путях развития архитектуры Кыргызстана и, в целом, архитектурной культуры Центральной Азии. В частности, остаются неисследованными вопросы архитектурно-градостроительной культуры Кыргызстана, а также вопросы, связанные с адаптационными и адаптирующими возможностями кыргызских традиций в инокультурном окружении, роли взаимовлияний в формировании региональных традиций архитектуры Кыргызстана.

Становится очевидным, что необходимо специальное исследование истории архитектуры и градостроительства Кыргызстана. Отсутствие фундаментальных исследований в вопросах взаимодействия культур в развитии архитектуры сказывается на состоянии прикладной науки, на уровне подготовки архитектурных кадров в республике, на практике реставрации, реконструкции и проектирования жилых, общественных, инженерных и культовых зданий и сооружений, на развитие современной архитектуры Кыргызстана.

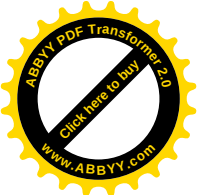
Особую актуальность приобретают вопросы, связанные с сохранением архитектурного и культурного наследия. Первостепенной задачей становится разработка методологических принципов охраны памятников архитектуры и градостроительства, определение научных критериев при составлении свода памятников архитектуры Кыргызстана.

Вышеизложенное, а также необходимость ликвидировать пробел в изучении и освещении вопросов, связанных с взаимодействием культур различных регионов и народов Центральной Азии, определение их роли в формировании и развитии архитектуры Кыргызстана, имеющей место как в исторической, так и в профессиональной литературе, обуславливают актуальность избранной темы и наше обращение к ней для специального научного исследования.

Данная тематика исследования входит в приоритетное направление исследований научной архитектурной школы Кыргызско-Российского Славянского университета.

Постановка цели исследования в значительной степени определилась состоянием изученности вопросов, связанных с тесным взаимодействием культур народов региона и выявлении их роли в развитии зодчества Кыргызстана.

Цель исследования – разработать и теоретически обосновать модель-концепцию исторического развития архитектурно-градостроительной культуры

Кыргызстана XVII – начала XX века, как полиэтнического региона, в котором на протяжении веков сосуществовали политеизм, ислам и христианство.

Задачи исследования. Учитывая многогранность затронутой проблемы, задачи исследования базировались на трех аспектах: истории, теории и методологии.

В историческом аспекте: лежат задачи исследования генезиса архитектурно-градостроительной культуры Кыргызстана;

- анализ этногенетических особенностей населения;
- раскрытие особенностей взаимодействия культур народов региона, механизма взаимовлияния традиций.

В теоретическом аспекте: ставились задачи формулирования концепции взаимодействия традиций и разработки модели архитектурно-градостроительной культуры Кыргызстана.

В методологическом аспекте: разработка новых методологических принципов к исследованию архитектурно-градостроительного наследия Кыргызстана.

Территориальные границы исследования охватывают Кыргызстан, а также приграничные регионы соседних государств, входящих в историко-культурное пространство Центральной Азии, где последовательно развивались культуры доисламского, исламского и христианского периодов.

Хронологические границы основного периода исследования обозначены XVII – началом XX века. Вместе с тем, в целях более полного представления генезиса архитектурно-градостроительной культуры региона, в исследования включены материалы более раннего периода.

Научная новизна исследования заключена в следующем:

- впервые исследуется архитектурно-градостроительная культура Кыргызстана XVII – начала XX века как целостная система, закономерности ее развития, взаимодействия традиций различных религий в архитектурном пространстве региона.

– Впервые исследуется в историко-культурном единстве, на основе взаимодействия и взаимовлияния традиций, развитие архитектуры поселений, жилых, культовых, инженерных, производственных зданий и сооружений XVII – начала XX века.

– Впервые на основе полученных результатов исследования предлагается модель исторического развития архитектурно-градостроительной культуры Кыргызстана.

– Впервые на основе культурологического и регионального подхода к изучению данной проблемы предмет исследования рассмотрен в методологическом, теоретическом и исторических аспектах.

Практическая ценность работы полученных результатов исследования состоит в следующем:

- раскрытие закономерностей развития зодчества Кыргызстана на основе взаимодействия культур, а также преемственности традиций народного зодчества, и его национальное своеобразие, расширяющих рамки исследуемых вопросов теории архитектуры;

- выявленные в исследовании объективные закономерности взаимодействия культур в развитии зодчества Кыргызстана являются теоретической основой для практического использования в современной и проектной практике с учетом сложившихся архитектурно-градостроительных традиций конкретного региона;

- теоретические и практические результаты исследования, требующие дальнейших исследований, определяют пути перспективных научных прикладных исследований, с учетом их комплексного взаимодействия;

- разработанная модель исторического развития архитектурно-градостроительной культуры Кыргызстана, а также методология ее исследования могут являться источником творческих профессиональных поисков принципов устойчивой архитектуры в современном зодчестве

республики, что будет способствовать развитию многонациональной культуры Кыргызстана;

- полученные в результате исследования материалы и выводы могут быть использованы проектными и научно-исследовательскими организациями, а также в педагогической работе по курсу “История архитектуры Кыргызстана”, в курсовом и дипломном проектировании по направлениям – архитектура, дизайн и реставрация архитектурного наследия;

- в популяризации и сохранении архитектурного наследия Кыргызстана, а также памятников истории и культуры республики в целом.

Экономическая значимость полученных результатов заключается в использовании научно-теоретических разработок при анализе проблем, связанных с развитием архитектурно-градостроительной культуры Кыргызстана. Выводы исследования, основанные на изучении материальной культуры Кыргызстана, с учетом эволюции социальных условий, взаимодействия культур и традиций способствуют развитию социально-экономической направленности проектной деятельности в сторону внедрения принципов устойчивой архитектуры. Результаты исследования востребованы при подготовке учебно-методических материалов, практических рекомендаций по истории и теории архитектуры Центральной Азии, в том числе Кыргызстана.

На защиту выносятся теоретическое обобщение исследования и выводов по следующим проблемам:

– взаимодействие культур в развитии архитектуры Кыргызстана с XVII до начала XX века с охватом широкого круга типов зданий и сооружений;

– принципы прогнозирования развития архитектуры Кыргызстана, с учетом эволюции социальных условий, взаимодействия культур и традиций;

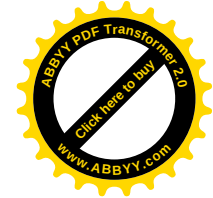
– модель исторического развития архитектурно-градостроительной культуры Кыргызстана.

Личный вклад соискателя. Сформулированы выводы и разработана модель развития архитектурно-градостроительной культуры Кыргызстана, которая будет способствовать сохранению его историко-архитектурного наследия и дальнейшему развитию архитектуры данного региона во взаимоувязке и взаимодействии с культурными ценностями традиционного зодчества многонационального населения государств Центральной Азии. Автором проведены натурное изучение, обмеры и фотофиксация различных, ранее не обследованных объектов жилого, мемориального, культового и производственного назначения, что значительно расширяет представление о богатейшем наследии материальной культуры Кыргызстана.

Апробация и внедрение результатов работы. Основные результаты и положения исследованы, опубликованы в 14 научных статьях и монографии [41 - 44, 144 – 152] изложены на внутривузовских и международных научных конференциях (г. Бишкек, г. Самара, г. Казань, г. Барнаул), доклады представлены на I и II Международных Алтаистических Форумах “Тюрко-монгольский мир Большого Алтая” в г. Барнаул (2020 и 2021 гг.), посвященных историко-культурному наследию и современности. Материалы натурных обследований в виде обмерных чертежей жилых, культовых и гражданских зданий и сооружений, а также выводы и рекомендации исследований используются в качестве методических пособий для студентов I и II курсов и дипломных проектах кафедры “Архитектура” в КРСУ.

Структура диссертации. Работа представлена в одном томе, включающем текстовую часть, изложенную на 142 страницах, включает перечень сокращений и терминов, три главы с выводами, заключение, без учета списка использованной литературы, а также приложения и практические рекомендации. Список использованной литературы содержит 217 наименований и приложение, представляющее иллюстративную часть диссертации, размещенную на 39 графических листах.

ГЛАВА 1

Условия развития архитектурно-градостроительной культуры Кыргызстана

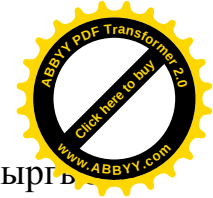
1.1. Историко-графический обзор источников и литературы

Несмотря на то, что избранная тема не исследовалась специально, имеются большое количество источников, в которых встречаются отдельные упоминания и сведения о зодчестве Кыргызстана. Их можно условно разделить на четыре группы:

- 1) источники по истории и культуры Кыргызстана, которые в той или иной мере восполняют наши знания в вопросах истории, культуры, архитектуры, искусства, географии и социально-экономической жизни исследуемого региона, и объясняют появление и функциональное назначение изучаемых объектов архитектуры;
- 2) архитектурная и этнографическая литература, в которой упоминаются или описываются памятники материальной культуры Кыргызстана, в том числе архитектуры;
- 3) архитектурно-искусствоведческая литература, касающаяся темы нашего исследования непосредственно;
- 4) натурные исследования.

Рассмотрим изученность темы исследования в хронологическо-проблемном аспекте.

Исторические источники. Первые дореволюционные публикации исторического характера относятся к материалам первоначального накопления сведений о зодчестве Средней Азии, в том числе Кыргызстана. Это, в первую очередь, труды известных путешественников, географов, краеведов. К ним можно отнести книгу Ф. Ефремова [78] о его странствиях по городам и странам Среднего Востока, мемуары Захириддина Бабура “Бабур-наме” [10], а также арабские и персидские источники, известные нам в русских переводах [91].

Первые упоминания об архитектурных сооружениях кыргызов встречаются в отчетах русских исследователей, побывавших в Кыргызстане в середине прошлого столетия. Выдающиеся путешественники и исследователи Средней Азии Ч.Ч. Валиханов [32–36] и П.П. Семенов-Тянь-Шанский [188], посетившие Тянь-Шань во второй половине 50-х годов XIX в., в своих записках и дневниках, наряду с другими памятниками истории, отметили и ряд современных поселений, жилищ, кокандских крепостей и кыргызских надгробных сооружений Иссык-Куля, оставили описание и некоторые сведения об этих памятниках. Ч. Валиханов, излагая историю завоевания Кокандским ханством Центрального Тянь-Шаня, подробно описал и зарисовал два кыргызских гумбеа на Иссык-Куле, отметив их характерные особенности. Одно из первых упоминаний о кокандских крепостях в Прииссыккулье мы встречаем в работах В.В. Вельяминова-Зернова при описании им восстания 1845 г. иссык-кульских кыргызов, изгнавших кокандцев из крепостей [40].

Более пристальное изучение историко-архитектурных памятников Кыргызстана связано с процессом его добровольного вхождения в состав России.

Уже в 70-х годах XIX в. во время путешествия по Кокандскому ханству А.П. Федченко [198] и П.А. Северцев [186] в своих отчетах и докладах привели интересные сведения о памятниках зодчества Кыргызстана, сопровождаемые схематическими зарисовками и литографиями, которые в наши дни приобретают особую актуальность.

В то же время энтузиасты исторического краеведения Ф.В. Поярков [171], В.П. Наливкин и др. [157] проводят археологические раскопки и дают описание памятников зодчества. Деятельность краеведов привлекла внимание центральных научных учреждений России и в 80-х годах XIX в. Императорская Санкт-Петербургская археологическая комиссия организует в Чуйской и Ферганской долинах археологическую разведку.

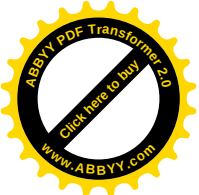

Одним из членов археологической комиссии Н.Н. Пантусовым в 1880 г. опубликована рукопись муллы Нийяз-Мухаммада “Тарих-и Шахрухи”, которая содержит ценные сведения по истории Кокандского ханства. В ней наряду с хроникой различных событий в ханстве автор уделил внимание выступлениям кыргызов против кокандского ига, упомянув ряд архитектурных сооружений на территории Кыргызстана, сведения о которых приводятся в работах не только русских, но и зарубежных исследователей. Так, в 60–70-х годах XIX в. были опубликованы в переводе на русский язык книги венгерского путешественника А. Вамбери [37], совершившего в 1863 г. путешествие по Средней Азии по поручению Венгерской Академии наук. В них упоминаются кыргызы, жившие в Кокандском ханстве, их активная роль в политических событиях в Коканде. Надо отметить и двухтомник американского путешественника и дипломата Юджина Скайлера, составившего краткий очерк истории Коканда. В дневниковых записях о поездке по Кыргызстану в 1879 г. он сообщал о восстании южных кыргызов.

Некоторые сведения об архитектурных сооружениях памирских кыргызов оставил французский путешественник Гайом Капю. В своем труде он дает лишь общее описание увиденных им типов кыргызских надгробных сооружений и жилья, не указывая их конкретного местоположения, тем не менее по ним можно судить о формах жилища и надгробных сооружений памирских кыргызов, их строительном материале и т. д. [212].

Упоминание об архитектурных памятниках Иссык-Куля, при строительстве которых употреблялся средневековый кирпич, имеется у Г.А. Колпаковского [98] и В.В. Бартольда [14–17]. Некоторые сведения о религии кыргызов и надгробных сооружениях встречаются в трудах Ф.П. Пояркова [171].

Интересны исследования И.А. Кастанье в плане проведения аналогии надгробных сооружений в казахских степях и верований казахов с кыргызскими. Автор прослеживает эволюцию надгробных сооружений

Казахстана от древних курганов до мавзолеев XIX в. Он дает описание казахских гумбезов, приводит легенды и предания, связанные с ними. Кроме того, к его работе прилагаются 28 таблиц с рисунками курганов и надгробных сооружений, что позволяет судить об их архитектуре и сравнивать с аналогичными сооружениями в Кыргызстане [93].

Все упомянутые выше дореволюционные авторы не ставили своей целью специальное изучение памятников зодчества Кыргызстана. Это, в основном, отчеты и труды, в которых интересующие нас памятники упоминаются лишь вскользь. В целом дореволюционная историческая литература несет отпечаток социального заказа господствующих классов и представляет интерес преимущественно как исторический источник.

Послереволюционный период изучения среднеазиатских памятников истории и культуры получает более широкое развитие, но исследуется в основном средневековый период. Памятники более позднего периода как свидетельство сравнительно недавнего прошлого не попали в поле зрения советских исследователей. В конце 30-х – начале 40-х годов первыми к изучению этих памятников обращаются, правда, лишь в художественно-прикладном значении, Б.П. Денике [74, 75], В.Н. Чепелев [207]. Они рассматривали их преимущественно в искусствоведческом аспекте. Причем, описывая памятники всех типов, основное внимание авторы уделяли ранней средневековой культовой архитектуре и лишь вскользь упоминали архитектурные сооружения XVII–XX вв. Больше всего их интересовал декор и орнамента крупнейших архитектурных сооружений XII–XVI вв., а также виды кыргызских орнаментов.

Первый сводный очерк по истории Кыргызстана, написанный в 1927 г., принадлежит академику В.В. Бартольд [15]. Материалом для него послужили результаты поездки в Среднюю Азию в 1893–1894 гг. Он дал первую сводку историко-географических сведений о ряде древних городов Кыргызстана и связанных с ними памятниках материальной культуры.

Археологические и этнографические материалы. Мощным стимулом

дальнейшему изучению зодчества Кыргызстана и многовековой истории края послужил Туркестанский кружок любителей археологии, организованный в 1896 г. в Ташкенте. В этот период произведены подробные обмеры и описания объектов архитектуры, сделаны попытки применения письменных источников для определения датировки архитектурных сооружений.

Историко-археологическое изучение сооружений средневекового Кыргызстана в дореволюционный период не было систематическим и планомерным. Подлинно научная работы развернулась после 1917 г. В этот период первыми декретами Советской власти обеспечивается государственная охрана памятников. На смену одиноким энтузиастам приходят работники специальных учреждений науки и культуры.

Большой вклад в исследуемую проблемы внес архитектор Б.Н. Засыпкин [81], видный теоретик архитектуры и практик-реставратор, который дал историко-архитектурный анализ многих памятников Средней Азии, в том числе Кыргызстана.

Объектами более или менее систематического изучения памятники архитектуры стали с 30-х годов, когда был создан Комитет наук при СНК Киргизии и начали работать археологические экспедиции Киргизского пединститута, а также Семиреченская и Памиро-Ферганская экспедиции (1938–1962) под руководством профессора А.Н. Бернштама [22 - 24]. А.Н. Бернштам впервые обследовал на месте памятники Кыргызстана изучаемого нами периода. В это время появляются его крупные историко-архитектурные исследования, в которых особое внимание он уделит культовым архитектурным памятникам средневековья, описал архитектурный декор гумбезов, выдвинул гипотезу эволюции надгробных сооружений, сравнил их с древними погребальными сооружениями, дал характеристику и классификацию, опубликовал фотографии и рисунки сооружений. Кроме того,

он кратко охарактеризовал кокандские крепости, а также привели описание плана из одной из крепостей – Чолок-коргон на Центральном Тянь-Шане.

Заслуги А.Н. Бернштама в изучении истории и археологии Кыргызстана, в том числе памятников древнего зодчества, значительны. Он применил комплексный подход к изучению памятников мемориальной культуры и истории края, показал самобытное развитие зодчества Кыргызстана с древнейших времен до XIX в., раскрыл характер взаимодействия культур кочевнических племен и оседло-земледельческого населения на территории Кыргызстана в I-м тыс. н. э. В своих работах А.Н. Бернштам рассматривал объекты зодчества на широком фоне историко-культурных процессов, протекающих в средние века.

Памятникам архитектуры Кыргызстана посвящена специальная работа А.Н. Бернштама “Архитектурные памятники Киргизии” [22], в которой обобщены сведения, содержащиеся в разрозненных публикациях архитектора Б.Н. Засыпкина [81] и искусствоведа Б.Н. Денике [74], особый интерес вызывают представленные в его монографии теоретические суждения о месте памятников Кыргызстана в архитектуре Центральной Азии. Он ставит такие важные вопросы, как национальные черты в архитектуре, происхождение купольно-портальной композиции, архитектурной терракоты и др.

Отдавая должное оригинальности и смелости выдвинутых А.Н. Бернштамом концепции и гипотез, нельзя не отметить, что некоторые из них не бесспорны, хотя основывались на очень большом фактическом материале. Им впервые сделана попытка выявления “тюркских” и “иранских” традиций в средневековом зодчестве Кыргызстана, а также отмечено особое значение периода правления династии Караханидов в создании целого архитектурного направления в средневековом зодчестве, вызвавшие в свое время отдельные критические замечания.

Большой вклад в изучение истории архитектуры и градостроительства средневекового Кыргызстана внес П.Н. Кожемяко – известный историк-

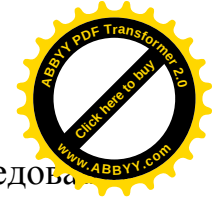
археолог. В своих исследованиях городов и сельских поселений средневекового Кыргызстана он выявил путем археологических изысканий территориальные размеры городов и сельских поселений, структуру размещения сооружений внутри городищ, исследовал типы жилищ [99].

Особое место в изучении этой темы занимают исследования архитекторов, которые в контексте изучения архитектуры Кыргызстана затрагивали отдельные аспекты в строительстве переселенцев. Так, в работе архитектора В.Е. Нусова при анализе истории архитектуры Киргизии отмечаются строительные и планировочные особенности жилья российских переселенцев как результат привнесения новых архитектурно-строительных композиций и адаптаций российского населения к местным условиям горно-равнинного ландшафта после присоединения Кыргызстана к Российской империи [160].

Представляют большой интерес работы Р.М. Муксинова, в которых исследуются наиболее значимые памятники зодчества, затрагиваются вопросы становления и развития народной архитектуры [131–137, 142].

В исследованиях и трудах Ю.Н. Смирнова [189, 190] также широко представлена историческая палитра зарождения архитектурных направлений в рассматриваемый период.

Интерес представляют также работы советских историков и этнографов, которые затрагивали поселения и жилища российских переселенцев. Так, в работах историков В.М. Плоских, В.Я. Галицкого “Фортификационные сооружения на территории Киргизии первой половины XIX в. и памятники Киргизстана” [172], анализируются постройки и сооружения, возникшие в результате переселенческой политики царизма. В работах В.Я. Галицкого о г. Пишпек и Оше [62, 63] представлены сведения о поселениях российских переселенцев в этих двух административно-культурных центрах Российского государства.

Имеются работы археологического характера, в частности исследования В.Д. Горячевой и В.М. Плоских об укреплении поселения Улуг-Коргон [68–70], В.П. Мокрынина [120] и др., которые подтверждают, что на территории Кыргызстана существовала своеобразная архитектура и методы строительства, которые в целом отражают особенности хозяйственного уклада кочевого и оседлого населения.

Анализируя советский период в изучении взаимодействия различных культур и их влияние на развитие зодчества Кыргызстана, что эта тема изучалась фрагментарно, не комплексно, а в параллели с другими исследуемыми темами. Архитектурно-градостроительная культура народов Кыргызстана в основном являлась объектом исторического и этнографического исследования, нежели архитектурного; архитектура народов, проживавших на ее территории не вызывала научный теоретический и практический интерес ни с точки зрения строительно-планировочной методики и традиций, ни как объект сохранения материального культурного наследия народов республики.

После обретения государственной независимости, Кыргызстан стал на путь построения демократического и правового государства.

В целом, у всего архитектурного сообщества появились принципиально новые ориентиры. Произошло переосмысление архитектуры, созданной предшествующими поколениями. Исследование наиболее ценных архитектурных произведений прошлого дало толчок к поиску новых идей и замыслов, сформировались новые направления дальнейшего развития национального зодчества.

Архитекторы, как исполнители заказа общества, стали обращать свое внимание не только на современную архитектуру республики, но и предлагать свои творческие решения, построенные на образцах традиционной этноархитектуры. Научные исследования, направленные на изучение исторического наследия прошлого, являются важнейшим вкладом в изучение истории архитектуры Кыргызстана.

Интересными в теоретическом плане являются труды Д. Омуралиева в частности “Парадигма архитектурного пространства эволюция архитектуры Кыргызстана”, “Современная этноархитектура Кыргызстана (истоки, объекты, тенденции) в которой затрагивается этнокультурная концепция пространства традиционного жилища славян в контексте соотношения с основными параметрами картины мира [162–167].

В совместной работе Р.М. Муксинова и Р.Д. Муксиновой “Зодчество Кыргызстана” проводится всестороннее исследование народного жилища, особенности его формирования и анализируется преемственность традиций. Авторы разработали типологию объектов народного зодчества в зависимости от рельефа местности. Проведена их классификация. Обосновывается справедливый вывод, что на формирование объектов народного жилища существенное влияние оказывают такие факторы, как этническая принадлежность, род занятий, уровень социально-экономического развития, географическая среда и наличие строительных материалов [131].

Немаловажный интерес для нашей темы представляет работа Д.Д. Иманкулова “Монументальная архитектура юга Кыргызстана XI–XX вв.”, в которой исследователем раскрывается история развития архитектуры юга Кыргызстана в свете ее типологических характеристик, закономерностей развития и художественных достоинств. Автор на конкретных примерах показывает основные черты монументального зодчества Оша, Узгена, Джалал-Абада в сопоставлении с архитектурой сопредельных стран и выявляет как общие, так и своеобразные черты, значение и место архитектуры южных областей страны в зодчестве Центральной Азии. Значительное место в исследовании вопросов реставрации, реконструкции и сохранения памятников архитектуры отводится монографии Д.Д. Иманкулова “Архитектурно-градостроительное наследие Кыргызстана”, созданной на основе материалов докторской диссертации.

Представляют определенный интерес в теоретическом плане труды Воличенко, посвященные методике анализа памятников архитектуры Кыргызстана, изучению историко-архитектурных объектов Иссык-Куля, эко-архитектуре Центральной Азии, исследованию древней архитектуры Кыргызстана, а также работы, касающиеся сохранению архитектурного наследия в целях его популяризации и использованию в системе туристической инфраструктуры Кыргызстана [41–48, 165].

В работе Ю.Н. Смирнова “Архитектурное формирование природно-антропогенной среды” рассматривается и проводится анализ современных теоретических концепций формирования пространства, а также путей архитектурного обустройства горных местностей для обитания в пространственно-экологической среде. Большое значение отведено выявлению прогрессивных традиций народного зодчества, составляющих одну из важных сторон привлекательности страны как объекта туризма [189, 190].

В книге “Православные храмы Киргизии (XIX–XXI вв.)” автор Е.Е. Озмитель рассматривает дореволюционный и советский периоды истории православной культуры в Кыргызстане, подробно описывает все значительные несохранившиеся и существующие храмы [161], которые являлись, по справедливому мнению автора, источниками духовности православного населения на территории республики.

Представляет определенный интерес монография Р.М. Муксинова и Н.Г. Султановой “Мемориальное зодчество Кыргызстана XVIII – начала XX в.”, раскрывающая многообразие конфессий и религий, имеющих место в Кыргызстане. В ней описаны различные типы мемориальных сооружений, определены роль и влияние религий на архитектуру мемориального зодчества. [136].

В работе Р.М. Муксинова и М.И. Бейшенбаева “Архитектура мечетей Кыргызстана. Традиции и современность” раскрывается генезис и развитие архитектуры культовых сооружений. Подробно описываются сохранившиеся

культовые сооружения на территории республики. Обозначается роль испанского искусства в развитии культовой архитектуры [137].

Необходимо отметить работы, в которых отражается особенность поселений славянского населения в изучаемый нами период. В частности, в работе А. Иванова [83] о г. Каракол описывается его история рождения и становления, а также история его основателей. Очень подробно исследуются жилые постройки переселенцев, культовые сооружения и их декоративное оформление.

Статья А.С. Дараган “Стилистические и композиционные особенности деревянных православных церквей Кыргызстана конец XIX – нач. XX в.” В ней исследуются истоки деревянного зодчества, появившиеся на территории Кыргызстана в конце XIX – начале XX в. Автор проводит композиционный, функциональный и объемно-пространственный анализ некоторых церквей, существующих и существовавших в Кыргызстане в сравнительно-сопоставительном контексте с деревянной церковью XIX века в России [73].

В статье Е.О. Карякина “Планировка поселений восточной части Иссык-Кульской области в середине XIX – начале XX в.” исследуются поселения, расположенные в восточной части Иссык-Куля. Автор дает исторический обзор появления некоторых поселений, классификацию по планировочной структуре и анализ планов [92].

Натурные исследования. Основными источниками по зодчеству Кыргызстана являются натурные обследования городов, селений и отдельных сооружений, проведенные авторами во время руководства обмерной практики студентов-архитекторов КРСУ, а также личных поездок с целью самостоятельного изучения круга вопросов архитектурного наследия и использования памятников истории культуры и архитектуры Кыргызстана. Итоги натурных исследований опубликованы в специальных изданиях и в республиканской печати, а также были доложены на международных конференциях. Вместе с тем, несмотря на широкий диапазон охвата

архитектурных материалов натурными исследованиями, для решения вопросов эволюции, генезиса, взаимовлияния и типологических характеристик в зодчестве рассматриваемого региона этого явно недостаточно. Поэтому в работе были использованы исследования памятников архитектуры многих регионов Центральной Азии, Закавказья и зарубежного Востока, выполненные в различные годы советскими и зарубежными учеными. Дополнительные изыскания проводились в музеях НИМ (г. Бишкек), ГНИМА им. А.В. Щусева, в фондах и архивах ЦГВИА (г. Москва), в музее изобразительных искусств (г. Бишкек), в фондах НАН КР, архиве НИИТАГ РААСН (г. Москва). Большую помощь оказали материалы, опубликованные в работах С.М. Абрамзона [1,2] Г.А. Пугаченковой [176 - 177], Л.Ю. Маньковской [117], М.С. Булатова [28], В.А. Булатовой [29] А.Н. Бернштама [22 - 24], В.Л. Ворониной [49 - 61], О.Х. Халпахчыяна [200], С.О. Хан-Магомедова [202, 203], Г.Н. Айдаровой [3 - 6] В.Е. Нусова [160], В.М. Плоских [172], В.Д. Горячевой [68 - 70], К.И. Антипиной [9], Д.Д. Иманкулова [84 - 88], Д.А. Назилова [155, 156], Р.С. Мукимова [121 - 130], С. Мамаджановой [111], В.А. Лаврова [105], Б.И. Засыпкина [81], Б.А. Глаудинова [65], Мамадназарова М.Х. [112 - 116], Р.Д.Муксиновой [138 – 143, 153], Д.С. Садыгалиевой [181 - 184] М.Ж. Турдалиева [196], М.А. Хамиджановой [201] , Н.Н. Харузина [204] , С.Т.Хмельницкого [205], Ю.С. Худякова [206], К.Ш. Шаниязова [208], Ю.А. Шибяевой [209], В.Н. Шнитникова [210], Ю.Я. Якубова [211], Н.А. Кислякова [95, 96], Ж. Тентиева [194], А.С. Турганбаевой [195], М.К. Соловьевой [191], Т.Х. Стародуб [192], Н.А. Прохоровой [173 – 175], Б.М. Полуй [169].

Архитектурно-искусствоведческая литература. Новый этап в изучении памятников зодчества республики наступает в послевоенный период, после принятия в 1948 г. постановления Совета Министров СССР, поднявшего на более высокий уровень дело охраны, изучения и реставрации культурного наследия. Памятники архитектуры привлекли внимание исследователей в области истории и теории архитектуры, общих проблем истории искусств, они

исследуются в обобщенных трудах многих ученых архитекторов и искусствоведов по истории градостроительства, искусства и архитектуры Центральной Азии и всего Востока в целом.

Архитектурные памятники в каждой республике изучены последовательно с античных времен и до наших дней. Приведем наиболее значительные из них.

В 1958 г. Г.А. Пугаченкова издала капитальный труд “Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма”. Г.А. Пугаченковой и Л.И. Ремпелем изданы труды “Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана” (1958); “Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана” (1960); В.Л. Ворониной опубликованы “Народные традиции архитектуры Узбекистана” (1951); “Народная архитектура Северного Таджикистана” (1959). Монументальной архитектуре Бухарского оазиса XI–XII вв. посвящена кандидатская диссертация В.А. Нильсена; памятникам архитектуры Средней Азии XI–XII вв. – работы А.М. Прибытковой, Г.А. Пугаченкова и Л.И. Ремпель [179], которые в своей работе подробно прослеживают историю развития и теорию построения орнаментов Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. В 1956 г. Г.Н. Любимовой и С.О. Хан-Магомедовым издана книга “Народная архитектура Южного Дагестана: Табасаранская архитектура” [108]; С.О. Хан-Магомедовым опубликованы “Дербент” (1958); “Лезгинское народное зодчество” (1969). Архитектуре Киргизии с древнейших времен до наших дней посвящена монография В.Е. Нусова, вышедшая в свет в 1971 г. Народное зодчество горных районов Узбекистана исследовано в работе В.А. Назилова, (1984). В 1990 г. опубликована книга Р.С. Мукимова и С.М. Мамаджановой “Зодчество Таджикистана”, освещающая архитектуру Таджикистана с древнейших времен до наших дней.

Изучение отдельных памятников, планировочной структуры древних городов, проводимое в республиках, дало возможность проследить

последовательность развития архитектуры Центральной Азии по историческим этапам. Примером могут служить книги А.М. Прибыtkовой “Строительная культура Средней Азии в IX–XII вв.”, Г.А. Пугаченковой и Л.Н. Ремпеля “Очерки искусства Средней Азии”, В.А. Лаврова “Градостроительная культура Средней Азии”, М.С. Булатова “Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX–XV вв.”, Д.Б. Маньковской “Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – начало XX в.).”

Результаты многолетних планомерных архитектурно-искусствоведческих и историко-архитектурных исследований были положены в основу многотомника “Всеобщая история архитектуры”. В первом и восьмом томах этого издания содержатся материалы об историческом развитии архитектуры Средней Азии. Однако этот капитальный научный труд и указанные выше работы практически не касаются архитектуры Кыргызстана.

Частичные сведения исторического характера о гражданских и культовых сооружениях Кыргызстана исследуемого периода приводятся в работах В.М. Плоских [172], В.Д. Горячевой [68], С.Я. Перегудовой [69], А.М. Насирдиновой [158], М.И. Бейшенбаева [21], А.Ю. Мальчика [110].

В последнем издании “Истории Киргизской ССР” специальный параграф посвящен архитектурным памятникам Кыргызстана, где они впервые представлены в наиболее обобщенном и концентрированном плане.

Общие сведения об архитектуре культовых и гражданских сооружений, а также их эволюции на общемусульманском фоне приводятся в “Истории искусства зарубежных стран”. Некоторые вопросы взаимосвязи и взаимовлияния Средней Азии и Кавказа освещены в трудах Д.А. Гияси. Данные о среднеазиатской архитектуре можно найти в трудах М.Е. Массона, З.Б. Баситханова, А.К. Мирбабаева, Б.И. Вайнберга, Н. Сабитова и др.

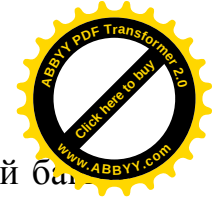
Приведенный историко-графический обзор источников и литературы о изученности проблемы свидетельствует об отсутствии специальных

монографических работ и научных исследований, затрагивающих тему нап исследования, – взаимодействие культур в развитии архитектуры Кыргызстана.

1.2. Особенности пространственно-тектонической структуры средневековой архитектуры Кыргызстана

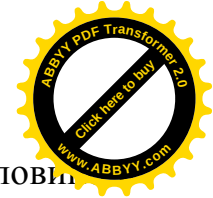
Приведенный ниже материал был ранее опубликован автором в сборнике статей Всероссийской научно-технической конференции [44, с. 434–443]. В средневековой архитектуре различных народов и государств как в доисламский, так и в исламский период, существовавших в обширном регионе Центральной Азии, можно наблюдать большое сходство. Это сходство проявляется в типологии городов; в пространственной организации жилых, общественных и культовых зданий; в использовании строительно-технических приемов; в применении строительных материалов и во многих других аспектах; и, конечно же, в собственно архитектурном облике, художественно-композиционном языке, т. е. стилевой направленности в целом. Существование некоего «параллелизма» в развитии архитектуры Центральной Азии можно считать аксиомой, не требующей какого-либо дополнительного доказательства. Вместе с тем развернутое представление об истории архитектуры Центральной Азии невозможно без конкретного дифференцированного анализа по странам, обладающим своей полноценно сформировавшейся, зрелой, хорошо приспособленной к местным условиям школой. Семиреченская архитектурная школа помимо южного Казахстана, северного Узбекистана включала в себя и территорию Кыргызстана. «В рамках школы вырабатывались специфические архитектурно-градостроительные приемы с учетом культурных и географических особенностей, а также решались задачи преемственности знаний» [46, с. 89]. Она оказала значительное влияние на развитие так называемой исламской архитектуры. Именно на территории Кыргызстана впервые в законченном виде появился порталый тип архитектуры (Узгенский мемориальный комплекс XI–XII вв.); первый минарет из обожженного кирпича с

поясами орнаментальной кладки в виде конусовидной отдельно стоящей башни (башня Бурана X в.); уникальная терракотовая резьба, которые затем получили свое дальнейшее развитие в исламской архитектуре (Лист 1, 2).

Пространственно-территориальное расположение Кыргызстана в центре Евразийского материка способствовало тому, что с древнейших времен в нем протекали активные интеграционные процессы в области торговли, культуры, религии и симбиоза кочевой и оседлой жизнедеятельности. Архитектура и градостроительство кочевых государств на территории Кыргызстана имеет примечательную и своеобразную историю, подтверждающую существование единой устойчивой традиции и тесных взаимосвязей в материальной культуре с кочевыми и оседлыми народами Центральной Азии. При рассмотрении пространственно-тектонической структуры архитектуры Кыргызстана на фоне всемирной истории и современной эпохи открывается объективная картина для составления, сравнения и вследствие такого определения выявления исторической роли и специфических закономерностей архитектуры этого культурно-географического региона. Такого рода архитектурное знание, думается, имеет важное познавательное, методологическое и ценностно-ориентационное значение, что определяет актуальность данного исследования. Как известно, временная периодизация средневековья в Кыргызстане отличается от европейской, т. е. этот период охватывает более тринадцати веков – с V по XVIII в. Историю средневековой архитектуры и градостроительства в Кыргызстане условно разделяют на три этапа:

1) раннее средневековье – доисламская архитектура (с V по X в. – около 600 лет) (Лист 3, 4, 5); 2) развитое средневековье – исламская архитектура (с XI по XII в. – около 200 лет); 3) позднее средневековье (с XIII по XVIII в. – 500 лет). При этом первые два этапа, с V по XII в., характеризуются как время массового перехода кочевников-скотоводов к оседлому земледелию, а также как период возникновения и роста стационарных поселений и городов. Начиная с VI в. активные градостроительные процессы разворачиваются в северном регионе,

сначала в Чуйской и Таласской долинах, затем в Иссык-кульской котловине и в внутреннем Тянь-Шане.

Третий этап (с XIII–XVIII вв. после гибели городов) – это время возврата к кочевому скотоводству, когда земледелие вновь становится вспомогательной отраслью скотоводческого хозяйства. В этот период наблюдается тотальный спад или, по существу, стагнация в архитектуре и градостроительстве. В работе проанализированы особенности сложения и развития пространственно-тектонической структуры архитектурных сооружений первого периода.

Доисламская архитектура (V–X вв.). Целый ряд факторов повлиял на возникновение городов в северном регионе Киргизии.

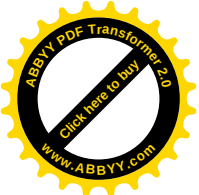
Во-первых, политические и военные процессы, в результате которых сложилось огромное государственное образование Тюркского каганата (Лист 6).

Во-вторых, возникли соответствующие социально-экономических отношения, прежде всего феодального склада общества.

В-третьих, переселение согдийцев и интенсивное функционирование одной из ветвей Великого Шелкового пути по северу Киргизии.

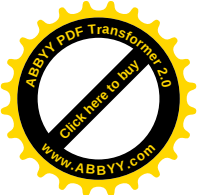
В-четвертых, культурно-религиозные факторы и природные условия.

Города становятся культурными и торговыми центрами тюркского каганата, в них скапливались значительные материальные ценности, развивались ремесла и искусства, формировались художественно-эстетические приемы. Основными типами архитектурных сооружений в средневековых городах были дворцы (цитадели), храмы, караван-сарай, замки (кёшки), жилые дома. Самобытная архитектура Киргизии на базе простейших материалов (лёсс, пахса, сырцовый кирпич, дерево) и строительных методов создавала логичные объемно-пространственные произведения. Здания возводились без фундамента на платформе-стилобате высотой, в разных случаях, от 1,5 до 10 м. Стены выполнялись из пахсовых блоков (от 0,8 до 1,5 м) или сырцового кирпича с различными вариантами кладки, толщина стен варьировалась от 1,5 до 5 м.

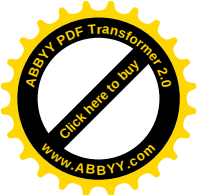
Купольные перекрытия выполнялись из сырцового кирпича с опиранием на тромпы при квадратном основании (максимальный размер 6×6 м). Они возводились только над святилищем в храмах, во дворцах и замках. Сводчатые перекрытия из сырца на глине выполнялись бескружалой техникой поперечных отрезков, при этом максимальная ширина помещений составляла 5 м. Более значительные по величине помещения имели деревянные перекрытия, плоские, стоечно-балочной конструкции, или перекрытие «рузан» – шатровое покрытие с опиранием на колонны из постепенно уменьшающихся деревянных октогонов или гексагонов, завершающихся сверху воздушным проемом. «Детали деревянного ордера состояли из базы, или пьестамента, круглого, уширенного книзу ствола с шаровидным или кувшинообразным основанием и капителью в форме усеченного конуса. Над капителью укладывалась ортогональная абака, над абакой перекрещивались консоли и прогоны» [52, с. 194]. Арочные проемы выкладывались разнообразными способами – клинчатой кладкой, кладкой поперечными отрезками, напуском или плашмя в несколько накатов. По словам доктора архитектуры Д.Д. Иманкулова, «именно в условиях ремесленного объединения накапливался и обобщался опыт мастеров и зодчих, в котором совершенствовались все стороны архитектуры, начиная от конструкторско-технических и композиционных приемов и кончая вопросами художественного творчества. Именно в этой непрерывной творческой и практической деятельности формировались взгляды народа на архитектуру и искусство» [84, с. 31].

Отсутствие единой религии и активный торговый и культурный обмен между странами, осуществляемый по Великому Шелковому пути, способствовал развитию толерантности и мирному сосуществованию на территории Кыргызстана различных культов – зороастризма и буддизма, манихейства и несторианского христианства, тенгрианства и шаманизма. Каждый культ требовал своей атрибутики и воплощался в тех или иных архитектурных формах (буддийские и христианские храмы) или архитектурно-

пространственных образованиях (зороастризм, тенгрианство, шаманизм, природные стихии и тотемы). Особенность архитектуры Кыргызстана наблюдается в явном сходстве пространственно-планировочного и композиционного решения буддийских и христианских храмов. «Выявление интегральной сущности архитектурно-пространственной формы храмовой архитектуры требует не только аналитического подхода, но и рассмотрения ее в контексте жизненных ситуаций, среды, культуры и исторического времени» [163, с. 170]. (Лист 11, 12, 13). Например, население средневекового города Суяба, столицы Западно-Тюркского каганата в VI–VII вв. (Ак-Бешимское городище), состояло из различных этнических общин – в нем проживали согдийские земледельцы, ремесленники и торговцы, которые постепенно ассимилировались с тюркскими племенами, определенную часть города занимала христианско-несторианская община (сирийцы, армяне), а также китайские купцы и чиновники, исповедующие буддизм. В городе археологические раскопки обнаружили три буддийских храма, христианскую церковь и крупный церковный комплекс (монастырь) (Лист 7, 8, 9, 10).

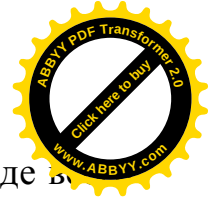
Как правило, планировочную структуру буддийского храма составляло квадратное святилище, являющееся центром композиции, вокруг которого с трех сторон располагался обходной коридор, ведущий в прямоугольный двор или колонный зал, находящийся перед входом в святилище. Однако первый буддийский храм, точно так же, как и христианская церковь на Ак-Бешимском городище (раскопки вел Л.Р. Кызласов в 1953–1954 гг.), имеют продольную, строго симметричную композицию [103]. Именно такую же схему имели блоки христианского монастыря, раскопанного в 1998 г. Г.Л. Семеновым [187], что свидетельствует об общности планировочных схем, используемых при проектировании храмов разных конфессий. Продольная ось буддийского храма, соединяющая входную часть и святилище, строго вытянута с востока на запад. Заглубленный арочный проем входного портала вел в вестибюль, по обе стороны которого размещались помещения, а расположенные на оси проемы

последовательно вели во внутренний прямоугольный двор с суфами, затем восьмиколонный зал и купольное святилище, вокруг которого располагался обходной коридор. Если композиция буддийского храма следует парадной анфиладной схеме, то ориентированная с востока на запад продольная ось христианской церкви, на которой расположился внутренний двор, фиксирует только вход в алтарную часть (4×4 м) с глубокими нишами по сторонам, завершающуюся шатровым перекрытием. Входы в церковный двор располагаются по продольным сторонам так же, как во фланкирующие с двух сторон алтарь, помещения крещальни и ризницы. Планировочная структура христианского храмового комплекса (монастыря) строится на чередовании крытых (сводчатых) и открытых прямоугольных пространств, перпендикулярно к которым примыкают купольные алтари и другие служебные и жилые помещения. На продольной оси каждого блока располагались соответственно вход в зал или двор и алтарь (святилище размером 5×5 м) (Лист 10, 11, 12).

Общность планировочной и пространственно-тектонической структуры приводит к сложности идентификации принадлежности зданий к той или иной религии. Так, петербургский археолог Г.Л. Семёнов [187, с. 44], обнаружив на территории храмового комплекса несторианские кресты, отнес его к христианской архитектуре, а В.Л. Ведутова утверждает, что «объект имеет все признаки буддийской храмовой архитектуры». [38, с. 187]. Проводя в 2010–2012 гг. раскопки на городище Ак-Бешим, ею были обнаружены в жилом доме напротив «среди кухонной утвари и утилитарной обстановки фрагменты некогда великолепных скульптур и других атрибутов декоративного убранства буддийского храма, составлявших в прошлом единое целое с монументальной архитектурой». [39, с. 125]. Это позволило сделать вывод о том, что сирийские беженцы уже в XI в. использовали заброшенный храм в своих целях, очистив его предварительно от осколков буддийских скульптур и фрагментов росписей.

Феодалные замки-кёшки располагались как в пределах «длинных стен», окружающих средневековые города Киргизии, так и за городом, занимая

важные стратегические точки на вершинах холмов – дёбё. Замок прежде выполнял оборонительную, фортификационную функцию, поэтому он «представлял собой замкнутый, компактный монолитный объем с непомерной толщиной стен, расположенный на высокой платформе-стилобате, которая поднимала его над местностью порой на высоту до 10 метров» [205, с. 65]. Стены фасадов и стилобатов были наклонены вовнутрь, что придавало суровым геометрическим формам замка несокрушимую устойчивость, а природные цвета строительного материала – сырца и пахсы – позволяли органично вписываться в окружающий желтовато-серый пейзаж лёссовых почв. Феодалный замок располагался посередине или чаще в углу достаточно обширной укрепленной территории, включающей поля, сады и различные замковые службы.

Кёшк по своему назначению мог быть как небольшим укреплением, так и сочетать в себе парадные, репрезентативные функции, выполняя в этом случае роль дворца-резиденции. Компактности объема замка, вызванной в первую очередь требованиями обороны, соответствовала продуманная планировка с четким делением на парадно-представительные, жилые и хозяйственные помещения, замкнутые в общий квадратный или удлиненный внешний контур.

Близкая к квадрату форма плана предопределила стремление к симметричному расположению помещений вокруг композиционного центра, совпадающего с геометрическим центром здания или сдвинутого с него по одной из осей. Таким центром мог быть и приемный зал, и распределительный холл-тамбур, и дворик, и осевой коридор, и даже группа нескольких небольших комнат.

Двух-трехэтажные дома горожан включали большое количество комнат и служили не только для проживания семьи, но и для ремесленного производства. К дому, как правило, примыкал двор, окруженный глинобитной стеной. Жилище раннего средневековья имело суровый и непритязательный внешний облик с небольшими входными проемами. На верхние этажи подъем

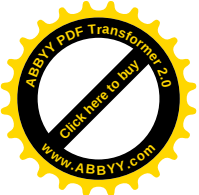
осуществлялся по пандусу или по перекидному трапу. Функциональное решение жилого дома отвечало требованиям бытового уклада семьи с учетом природно-климатических особенностей местности.

1.3. Роль Великого Шелкового пути в развитии архитектуры

Нынешнее название – «Великий Шелковый путь» (Great Silk Road) – эта древняя дорога получила лишь в XIX в. после публикации в 1877 г. немецким ученым Фердинандом фон Рихтгофеном книги «Китай. Результаты собственных путешествий» [180]. В исторической науке принято считать, что начало возникновения Великого Шелкового пути произошло во II в. до н. э. В 138 г. до н. э. генерал Чжан Цзянь был отправлен в Центральную Азию императором У-ди династии Хань для набора и отправки людей Юэджи в его борьбе против гуннов [151 с. 418–423, 150 с. 27–28] (Лист 13).

Вместе с тем, судя по материалам других ученых, в частности К. Байпакова, существует мнение, что до поездки Чжань Цзяня уже существовали связи кочевых племен Центральной Азии с Китаем и Средиземноморьем. Также археологическими исследованиями подтвержден факт наличия шелка в Бактрии в XV в. до н. э. [11, с. 164–223, 102]. Кроме китайского шелка, который являлся основной продукцией и товаром, продаваемым на Западе, существовало и множество других товаров, перевозившихся по этому пути, в частности бумага, фарфор, др. Вместе с тем, с караванами, шедшими по данному пути распространялись мировые религии, а также достижения науки, техники и культуры. В частности, из Китая в Европу пришли порох, фарфор, стекло, а на Восток передавались новейшие строительные технологии и производство металлов. Происходил взаимовыгодный двухсторонний обмен знаниями в технике, медицине, искусстве [106].

Если говорить о степени изученности затронутой нами проблемы, формирования градостроительства и архитектуры на Великом Шелковом пути в Центральной Азии вообще, надо представлять себе, что Великий Шелковый

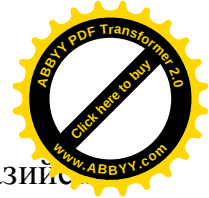

путь является общемировой ценностью и не принадлежит конкретно какому-либо народу и государству, например, Кыргызстану, который появился на географической карте в XX в. До этого времени на всей территории Средней Азии недолговременно существовали многие мелкие ханские владения, которые появлялись и исчезали в результате междоусобных войн в XVIII – начале XIX в. После распада Советского Союза и возникновения суверенных государств из бывших союзных республик в них появлялось множество трудов, имеющих различное толкование одних и тех же явлений истории и культуры.

Вместе с тем, во многих трудах были крайне скудно освещены сведения об архитектуре и градостроительстве Кыргызстана, а если и имелись краткие сведения, то они были только об истории городов и поселений без глубокого архитектурного и градостроительного анализа их формирования и развития.

Огромный багаж знаний о Шелковом Пути сохранился благодаря историческим источникам, книгам и записям, оставленным многочисленными учеными, путешественниками, историками и военными, побывавшими на этой Великой трассе. В числе таких авторов надо назвать китайского ученого Сюань Цзяня, который на протяжении 25 лет вел дневник о народах и поселениях, находящихся на этом пути. Также необходимо отметить авторов, оставивших записи о городах и селениях Средней Азии и, в особенности, Кыргызстана, в числе которых Ибн Хордарбек, Кудама Ибн Джафара, Ибн ал-Асира, Ибн ал-Факиха, Табари, Ал-Мукаддаси, Ибн-Фадлана, Плано Карпини, Гардизи, Гильом Рубрук [91, с. 62–73].

Существование Шелкового пути послужило возникновению своей уникальной архитектуры. Появлялись различные сооружения, в частности торговые центры, караван-сарай, гостиницы, склады и различные производства. Эти объекты размещались в поселениях, тем самым давая им развитие. Наибольший расцвет Великого Шелкового пути приходится на период правления династии Тан в VII–IX вв., который завершается в XIII–XIV вв. Период монгольского нашествия крайне негативно сказался на

функционировании Великого Шелкового пути, охватившего весь евразийский континент (Лист 13).

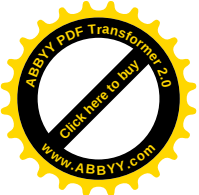
Датой полного завершения существования Великого Шелкового пути исследователи считают, вероятнее всего, XV в. Обосновано это тем, что большое развитие получил китайский морской флот, взявший на себя основной товарооборот между Востоком и Западом. Одним из значительных сооружений в Кыргызстане, расположенным на Великом Шелковом пути, имеющим историческую и архитектурную ценность, является караван-сарай Таш-Рабат, расположенный на берегу реки Кара-Коюн.

Таш-Рабат был построен в XV в. на месте более древнего монастыря IX–X вв. Существуют две версии его основания: первая – крепость была основана ханом, который хотел защитить торговые караваны от разбойников и при этом внести вклад в развитие страны; вторая – он был основан местным богачом, но стройка замка не закончилась по неизвестным причинам.

Считается, что Таш-Рабат был ключевым пунктом при переходе через Тянь-Шань, так как не только предоставлял убежище для купцов, но и служил укреплением при набегах грабителей. Через Таш-Рабат торговые караваны направлялись в города Ферганской долины [62].

Другим, не менее значительным сооружением на Великом Шелковом пути была древняя крепость, упоминавшаяся в 1859 в своих трудах Чоканом Валихановым, которая находится недалеко от караван-сарая Таш-Рабат. По исследованиям востоковеда В.В. Бартольда руины этой крепости являлись остатками города Ат-Баш (Кошой-Коргон). Археологами, проводившими раскопки с 1937 по 1989 г. было установлено, что возникновение города Ат-Баш приходится примерно на VII в. Учеными было подтверждено, что он является цитаделью правителей многочисленных тюркских племен и к началу VII в. город был столицей одного из уделов государства Караханидов [17].

Множество святынь, поселений и религиозных сооружений располагалось на трассах Великого Шелкового пути. Это Гумбез Манаса,

Сулайман-Тоо, Манжыл-Ата, Чолпон-Ата, Шах Фазиль, Идриса Пайгамбар, Иман-Ата, Иссык-Куль, Иссык-Ата. Все перечисленные памятники, святыни, караван-сарай, поселения, расположенные на трассах Великого Шелкового пути, наглядно определяют их всемирную ценность как объектов мирового наследия. Уникальность архитектурного и культурного наследия на Великом Шелковом пути актуализирует задачу их углубленного изучения и позволяет по-новому представлять роль исследуемого вопроса в истории архитектуры.

Территория Кыргызстана стала тем мостом, который соединил Восток и Запад. Великий Шелковый путь нельзя считать единым и неизменным трактом, проходившим строго по определенным населенным пунктам и караван-сараям, так как за полторы тысячи лет функционирования на его пути часто возникали и исчезали торговые города и столицы былых империй. Караванные тропы неоднократно меняли промежуточные пункты, строго выдерживались лишь основные направления – Восток–Запад и обратно [197].

1.4. Исторические особенности развития этнокультурных взаимодействий кыргызов

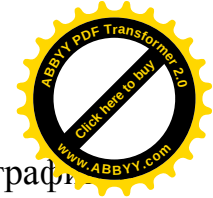
История кочевников Центральной Азии периода средневековья является важнейшей областью исследования тюркоязычных кочевников, к которым относятся кыргызы [14, с. 471–543; 146, с. 26–29].

За более чем вековой период изучения истории кыргызов, письменных источников, археологических данных по материальной культуре учеными собран богатейший материал [1]. Объекты, относящиеся к памятникам кыргызской культуры, найдены на Алтае, в Туве, Минусинской котловине и других районах Южной Сибири, хотя их количество ограничено. Вот почему анализ и систематизация собранного учеными огромного материала на столь обширной территории с целью введения их в обиход являются актуальными. Это дает нам возможность представить целостную картину мира кыргызов [7, с. 62–75].

О проблеме происхождения кыргызского народа нельзя сказать однозначно. Известно, что для ответа на этот вопрос необходим комплексный анализ данных различных наук, в частности истории, археологии, этнографии, антропологии, лингвистики. Особое место в этой проблеме заслуживает вопрос о связях Тянь-Шанских кыргызов. В исторических исследованиях ученых существует концепция, принадлежащая профессору А.Н. Бернштаму [24], согласно которой между этими народами существует прямая генетическая преемственность, согласно которой Енисейские кыргызы на протяжении двух тысячелетий переселялись с Алтая на Тянь-Шань, и в итоге составили ядро современных кыргызов.

Исследуя вопросы, связанные с историей Кыргызстана и кыргызов, сталкиваясь с большим количеством научных трудов, в которых бытуют противоречивые мнения ученых о кыргызах, их появлении на Тянь-Шане и этническом родстве с Енисейскими кыргызами. Среди первых ученых, высказавших предположения о Енисейских корнях кыргызов и переселении их из Центральной Азии на современную территорию Кыргызстана, были Г.Ф. Миллер [119] и Н.Э. Фишер [197]. Другой видный ученый Н.Я. Бичурин опровергал их мнение и считал их разными народами. Ч. Валиханов также опровергал переселение кыргызов на Тянь-Шань [32]. На основании почерпнутых им сведений из сочинений Абулгази-хана из узбекской династии шейбанидов, историка и писателя, автора родословной древа тюрков хана Абулгази и исторических преданиях о кыргызах он предположил, что кыргызы никуда не переселялись, так как по преданиям нигде не упоминается какое-либо их движение и кыргызы считают горы от Кашгара до Анджана своей родиной, т. е. Ч. Валиханов отвергает возможность вытеснения кыргызов джунгарами в XVII веке на Тянь-Шань. Этим он соглашается с возможностью миграции кыргызов с Алтая в Восточный Туркестан в Монгольский период [32].

Исследователь В.В. Радлов [178, 217], опираясь на данные этнографического языкознания, высказал предположение, что кыргызы были переселены с первоначальных мест своего обитания к югу от Саян монголами XII века по трем направлениям: на Тянь-Шань, в Верхний Енисей и к северу от Саян. Другой известный исследователь Центральной Азии Н.А. Аристов [8] высказал свое мнение о том, что кыргызы появились на Тянь-Шане в XVI веке, хотя у него были оппоненты по данному вопросу в лице Г.Е. Грумм-Гржимайло, утверждавшего, что кыргызы в домонгольские времена обитали на территории Бурятии, оттуда в XIII веке переселились на Тянь-Шань [71].

Изучая антропологические материалы, полученные археологической экспедицией АН СССР (1953–1955 гг.), исследования лингвистов, высказавших родство современного кыргызского и алтайского языков, этнограф С.М. Абрамзон [1] пришел к мнению, что кыргызы, и их культура сложились из двух компонентов – местного среднеазиатского населения и переселившихся на Тянь-Шань народов Центральной Азии. Вместе с тем, он определил, что в родоплеменном составе кыргызов присутствуют группы тюркского, киданского и монгольского происхождения. Однако при анализе этногенеза кыргызов он пришел к заключению, что та проблема недостаточно изучена и требует дальнейшей доработки.

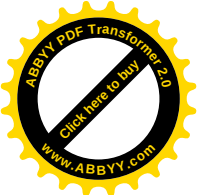
По мнению исследователя Л.Р. Кызласова [104], возглавившего работу археологической экспедиции на Ак-Бешимском городище, никаких следов и доказательств этнокультурных контактов между енисейскими и Тянь-Шанскими кыргызами обнаружить не удалось, а значит на Енисее кыргызов никогда не было, там обитали “древние хакасы”. “Предками современных кыргызов, по его мнению, были центральноазиатские кыргызы и различные тюркские группы, которые в эпоху монгольской империи служили юанским феодалам, а в XV в. переселились на Тянь-Шань”. Также в поддержку этой гипотезы выступил К.И. Петров [168], который, основываясь на анализе родоплеменного состава кыргызов, лингвистических материалах,

антропологических особенностях, высказался о невозможности переселения кыргызов, с Алтая на Тянь-Шань. По его мнению, предками современных кыргызов могли быть кыпчакско-кыргызские племена, обитавшие в верховьях Оби в 1-м тыс. н. э. и мигрировавшие на Тянь-Шань в XIII–XV вв. н. э. под давлением монголов [168].

Резкой критике подверг выводы Л.Р. Кызласова и К.И. Петрова О. Караев [91] в своих работах, посвященных анализу арабских и персидских источников, в которых указывались сведения о местах пребывания кыргызов в IX и XII вв. н. э. В своих работах он коснулся некоторых особенностей их культуры, свидетельствующих о проживании части кыргызов на Восточном Тянь-Шане. О. Караевым досконально рассмотрены и проанализированы в качестве подтверждающих свидетельств мусульманские источники о кыргызах X–XII вв., посещавших их земли по соседству с туфанскими уйгурами. Им отмечены некоторые особенности кыргызской культуры, изменившейся под влиянием “соседей-мусульман” [91].

На основании мнений и высказываний ученых по вопросу о появлении кыргызов на современной территории наиболее вероятной представляется точка зрения ученых о двухэтапном переселении части кыргызского этноса с Енисея в IX–X вв. до н. э. в Восточный Туркестан и Монгольский Алтай, разделение кыргызов в начале 2-го тысячелетия н. э. на два этноса – енисейский и восточно-туркестанский, и переселение в XV в. н. э. восточно-туркестанских кыргызов на Тянь-Шань. Эту точку зрения высказали многие ученые, в числе которых находились В.Я. Бутанаев [30], Ю.С. Худяков [30], В. Радлов [178, 217], В.В. Бартольд [14], А.Н. Бернштам [24], О. Караев [91] и другие. Переселяясь с далекого Енисея на Тянь-Шань в течение почти двух тысячелетий, кыргызы были современными соучастниками большого культурно-творческого взаимодействия народов Тянь-Шаня. Переселившийся с Енисея на Тянь-Шань народ имел высокую культуру и традиции, выработанные веками. Енисейские кыргызы широко славились своими мастерами,

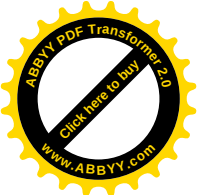
ремесленниками, кузнецами, изделия которых были хорошо знакомы и ценились в Кыргызстане.

На Тянь-Шане переселившиеся с Енисея кыргызы продолжали вести кочевой образ жизни. Оставаясь кочевниками, они откладывали в своей памяти, фольклоре и творчестве культурные ценности, накопленные народом в период его пребывания на Алтае. Многие народные традиции были запечатлены в кыргызском орнаменте, народном фольклоре из периода рассвета кыргызов домонгольской эпохи. Если говорить о народном фольклоре, то нельзя не упомянуть Великий эпос “Манас”, воспевающий кыргызского батыра и его походы, родившегося на Алтае и похороненного на Тянь-Шане.

1.5. Взаимодействие традиций в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии

В Центральной Азии оседлые земледельческие народы так же, как кочевое и полукочевое население, связаны между собой тесными узами этнографической близости и однообразием условий проживания. В течение длительного времени в процессе этногенеза, осложнявшегося частыми завоеваниями и передвижением больших масс населения, одни и те же древние и средневековые племена входили в состав разных формирующихся народностей: например, согдийцы входили в состав узбеков и таджиков, огузы – каракалпаков и туркмен, кипчаки – каракалпаков, киргизов, узбеков и т. д. [145, с. 44–48]. Этническая судьба этих народов явилась основной причиной их социального и культурного единства. Также обусловили постоянное общение и тесную связь историческая судьба этих народов, которые в течение продолжительного времени входили в состав одних и тех же крупных государств древности и средневековья, их совместная борьба против иноземных завоевателей.

Многовековой процесс этнической истории кыргызов и сложение кыргызской народности охватывает территорию от Монголии и верховьев

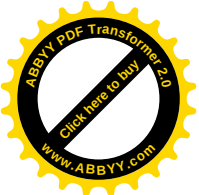
Енисея до Памиро-Алтая и Сыр-Дарьи. Массовая миграция кочевников, начиная с гуннского передвижения до завоевательных походов Чингисхана, Тимура и джунгарских ханов, привели к тому, что осколки кыргызских племен расселились на огромной территории – от Монголии до приволжских степей и Причерноморья. В ходе этногенеза целого ряда тюркских народов они отдельными компонентами вошли в их состав, иногда лишь сохраняя в генеалогических преданиях воспоминания о своих корневых истоках.

На сегодня в мире проживает около 5 млн кыргызов. На территории Кыргызстана, по данным последней переписи населения, проживало свыше 4,6 млн кыргызов. На определенных территориях Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, а также в отдельных регионах России проживало более 300 тыс. кыргызов. Плюс к этому за пределами СНГ проживает около 200 тыс. кыргызов, преимущественно в пределах Китайской Народной Республики, Афганистана, Пакистана, Монголии, Индии, Турции, даже Иордании.

Современные исторические и топонимические сведения свидетельствуют, что кыргызская этнотопонимика зафиксирована на громадной территории – от Монголии, Манчжурии до Причерноморья и Крыма. Здесь она закрепились в таких географических названиях, как Киргиз, Киргиз-Китай, Одомай-Киргиз, Кыш-Киргиз, Кыргыз-Нор и т. д. Исторически выделялись два основных региона, которые в разное время стали центрами расселения кыргызов, – Средний Енисей, а затем Тянь-Шань. Этому вопросу посвящено огромное количество трудов ученых затрагивающие этнокультурные процессы в Центральной Азии [72, 97, 206].

Первое упоминание о позднеенисейских кыргызах встречается в путевых заметках российских послов к монгольскому Алтын-Хану от 1567 г. Позже кыргызами называли конгломераты различных племен и родов, лишь один из которых непосредственно именовался кыргызским.

В середине XIX в. кыргызы на Енисее уже не составляли единого этнического целого. Просторы степей, ранее занятые воинственными

кыргызами, заселяют племена, обитавшие в лесистых горах Минусинской котловины: бельтиры, койбалы, маторы, арины, качинцы и др. В составе их были отдельные роды и енисейских кыргызов.

Непосредственно со средневековыми кыргызами Енисея некоторые ученые связывают кыргызов, вошедших в состав башкиров. В сложении башкирского народа на базе центральноазиатского пласта участвовали различные племена и родовые образования, являвшиеся основой формирования кыргызского народа. На первое место здесь выходит племя с этническим самоназванием “кыргыз”.

Исследователь этногенеза башкирского народа Р.Г. Кузеев [101] в своих трудах констатирует, что кыргызы пришли в Бишкерию в связи с кыпчакской войной XII–XIV вв. Свою генеалогию кыргызы возводят к Чингизхану, а через него и к своим предкам – Тонак-Бию и Кыдык-Бию, по именам которых называют два кыргызских рода: тэнкей и кадыкай.

Захваченные общей волной кочевнических передвижений кыргызы Енисея первоначально переселились на Сыр-Дарью, где в VII–X вв. они проживали в огузской этносреде, затем в составе кыпчакских объединений проникли на Западную Волгу, а в золотоордынскую эпоху – на Бугульминскую возвышенность. Эти кыргызские племена участвовали, наряду со многими другими, в этногенезе башкирского народа. Их образ жизни впоследствии ничем не отличался от окружающего башкирского населения.

На Алтае в результате переселения енисейских кыргызов и смешения их с местным населением еще в IX–XII вв. сложился алтайско-кыргызский субэтнос. Алтайские кыргызы не раз расселялись монгольскими ханами в другие регионы. Согласно преданиям, кыргызский эпический герой Манас родился на Алтае. В конце XV в. кыргызы Алтая заняли территорию Семиречья и Тянь-Шаня, став основой сформировавшейся здесь кыргызской народности.

В середине XIX в. среди населения Алтая остался еще целый ряд родоплеменных названий, идентичных с кыргызами Тянь-Шаня: кыргыз, сарыг (сару), телес (долес), мундуз, тейит и др.

Языки современных алтайцев и кыргызов наиболее близки между собой.

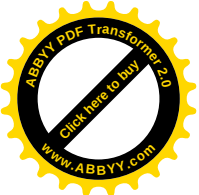
Лобнорские кыргызы, как и другие части кыргызов Монголии, имели древний пласт, возможно, более ранний, чем енисейский, который добавлялся следующими неоднократными переселениями сюда частей енисейских кыргызов. Это было связано с периодом монгольских завоеваний (XII в.), а последняя волна переселений вызвана экспансионистской политикой джунгарских ханов (последняя зафиксированная источниками дата увода джунгарами части кыргызов с Енисея в Монголию – 1703 г.).

Некоторое время кыргызы продолжали сохранять самобытный язык, однако культура, быт и хозяйство все более сближались с окрестным населением, что вело к постепенной ассимиляции пришлых кыргызов.

Территория Восточного Туркестана издревле была населена многими народами тюркского корня, в том числе и кыргызами. Их социальная структура, общественное и экономическое положение фактически составляли единое целое с основным кыргызским населением Тянь-Шаня. В XVI–XVIII вв. кыргызы, проживавшие здесь, были самым активным политическим этносом. Многие города Восточного Туркестана в первой половине XVIII в. находились во владении кыргызских феодалов. В частности, крупнейшей областью Калгара правил чонбаш Кайсары-Бий.

Разделение кыргызов Тянь-Шаня и Восточного Туркестана началось с завоевания в 1758–1759 гг. Восточного Туркестана китайцами и включением его в состав Маньчжуро-Цинской империи под названием Синьцзян. Проживавшие здесь кыргызы становились подданными богдыхана.

Изучение вопроса о расселении кыргызов на Памире связано с рядом трудностей, так как нет прямых источников о точном времени и причинах их

прихода сюда. На этот счет среди ученых нет единого мнения, хотя существует ряд гипотез.

По одной из гипотез видного исследователя Востока В.В. Бартольда [14], кыргызы появились на Памире в XVIII в., вытесненные с Тянь-Шаня ойратами (калмаками). Другие ученые (И.Я. Бичурин) [25], Ч. Валиханов [32, 34], ссылаясь на китайские источники, относят появление кыргызов на Памире к древнейшим временам. Разница между двумя гипотезами – два тысячелетия.

Свидетельствуют о расселении кыргызов в припамирских районах и средневековые арабские авторы. Аль-Истахри в “Книге путей и стран” (1987–1988 гг.) пишет: “Кыргызы живут между владениями тугуз-гузов, кимаков, океанов (так он называл Аральское море)”. Далее автор описывает расселение других племен, называет отроги среднеазиатских гор, которые смыкаются с Памиром, сообщает об известных средневековых рудниках: “Эти рудники, которые в Усрушанге, Фергане, Илахе, Шельфии и Лабане до страны хыргызов – все они находятся в главном хребте этих гор и тех горных цепях, которые примыкают к нему”.

В том же плане упоминаются кыргызы и в сочинениях Мухаммеда Бекарна “Описание мира”: “...пустыня, которая начинается у Ашрусте (Усрушане) и тянется до Ферганы вблизи от кыргыз, расположена сбоку этой горы. В этой горе много рудников...”.

Если посмотреть на средневековую карту Средней Азии, то, по описаниям этих авторов, “земли хыргыз” попадают, по крайней мере, на памирские районы.

В сочинении XI в. “Тарих аль-Камиль” Ибн-Ал-Асира, повествующем о событиях в Северном Афганистане (Памире), упоминается эмир Хиргиз. Здесь в то время (X–XII вв.) существовала могущественная Газневидская держава (с центром в г. Газна в Афганистане). Она включала в себя Афганистан, ряд областей Средней Азии, Ирана, Индии и весь Памир. Эмир Хиргиз был крупным газневидским военачальником.

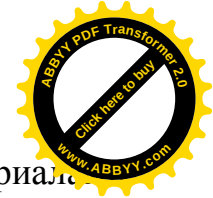
Знаменитый основатель империи великих моголов Захириддин Бабур (1483–1530 гг.) в своих трудах “упоминает племя чограк, кочующее между Ферганой и Кашгаром в труднодоступных горах. У чограков, кроме коней и овец, есть множество “кутасов”, т. е. яков. Нам неизвестно ни одной народности Средней Азии в прошлом, кроме кыргызов, которые разводили бы яков. Это дает основание считать, что племя чограк вошло в состав кыргызской народности.

Устные предания памирских таджиков и кыргызов сходятся на одном: некоторые области Памира (Каратегин) были прежде таджиков заселены кыргызами. Эти предания собрали независимо друг от друга несколько ученых: Н.Я. Кисляков, В.В. Бартольд и др. [95, 14].

Достоверные сведения о пребывании кыргызов на Памире в 1-й половине XVII в. мы находим у среднеазиатского историка Махмуда ибн-Вали. Он говорит о Шах-кыргызе, который правил от имени узбекских властителей Балха на Памире. Местные предания гласят, что Шах-кыргызу удалось объединить под свою власть памирские области Бадахшан, Рушан, Шугнан и Каратегин.

На основании сказанного выше можно обоснованно говорить о многоэтапном расселении кыргызов на Памире, длившемся свыше тысячелетия. В XIX в. Памир был поделен между кокандским ханом, калгарским эмиром и ваханским правителем. Но кыргызы лишь номинально признавали власть этих правителей, продолжая жить замкнуто в рамках патриархально-феодалных отношений. Они свободно перекочевывали через так называемые “границы”, и не особенно заботились о том, кто претендует на ту или иную территорию, считая себя истинными хозяевами пастбищ.

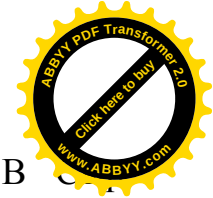
На территории современного Таджикистана кыргызы исторически компактно расселялись в окрестностях Ура-Тюбе, в Каратегине и Горном Бадахшане. Несколько обособленно расселялись каратегинские родовые подразделения, проживавшие здесь: кыдырма, бостон, кыргыз-кынчак, охтаки, тейит, найман и др. Исторические свидетельства неоднократного заселения

Каратегина кыргызами подкрепляется и фольклорными материалами. Профессор К.А. Кисляков записал в 1936 г. кыргызское предание: “Первоначальными обитателями Каратегина были кыргызы, которые заселяли его дважды. Первым переселенцем был некто Тегин-Ата, родом из кыргызского духовенства; он имел двух братьев Сайраш-ато и Ауило-ато. Тегин-ато пришел в Каратегин со своими мюридами и был правителем ряд лет... Вскоре в Каратегине появилась эпидемия какой-то страшной болезни, во время которой погибло почти все население. Среди немногих уцелевших оказался сын Тегина-Кара, который взял себе в жены кыргызку Тегин-ой. Он привел из Кыргызстана новых поселенцев и по имени его самого и его жены стала называться страна”. [96].

Традиционное соседство с узбеками, общий тип хозяйства – скотоводство – способствовало тому, что часть кыргызов издревле была расселена совместно с узбеками. Особенно это характерно для Ферганской долины, но до сегодняшнего дня отдельные группы кыргызов расселены и в некоторых других областях Узбекистана, в Ферганской, Андижанской, Наманганской, Сыр-Дарьинской, Ташкентской областях, небольшими группами в Каракалпакии и даже окрестностях Бухары и Самарканда [185]. В работах узбекского этнографа К.Ш. Шаниязова [208] по этому поводу написано: “Этнокультурные контакты населения Мавераннахра с Кыргызстаном начались давно. Однако непосредственные взаимоотношения (экономические, этнические и культурные) узбекского и кыргызского народов начались в XVI в., когда некоторая часть последних переселилась в горные и предгорные районы Ферганской долины” [208].

Массовое передвижение кыргызов в Ферганскую долину из Семиречья и Тянь-Шаня было вызвано джунгарским нашествием. В воспоминаниях приташкентских кыргызов фигурирует процесс переселения кыргызов в связи с походами Кенессары Касымова: не сумев преодолеть Аму-Дарью, кыргызы перешли в Гиссар и далее – в Заамин. В этническом плане ташкентские

кыргызы были выходцами из родов азат, нойгут, чапкылдык. В Дарьинской области закрепились кесек и тейит, в Ходжентской – шырдай, конеки, барак.

Общность во многом исторических судеб, соседство проживания, мирные и не всегда мирные взаимоотношения привели к тому, что часть кыргызов расселилась на территории современного Казахстана. О такой группе кыргызов, принявших вместе с казахами российское подданство еще в 1757 г., сообщил в своих работах историк А. Левшин. Он написал о пребывании в составе казахов Среднего жуза кыргызского рода, “известного под именем Джаны, или Яны-Кыргыз, т. е. новые кыргызы”. Позже Чокан Валиханов упоминал их под названием Яны (новые) или Бай (богатые) кыргызы. Ч. Валиханов считал, что они были пленены казахским султаном Аблай-Ханом и которых он отослал в Северную часть Средней Орды, где они и дети их ныне живут”.

Завершившийся процесс присоединения Кыргызстана к России (1876 г.) привел к формированию в крае многонационального по составу населения, установлению между народами культурно-экономических контактов. Представителям разных народов были присущи различные формы расселения и разные традиционные хозяйственные занятия. Кыргызы занимались в основном кочевым и отгонным скотоводством. Их аилы располагались на высокогорных (внутригорных) долинах. Часть кыргызов наряду с подвижным скотоводством начала заниматься земледелием в горно-долинные районах, обрамляющих Фергану с востока. В этих районах численно преобладали кыргызы, но в конце XVIII в. узбеки оттеснили их из равнинных районов в предгорья.

Возле бывших кокандских укреплений возникли постоянные поселения узбеков и кыргызов. Их жители обрабатывали землю и содержали на ближайших пастбищах скот. К концу XIX в. в долинах Восточной Ферганы имелось немало кыргызских кыштаков, выросла численность оседлых кыргызов, составляющих отдельные оседлые волости. Подобно уже давно обосновавшимся здесь узбекам, также поселившимся с конца XVIII в. уйгурам

и с 1877 г. – дунганам, оседавшие кыргызы занимались орошаемым земледелием и отгонным скотоводством. К началу XX в. в Приферганье образовались как однонациональные по составу жителей узбекские и кыргызские селения, так и айлы со смешанным населением – узбекским, таджикским, кыргызским и др. В 90-х годах XIX в. по мере притока крестьян-переселенцев из Центральной России и Украины, сначала в Кегартской и Куршабской долинах, а затем в Чуйской и Иссык-Кульской долинах стали появляться первые русские и украинские села. Внешним видом жилищ, застройкой поселений переселенческие села заметно отличались от айлов и кыштакор коренного населения. Первые переселенческие села в Кыргызстане появились в конце XIX – начале XX в.

Выводы по 1 главе

1. Историко-графический обзор источников и литературы свидетельствует о большом количестве трудов, посвященных развитию архитектуры и градостроительству на территории Центральноазиатского региона. Это материалы исторического, этнографического, искусствоведческого характера, а также и архитектурного. Вместе с тем, углубленное изучение материалов, касающихся поставленной в нашем исследовании проблемы, свидетельствует об отсутствии специальных монографических работ и научных материалов, затрагивающих тему нашего исследования – взаимодействие культур в развитии архитектуры Кыргызстана.

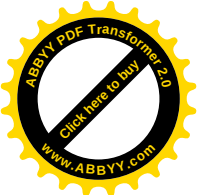
2. Общность, во многом, исторических судеб, соседство проживания, мирные и не всегда мирные взаимоотношения привели к тому, что к концу XIX века на территории Восточной Ферганы имелось немало кыргызских селений, выросла численность оседлых кыргызов. Подобно уже давно обосновавшимся здесь узбекам, также переселившимся с конца XVIII века уйгурам и с 1877 г. дунган, оседавшие здесь кыргызы также занимались земледелием и отгонным скотоводством. К концу XIX в. в Приферганье образовались как

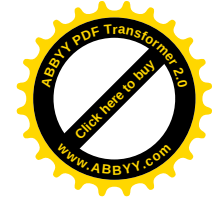
мононациональные по составу жителей узбекские и кыргызские селения, т. е. со смешанным населением – узбекским, таджикским, кыргызским и другим. В 90-х годах XIX века, по мере притока крестьян-переселенцев из Центральной России и Украины, сначала в Кегартской и Куршабской долинах, а затем в Чуйской и Иссык-Кульской долинах стали появляться первые русские и украинские села. Формирование в крае такого многонационального по составу населения способствовало установлению между народами экономических контактов, взаимовлияний и взаимодействий культур, что во многом послужило образованию на данной территории разнообразной архитектурной среды, базирующейся на традиционном зодчестве народов.

3. Существование Великого Шелкового пути послужило возникновению своей – особой – уникальной архитектуры. Появились такие различные сооружения, как торговые центры, караван-сарай, гостиницы, склады, культовые сооружения и различные производства. Такими сооружениями, расположенными на Великом Шелковом пути, имеющими историческую и архитектурную ценность, являются караван-сарай Таш-Рабат, крепость Кошой-Коргон, руины которой являлись остатками города Ат-Баш. Множество святынь и религиозных сооружений наглядно определяют их всемирную ценность как объектов мирового наследия. Уникальность архитектурного и культурного наследия на Великом Шелковом пути, актуализирует задачу их углубленного изучения и позволяет по-новому представлять роль исследуемого вопроса в истории архитектуры.

4. Пространственно-территориальное расположение Кыргызстана в центре Евразийского материка способствовало тому, что с древнейших времен в нем протекали интеграционные процессы в области торговли, культуры, религии и симбиоза кочевой и оседлой жизнедеятельности. Архитектура и градостроительство кочевых государств на территории Кыргызстана имеет примечательную и своеобразную историю, подтверждающую существование устойчивой единой традиции и тесных взаимосвязей в материальной культуре с

кочевыми и оседлыми народами Центральной Азии. При рассмотрении пространственно-тектонической структуры архитектуры Кыргызстана на фоне всемирной истории и современной эпохи открывается объективная картина для составления, сравнения и, вследствие такого определения, выявления исторической роли и специфичности региона. Такого рода архитектурное знание, думается, имеет важное познавательное, методологическое и ценностно-ориентационное значение, что определяет актуальность данного исследования.

ГЛАВА 2

Особенности развития архитектуры Кыргызстана

2.1. Методологические принципы исследования и типологизация объектов архитектуры Кыргызстана XVII – начала XX веков

Методология исследования. Основным методологическим принципом в исследовании является принцип единства мирового развития, а критерий определения архитектурно-градостроительной культуры региона – пространственное выражение смыслов культуры, необходимой и достаточной для обеспечения жизнедеятельности общества в данном регионе в конкретное историческое время. Рассматривая архитектуру, как материально-пространственную культуру региона можно считать, как структурообразующую пространственную систему градостроительских и объемно-планировочных типов, характерных для данного региона.

Региональный и культурологический подходы позволяют выявить структуру архитектурной культуры, ее элементы, связи, а также закономерности развития. В основу данной работы легли вышеназванные принципы и критерии исследования с использованием методов историко-генетического, архитектурного, градостроительного, культурологического, морфологического, типологического и стилистического анализов.

Морфологический анализ в работе основывается на выявлении ряда признаков, которые определяются исходя из следующих факторов:

1. Система ландшафтов.
2. Этнотерриториальная структура расселения.
3. Структура историко-культурных наслоений.
4. Сакральный каркас зоны (территориальная структура конфессий).
5. Система градостроительных типов.

Исходя из понятия “морфология ландшафта”, можно дать понятие “морфология архитектурного ландшафта” как пространственной формы искусственной среды, обладающей своей структурой и признаками.

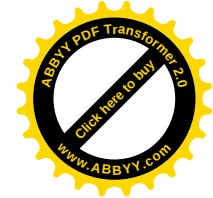
На всех уровнях анализа в системе расселения, градостроительный объемно-планировочный лежит общий принцип культурных наслоений. Понимание “культурного слоя архитектурного пространства” базируется в работе на системе понятий, известных в археологии: культурный слой как сочетание материальных фрагментов среды и заполнителя, т. е. остатков жизнедеятельности в этой среде людей, животных, растений. В архитектурном пространстве исторического города материальные структуры того или иного исторического времени продолжают существовать при изменении “заполнителя”, т. е. культурного содержания и носителей культуры” [3].

“Понятие морфология может относиться как к культурному ландшафту территории, так и к отдельным элементам этого культурного ландшафта. Система культурного ландшафта имеет морфологию (строение, структуру, элементы структуры, связи), так и отдельный фрагмент этого ландшафта (город, село, деревня) имеют свою структуру, свою морфологию, а внутри них и каждый архитектурный объект имеет свою морфологию (форму, структуру), которая может быть образована различными историко-культурными периодами” [3].

Морфологический анализ – это инструмент, позволяющий определить своеобразие архитектурно-градостроительной культуры, специфику эволюции и влияний, кристаллизировавшихся в типах, стилях, отразившихся в исторической динамике, способах организации пространства [3].

Объект исследования. Архитектурно-градостроительная культура Кыргызстана в исторической динамике, этногенез расселения, генезис и развитие поселений, жилых, культовых, мемориальных зданий и сооружений.

Предмет исследования. Взаимодействие и взаимовлияние этноконфессиональных культур и традиций в архитектурном пространстве центральноазиатского региона.

2.2. Генезис и развитие поселений Кыргызстана

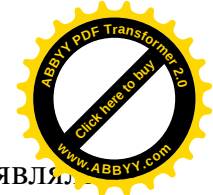
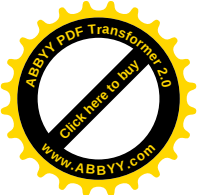
“Первые поселения в Кыргызстане появились на юге более чем за две тысячи лет до н. э. Жилищем служили полуземлянки с кровлей из лесса. Население в основном занималось земледелием, орошением и ремеслами. “Возникновению городов в Семиречье и Ферганской долине способствовало развитие феодальных отношений, ремесленного производства и торговли”. [133] (Лист 17).

“Города возникали на торговых путях из Средней Азии в Восточный Туркестан. Теплый климат и плодородная земля способствовали развитию земледелия. Возникновение и развитие крупных земледельческих и торгово-ремесленных поселений, как устанавливают письменные и археологические источники, относятся к VI–XII вв.” [133].

В конце VI в. Семиречье и Кыргызстан, в целом, принадлежали Западно-Тюркскому каганату, расцвет которого относится к концу VI в. и продолжался до середины VII в. Столицей его был г. Суяб (современное городище Ак-Бешим). Поселения возникали вокруг ставок родоплеменных вождей и зимовок знати.

В начале VIII в. с переходом власти к тюркешским племенам в Чуйской долине уже было несколько городов и поселений, окруженных крепостными стенами. Возле городов жили кочевые племена, имевшие экономические связи с оседлым населением. Некоторые города имели площадь 15 кв. км и более. Длина внешних валов иногда достигала 28 км.

“В X–XII в. в Чуйской долине города обрастают сельскими поселениями. Появляются крупные городские центры, которые играют ведущую роль в развитии ремесел и торговли. Возникают феодальные замки с мощными стенами и крепости, охранявшие владения городов. Вокруг городов-шахристанов развивались торгово-ремесленные предместья – рабады. Наиболее значительными городскими поселениями Чуйской долине считались Шиш-

Тюбе, Краснореченское, Ак-Бешимское, Бурагинское, Степнинское и являлись торговыми, ремесленными и административными центрами” [133].

Все сооружения поселений строились из лёсса и кирпича-сырца с примесью гальки, травы и соломы. Жженный кирпич, дерево и металл применялись крайне ограничено.

“В Ферганской долине (Давань) во II в. до н. э. насчитывалось около 70 больших и малых городов, которые представляли собой обнесенные стенами укрепленные общинные поселения. Главным городом Ферганы был Эрши. Он имел в плане форму прямоугольника с размерами сторон 500×750 м. Стены и башни сложены из кирпича размером $40 \times 40 \times 10$ см.

Отдельные дома-усадыбы располагались у горных речек и арыков” [133].

“По литературным источникам, в IV–VII вв. в Фергане было около ста городов, из них шесть городов-оазисов. Центром Ферганы становится Ахсыкет” [24].

В XI–XII в. высокого развития достигают ремесленное производство и торговля, складывается тип средневекового города Средней Азии. Крупнейшими городами раннего средневековья становятся Ош и Узген, которые функционируют и развиваются в настоящее время. Все остальные города до настоящего времени не сохранились. Из древних поселений Тянь-Шаня наиболее значительными являются Ат-Баши (современный Кошой-Кургон) и Ширдак-Бек, появление которых датируются X–XII вв. [133].

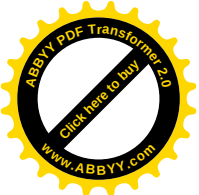
Кошой-Коргон находится в 12 км к западу от современного Ат-Баши. Городище в плане имело форму прямоугольника с размерами сторон 250×280 , окруженного высокими шестиметровыми стенами. Стены укреплены выступающими смотровыми башнями, контрфорсами и входными пилонами при въездах, сложенными из пахсы. Оазис Ширдак-Бек возник на пересечении караванных дорог. Размер городища 120×117 м. Крепостные стены высотой до 6 м хорошо сохранились. По углам возвышаются массивные башни. В стенах и башнях устроены бойницы. Все сооружение построено из пахсы и самана [133].

Наиболее значительное городище Ак-Тюбе, находящееся восток современного г. Таласа, расположено по берегам р. Талас. Это был крупнейший населенный пункт средневековья. Недалеко от с. Кировское находится город Шельджи, который возник в VIII в. и просуществовал до XV в. Археологи Кыргызстана обнаружили в Таласской долине несколько десятков городов и поселений, существовавших до XIII в., после чего городская жизнь в долине замирает [133].

В XVIII веке окончательно завершился переход кыргызов к оседлости. Началом перехода кыргызских племен к оседлой жизни можно считать V–VI вв., когда на территории Кыргызстана формировались городские поселения. “Важнейшим среди факторов, вызвавших постепенный переход южных кыргызов на оседлость, было такое историческое событие, как присоединение Южного Кыргызстана к России. Оно решительно изменило образ жизни кыргызов: прекратились раздоры и войны между самими кыргызскими племенами и соседними народами, хозяйственная жизнь начала стабилизироваться, кыргызы освободились от служб и повинностей, которые они несли в Кокандском ханстве” [133]. С этого времени завершается переход южных кыргызов к оседлой жизни и основным их жилищем становятся глинобитные дома. В то же время в северной и северо-восточной частях Кыргызстана жилища постоянного типа стали строить значительно позже, и появление большинства домов датируется в пределах 20–30-х годов XX в. [9].

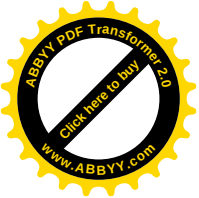
В исторических и этнографических материалах учёных упоминается, что “...многие селения строились на неосвоенных местах, где прежде находились зимние стойбища. Расселялись обычно компактными родоплеменными группами. Основным фактором при выборе зимних стойбищ было наличие водных источников. Селились не только у рек, но и родников (булак), которых встречалось очень много. Отсюда и названия селений: Кара-Булак, Тогуз-Булак, Сары-Булак, Кызыл-Булак” [133].

Обследуя поселения кыргызов в начале XX в., Н.П. Стокасимов пишет: “Размеры поселений на зимних пастбищах определялись степенью зажиточности скотоводов и земледельцев Кыргызы, имевшие небольшое количество скота, селились более тесно. Для зимних стоянок было характерно прежде всего наличие загонов для скота. В одном из отделений обычно ютится семья хозяина. Окон нет, в жилом же помещении в потолке имеется небольшое отверстие, не свыше квадратного аршина, служащее для выхода дыма из очага, устроенного под ним” [193].

Ценные сведения, позволяющие судить о времени возникновения жилищ у кыргызов, оставлены А.П. Федченко. В 70-х годах XIX в. во время путешествия по югу Кыргызстана он отмечал населенные пункты, где жили кыргызы, занимавшиеся земледелием.” Как богатейшую кыргызскую зимовку он выделил Кара-Булак, а также Баткен и Бужум” [198].

В работе А.Н. Прохоровой исторического характера дается информация о поселениях кыргызов, в частности ... “в характере поселения, а также самого жилища в Кыргызстане прослеживается большое разнообразие, обусловленное рядом исторических, экономических и географических факторов” [173]. Кыргызские селения (кыштаки) в XIX – начале XX в. отличались от граничащих с ними таджикских и узбекских. Для последних были типичны узкие (прямые и кривые) улочки с высокими дувалами, огораживающими каждую усадьбу. В селениях и возле них было много огородов, садов и виноградников” [9]. Также приводится материал, основанный на археологических изысканиях Н.С. Лыкошина, который дает описание кыргызских селений, расположенных в гуще таджикских поселений в Чапкулукской волости. Описанный им тип кыргызского селения характерен для начального этапа их образования и в некоторых других местах Южного Кыргызстана. “Кыргызские селения совсем не имеют строго разбитых жилищ и переулков: это в большинстве случаев отдельные усадьбы, более напоминающие хутора, расположенные в один или два ряда по течению реки

или по сторонам сухой лощины. Заборы здесь представляют редкость, а встречаются, то служат только оградой для защиты от ветра и вовсе не рассчитаны на укрытие внутренности двора от постороннего глаза” [107].

О возникновении кыргызской народности и окончательном ее формировании в XV–XVI вв. писал в своих трудах известный учёный этнограф С.М. Абрамзон. “Процесс этногенеза кыргызов очень сложный и его составляют как минимум два крупных компонента – сибирский и центральноазиатский. Кыргызы являются правопреемниками и наследниками средневековых тюркских каганатов, племена которых в той или иной степени вошли в состав кыргызского народа. Впервые этноним “кыргыз” был упомянут в 201 г. до н. э. в китайской летописи. Как бесспорно установили ученые, китайцы называли так древних кыргызов. Благодаря этому мы знаем, что в конце III в. до н. э. уже существовало владение Кыргыз. Этноним “кыргыз”, таким образом, является самым древним из всех ныне существующих названий тюркского корня. Такие этнонимы, как узбеки, уйгуры, туркмены, татары, башкиры и другие появились значительно позже” [1].

За время своего существования и развития кыргызский народ создал собственные культурные и материальные ценности, которые вобрали в себя богатейший опыт строительства поселений, жилья различных объектов жилищно-гражданского строительства, приспособления к местным природно-климатическим условиям, учитывающим высокое художественное мастерство архитектурно-декоративной обработки дерева, камня, ганча и других строительных материалов. Изучение этого опыта до сих пор оставалось вне поля зрения историков архитектуры.

Вопросы, касающиеся особенностей застройки и размещения поселений на территории Кыргызстана, были отмечены в трудах исследователей, посвящённых традициям народного зодчества Кыргызстана. Р.М. Муксинов писал, ... “что местоположение поселения имело решающее значение для формирования планировочной структуры, обладавшей нередко весьма

интересными композиционными особенностями. Наибольшее распространение имели равнинные и предгорные селения, планировка которых всецело зависела от особенностей рельефа и ландшафта местности.

Еще в период средневековья в Кыргызстане был выработан ряд основных требований к выбору участка, соблюдение которых являлось необходимым для существования поселений. К ним относились удобство обороны от вражеских нападений, наличие подъездных путей, связь поселений с сельскохозяйственными угодьями, водоснабжение, защита от ветра, наличие местных материалов и др.” [133].

Вопросы типологии сельских поселений Кыргызстана были освещены в статье Р.Д. Муксиновой и З.Р. Муксиновой “Генезис и развитие поселений Кыргызстана”, в которой освещены характерные особенности развития поселений в горных, предгорных и равнинных районах Кыргызстана, и на основании результатов исследования приводится типологизация поселений Кыргызстана [147].

“Многообразие природно-климатических условий горного края с сильно пересеченным рельефом, резкие контрасты температур, часто на очень небольшой территории, ограниченность лесных угодий, большие запасы природного камня, обусловившие его широкое использование в строительстве, вызвали различные композиционные приемы объемно-пространственной организации селений. Всесторонний анализ наиболее типичных планировок, в зависимости от природного окружения и исторических традиций населения позволил сформулировать типологию селения, разделив их на три типа: горный, предгорный и равнинный [147]. (Лист 14, 15, 16).

Особую роль в развитии архитектурно-градостроительной культуры Кыргызстана сыграли российские и украинские переселенцы. В обращении к Туркестанскому генерал-губернатору от 17 января 1868 г., указывалось “учредить поселения крестьян в Токмаке, близ разрушенного Пишпека и на Иссык-Куле, в каждом по 50 семейств...с нарезкой им законом положенного

надела 15 десятин земли на каждую душу мужского пола” [131, 118]. При этом в XIX веке крестьян-переселенцев из центральных регионов России в Кыргызстан принял широкие масштабы [109]. С 1866 по 1883 г. в Семиреченскую область переехало 19183 крестьян. В 1885 г. возникло 16 русских поселений: Большой и Малый Токмак, Карабулак, в Иссык-Атинской, Беловодске, Сокулук, Аламедин, Сомовка, Карабалты, Мелководное в Беловодской волости; в Иссык-Кульском уезде – Теплоключенское, Преображенское, Джергес, Сливкино, Сазановка, Уйталское.

Русские поселки появились в северо-западной части Кыргызстана. В 1875 г. было основано село Вознесенское, в 1881 – Покровское, в 1884 г. – Николаевское, в 1886 г. – Александровское и др. [109].

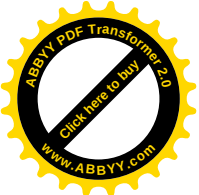
Всего в Семиреченскую область прибыло 1729 семей крестьян-переселенцев. Они, в основном, осели в Пишпекском и Пржевальском уездах. К 1896 г. количество переселенцев составляло 26500 человек [109].

В 1890-х годах началось переселение российских крестьян на территорию Южного Кыргызстана, переселенцы устремились на юг. В Ошском и Андижанском уездах насчитывалось 25 селений: образовались села – Покровское, Благовещенское, Николаевское, Рождественское, Кара-тюбе, Лянгар. К 1904 г. в Пржевальском и Пишпекском уездах число переселенцев достигло 49 тысяч человек. Такое большое количество переселенцев не могло не повлиять на архитектуру поселений Кыргызстана. [109].

Под влиянием культур народов, переселившихся на территорию Кыргызстана, произошла интеграция традиций многонационального населения, что в дальнейшем положительно отразилось на развитии зодчества Кыргызстана.

2.3. Истоки и типологические особенности жилища

Рассматривая вопрос развития архитектуры современного жилища Кыргызстана нельзя не углубиться в историю появления первых прототипов

жилищ, появившихся на территории Кыргызстана. Одним словом, чтобы понять и представить поступательное развитие архитектуры жилища кыргызов, надо сначала спуститься до истоков его появления. В исследуемый нами период существовало две разновидности типа жилища: мобильное (переносное) и стационарное (постоянное).

По данным исследований ученых и полученных ими археологических материалов, в горных условиях Алтая первые жилища представляли собой круглые землянки. Резко-континентальный климат и горные условия диктовали строительство землянок (Лист 17).

Экстраполируя функции современной юрты к древнему жилищу можно получить архитектурный облик жилища ледникового периода. Анализируя конструктивные элементы юрты и кочевых жилищ Алтая и северных народов, интерполируя их от современного состояния к древнему, можно воссоздать несущие конструкции древнейшей землянки, которую можно считать стационарным жилищем. Основные несущие конструктивные элементы юрты достаточно широко освещены во многих публикациях и статьях [194].

Основной причиной возникновения переносных жилищ было ведение кочевого хозяйства в горных условиях. Много сведений о происхождении кочевых жилищ содержатся в трудах С.И. Вайнштейна [31]. Сходство названий юрты в тюркских языках говорит об определенном единстве ее происхождения.

О времени появления юрты в литературе высказывались самые противоречивые точки зрения. Одним из первых ученых по этому вопросу высказался Н.Н. Харузин. Касаясь истории юрты, он писал, что она “вне сомнения должна была пройти долгий путь, прежде чем развиться до настоящего ее вида. Но проследить это развитие последовательно нелегко: возможно на основании имеющегося материала лишь наметить это развитие в общих чертах и выразить некоторые гипотезы. Суть их сводилась к тому, что юрта возникла из чума в процессе ее модификации” [204].

“Архитектура юрты превратилась в модульную систему, единицы модуля являются размеры “кереге”, так называемый “канат”, параметры которого рассчитаны так, чтобы в собранном виде ее можно было транспортировать вьючным способом, а в развернутом виде соответствовала требованиям параметров и пропорций юрты” [148].

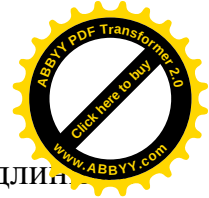
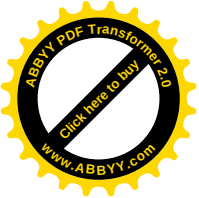
В целом “кыргызская юрта представляет собой сборно-разборную мобильную строительную конструкцию в виде пространственной сферической оболочки” [148]. Они были известны древним жителям Саяна-Алтая и средневековым кочевникам Средней Азии, Казахстана, Южной Сибири.

“Постоянное жилище в виде обычного дома или дворца появилось и развилось в районах оседлого земледелия в VI–XII вв. С VI по XII в. в Семиречье наиболее распространенными типами жилья были дома-усадьбы” [178]. (Лист 17).

Археологами наиболее детально изучены жилые дома X–XII вв. Краснореченского городища в Чуйской долине и городищ Ак-Тепе в Таласской долине [133]. Один из них – жилой дом ремесленника – находился во дворе, окруженном глинобитной стеной – дувалом. Прямоугольный двор с размером сторон 18×17 м разделен на жилую и хозяйственную части. Жилая часть состоит из шести комнат. Три из них жилые, а в отдельных размещалась винодельческая мастерская. Дом построен из битой глины и саманного кирпича размером $40 \times 20 \times 10$ см. Толщина межкомнатных перегородок – 25 см. Перекрытия сводчатые, из сырцового кирпича.

Другая жилая постройка была сооружена в два этажа. На первом этаже было 6–8 узких помещений площадью от 15 до 27 м². Подъем на второй этаж осуществлялся по пандусу или перекидному трапу. К дому примыкал двор, обнесенный глинобитной стеной. В одном из углов двора находилось семейное кладбище.

На “городище Ак-Тепе в Таласской долине” [133] вскрыта усадьба состоятельного горожанина X–XII вв. Дом имел в плане форму прямоугольника

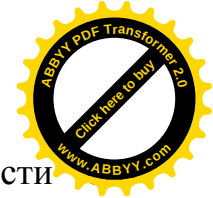
с размером сторон 40×60 м. Жилой дом усадьбы состоит из 6 узких длинных помещений размером $2,4 \times 10,0$ м. Стены сложены из сырцового кирпича и пахсы. Выход из помещений с арочными дверными проемами имелся только во двор. Перекрытия над помещениями сводчатые, внутренние стены расписаны орнаментом (Лист 18).

Получает дальнейшее развитие согдийский дом V–VIII вв., особенно с середины VIII до X в. включительно. Остатки жилищ найдены на территории Чуйской, Таласской и Ферганской долин.

“Особым видом жилищ были караван-сарай, предназначавшиеся для временного пребывания людей, сопровождающих караваны паломников и путешественников” [173]. (Лист 23).

На территории древнего Сарыча во время раскопок обнаружен укрепленный жилой дом согдийцев. Он представлял собой двухэтажное здание, состоящее из двух комплексов комнат длиной от 6 до 8 м, шириной 2 м. Стены дома возведены из пахсы и сырцового кирпича размером $22 \times 22 \times 5$ см или $28 \times 13 \times 10$ см. Для устойчивости стены сужались кверху. Нижний этаж освещался бойницами размером $1,0 \times 0,5$ м. Междуетажные перекрытия были деревянные. Помещения второго этажа перекрывались сводами, сложенными из клинчатых продолговатых сырцовых кирпичей. На втором этаже комнаты имели размеры $5,0 \times 5,0$ м. “Жилые дома строились без фундаментов и цоколей на выровненной горизонтальной площадке. Вместо них иногда у основания стены укладывались 1–2 ряда рваного или булыжного камня на лёссовом растворе или сооружалась сплошная платформа из трамбованного лесса” [133].

“Народное жилище представляет собой важный раздел истории зодчества XVII – начала XX в. Именно в этой отрасли строительства находят непосредственное и полное отражение характер окружающего ландшафта, вкусы и потребности широких слоев населения. Веками накапливался в народном строительстве опыт, как предохранить жилище от нежелательных климатических воздействий, сделать его удобным и уютным. Жилище несет

ясный отпечаток социальных условий, этнической принадлежности обитателей, их бытового уклада и эстетических взглядов. Существует множество примеров возведения традиционных жилищ у народов проживающих в горных регионах [66, 113, 114, 122, 155]. Причем все это наиболее полно проявляется в народном жилище Кыргызстана XVII – начала XX в. – региона, где еще в средние века существовали оригинальные народные традиции. Великолепная школа обработки камня, орнаментальной резьбы по дереву и ганчу предопределила необходимость широкого охвата изученных объектов с подробной графической фиксацией. Попытаемся на конкретных примерах выявить характерные черты народного жилища Кыргызстана в различных селениях. По материалам исследования ученых, в зависимости от природных условий региона жилище, как и селение, подразделяется на три типа – горный, предгорный и равнинный” [138].

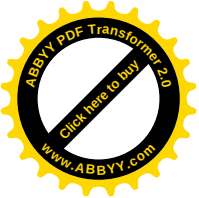
“К горному типу относятся дома, получившие название “памирские”. Характерными чертами, позволяющими выделить этот тип жилища, является кровля, покоящаяся на столбах, расставленных внутри жилища, особой конструкции дымовыводное отверстие и высокие глинобитные стены (Лист 19).

Дома строили с основным одноэтажные, но возводили и двухэтажные, в связи с чем мы их выделяем особо. Кровля в большинстве случаев плоская. Иногда второй этаж представлен в виде одной комнаты, называемой “балакана”. Строили их обычно в горных районах. Теперь они популярностью не пользуются и их строительство совсем прекратилось.

Двухэтажные дома характерны для таджиков, живущих в горных местностях, а также узбеков.

Особенностью усадьбы припамирского жилища является размещение дома примыкающих к нему хозяйственных построек под одной крышей” [131].

“Примечательным в домах этого типа является устройство деревянного ступенчато-сводчатого перекрытия. В потолке оставляется дымовое отверстие, которое по аналогии с юртой называют “тундук”. Отверстие это служит не

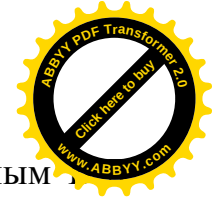
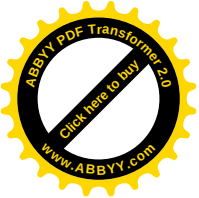
только для выхода дыма, но и для освещения, так как в стенах нет оконных проемов. Под ними на полу размещается очаг” [204].

“Дома усадьбы припамирского типа в Кыргызстане строили кыргызские мастера. Это подтверждает давность их бытования у кыргызов. Многие мастера являются выходцами из Каратегина и Дарваза [133]. “Данный тип жилища был заимствован у таджиков, проживающих в непосредственной близости с Кыргызстаном” [204]. Жилище припамирского типа распространено на обширной территории, охватывающей Западное Припамирье, южные склоны Гиндукуша, восточный Туркестан. Как позволяют судить краткие описания, жилища подобного типа бытуют у кыргызов Джергетальского района Таджикистана (Каратегин) и у мургабских кыргызов. Наличие жилищ-усадоб припамирского типа у алайских и приалайских кыргызов связано с этнической историей кыргызских племен тейиш и нойгут, пребывавших их в прошлом в Каратегине. Появление у кыргызов домов-усадоб припамирского типа – одного из древних типов оседлого жилища в Кыргызстане – обусловлено их длительным соседством с таджиками. По-видимому, этот тип жилища был воспринят кыргызами у таджиков еще до их расселения на территории современного местообитания [64]. (Лист 19).

К домам предгорного типа можно отнести и припамирские, но основу его составляют ферганские, хотя название последних условно, так как границы их распространения выходят далеко за пределы Ферганы, включая и Восточный Туркестан.

Основные черты дома этого типа – плоская крыша, открытая терраса (айван), ниши (такча) в стенах внутри дома, двустворчатые двери. Имеется много вариаций этого типа жилища [204].

К подтипу ферганского дома следует отнести постройки с плоской двускатной кровлей, хотя и здесь отмечается довольно большое число вариаций, которые выражаются в форме кровли (разная степень крутизны ската), отсутствии или наличии ниш, айвана. Более свойственны этим домам

одностворчатые двери. Дома с плоской двускатной кровлей, по данным Ворониной, характерны для окрестностей Андижана. На них, возможно, отразилось европейское влияние.

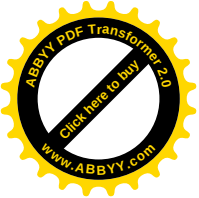
Если распространение жилища горного типа, по имеющимся данным, ограничено, то дома предгорного и равнинного типа на юге Ошской области строятся давно и имеют наиболее широкое распространение из всех существующих типов домов” [138].

Для предгорных типов домов характерна усадьба замкнутого типа. В ней наиболее плотно проявляются традиции средневековой архитектуры. Усадьба имеет прямоугольную форму, обнесена высокой глинобитной стеной (дувалом) и по внешнему виду напоминает феодальное укрепление.

“Представленные материалы подтверждают сведения о том, что усадьбы замкнутого типа у кыргызов имелись уже в середине XIX в. Они были отмечены в равнинных частях Фрунзенского, Баткенского и Ляйлякского районов [133]. Эти усадьбы принадлежат, в основном, узбекам и таджикам, проживающих в данном районе Кыргызстана. По объемно-пространственному и художественному решению они развивают архитектуру таджикского и узбекского жилища” [133]. (Лист 20).

“В большинстве обследованных усадеб закрытого типа обнаружены дома ферганского типа с более богатым архитектурным обрамлением айванов, потолков. Во Фрунзенском районе есть усадьбы замкнутого типа с домами, которые могут быть отнесены к припамирскому типу, но без ступенчато-сводчатых перекрытий” [131]. “Разновидностью усадьбы замкнутого типа можно считать также усадьбы, окруженные дувалом и имеющие в плане разные очертания. Широкое распространение они получили в Ошской области, преимущественно на западе” [131].

В основном данные усадьбы представлены ферганскими и смешанными домами, так как в их становление включаются архитектурные конструкции, характерные как для русской, так и узбекской и таджикской стройки. В этих

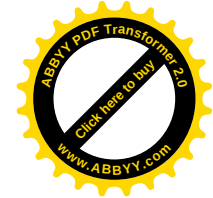
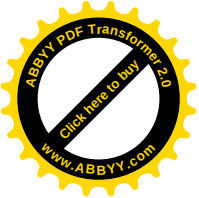

домах не всегда имеются стенные ниши и айваны, но обязательна высокая двускатная крыша. Стены чаще сложены из кирпича [131].

“Равнинный тип, начиная с конца XIX в., и особенно в начале XX в., получил определенное признание. Он все чаще встречается в практике домостроения, отмечается его дальнейшее усовершенствование. Особенно популярным он становится в последнее время. Такими домами застраиваются целые селения” [131] (Лист 21).

“Весьма характерно для южно-кыргызских домов устройство открытой террасы – айвана, особенно, как отмечалось выше, для домов ферганского типа. Украшением айвана иногда служит резьба на архитектурных деталях деревянных частей – столбов, консолей, потолка”. “Наличие украшений всегда находилось в прямой зависимости от материальных возможностей хозяина. Айван используется в течение всего теплого времени года. Поэтому его стремятся устроить в каждом доме. Он становится все более типичным для новых домов. В прошлом многие его не строили только из-за отсутствия материальных возможностей или трудностей доставки леса. С боковых сторон на айване устанавливают печь-камин (мору), в которой готовят пищу; для удобства ставят деревянный стол-кровать (сере) или делают глиняное возвышение (супа).

Отличительная черта жилища смешанного типа – это усадьба без двора и ограды, хотя место перед домом называется двором. Хозяйственные постройки размещаются в непосредственной близости от дома в различных вариациях. Архитектура дома в подавляющем большинстве характеризуется двускатной высокой крышей русского типа. Сосредоточены такие усадьбы в восточной части области – Алайском, Советском, Узгенском, отчасти Наукатском районах. Усадьбы без двора, но с домами смешанного типа имеют повсеместное распространение в Кыргызстане” [133].

2.4. Истоки и характеристика культовых сооружений

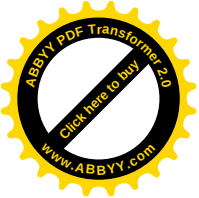
Истоки архитектуры культовых сооружений Кыргызстана уходят вглубь веков. Их генезис можно вывести, изучая курганные сооружения древних кочевников – саков и усуней, похоронный обряд раннесредневековых тюрок с каменными изваяниями и мусульманские мавзолеи караханидского периода. Традиция курганных захоронений и возведения надгробных мавзолеев – гумбезов – сохранилась в XIV–XVIII вв. и получила некоторое развитие в XIX в. Наибольшее число дошедших до наших дней кыргызских гумбезов относится именно к XVIII–XIX вв., что и предопределило выбор предмета исследования, а именно, архитектуры культовых сооружений Кыргызстана.

С проникновением в Кыргызстан ислама возникает новый обряд захоронения – мусульманский. Появляются первые надгробные сооружения в виде мавзолеев, которые увенчивали трансформированные символы курганов, выраженные сферическими куполами. Большой знаток кочевой намогильной архитектуры археолог А.Н. Бернштам отмечал: “Высокоразвитое строительство Переднего Востока и Ирана оформило идею сферического купола, вынесенную из среды кочевников. Эта идея вернулась к ним, получив в руках среднеазиатских мастеров свое усовершенствование; здесь же мавзолей со сферическим куполом... испытывает дальнейшее развитие – получает портал” [23, 24].

Значительный вклад в генезис архитектуры культовых сооружений Кыргызстана оставили караханидские усыпальницы. Наиболее известными из них являются мавзолей Узгена (XI–XII вв.), Буранинские мавзолеи (XI–XII вв.) в Чуйской долине и мавзолей Шах-Фазиль в Ала-Букинском районе (Лист 4, 5, 23).

Во всех сакральных сооружениях XVIII–XIX вв., в Кыргызстане прослеживается традиционная преемственность средневекового и позднесредневекового строительного искусства.

Можно провести определенные параллели между архитектурой

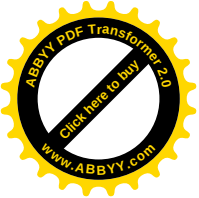

кыргызских гумбезов, мазаров, мечетей и медресе. Здесь имеется много общего, особенно в декоративном оформлении, в частности портала. Множество элементов мечетей и медресе, минаретные колонны, фланкирующие порталы, дверные арочные ниши и т. д. – все это наличествует в кыргызских мавзолеях (Лист 23, 35, 36).

В условиях Центральной Азии основным строительным материалом издревле служила глина, использовавшаяся в виде пахсы и сырцовых кирпичей. Для мавзолеев и пышных дворцов изготавливался специальный глазурованный кирпич. Из рядового строительного материала в подавляющем большинстве возведены гумбезы кыргызов XVIII–XIX вв.

Пережитки доисламских верований наложили отпечаток и на культовую архитектуру, в частности на декоративное оформление сакральных сооружений – гумбезов. Построенные в традиционном мусульманском стиле, гумбезы содержали некоторые элементы, противоречащие мусульманским канонам. Например, росписи внутри свода и на портале гумбезов кыргызских феодалов изображались сцены охоты и быта, портреты покойных и т. д.

Одним из прямых последствий распространения ислама на Среднеазиатском Востоке, включая Кыргызстан, было появление здесь сооружений мусульманского культового зодчества – мавзолеев «святых» и мечетей, а также духовных учебных заведений – мектебов и медресе. Они-то и служили местами отправления религиозных повседневных служб и обрядов, религиозного воспитания, проведения праздников, свадеб и похорон, а также решения важных спорных дел для прихожан. В старину служители мечети предоставляли в них приют дальним путникам. Зачастую здесь велись занятия, учащихся начальных духовных школ – мектебов. Нередко непосредственно или рядом с медресе – высшими религиозными училищами – располагались мечети. Причем, если для низших духовных школ – мектебов, существовавших зачастую при мечетях, далеко не всегда строились специальные здания, то для медресе они всегда сооружались на средства от пожертвованных имуществ –

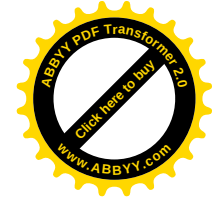
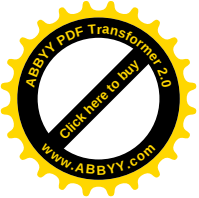

вакфа, Вакф являлся юридическим или материальным обеспечением существования культового учреждения. В медресе, как и в мечетях, проживали священнослужители, учителя, учащиеся конфессиональных школ, а временно и паломники, совершавшие путешествия (хадж) в священные для мусульман места – Мекку и Медину, а также к Сулейман-горе в Оше, мазару Арсланбоб, мавзолеям Узген и Шах-Фазиль (Сафид-Буденд).

Строительство их повсеместно велось народными мастерами, а в их архитектуре переплетались многие черты традиционного жилища оседлого населения Центральной Азии с элементами кочевнического орнамента. При всех разновидностях мечетей они строились так, чтобы во время молитвы мусульманин обращался лицом к Мекке. Известно, что исламское культовое зодчество начало формироваться на арабском Востоке с возникновением у аравийских кочевников в VII в. нового государственного образования – Арабского халифата.

Появление мечетей и других культовых сооружений ислама в Кыргызстане связано с арабским завоеванием Центральной Азии и распространением здесь мусульманской религии. Как свидетельствуют письменные арабо-персоязычные источники, мусульманские мечети с минаретами играли важную роль в архитектурно-планировочной структуре кыргызских городов и селений. Однако из множества мечетей X–XII вв. в десятках городов и селений на территории раннесредневекового Кыргызстана, о которых сообщают источники, большинство до наших дней не сохранилось – можно перечислить буквально единицы их в Южном Кыргызстане. Все они являются яркими примерами народного зодчества Кыргызстана.

Мечети располагались свободно, на выгодном для обзора месте. Стена, противоположная входу в мечеть, ориентировалась в сторону Мекки. В центре стены, со стороны двора, устраивалась молитвенная ниша – михраб, декорированная текстами из Корана. Справа от михраба обычно устанавливалась кафедра для чтения Корана или проповеди – минбар, на

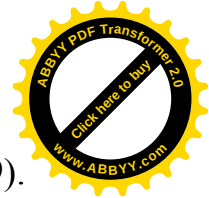
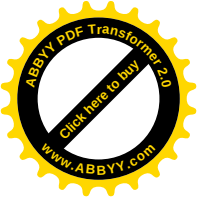
которую мулла взбирался по лесенке.

При полном отсутствии сюжетно-антропоморфных росписей и скульптур строго каноническая архитектура мечети (на ее внутренних стенах и потолках, кроме расписного орнамента и выдержек из Корана, нет никаких украшений) и ее интерьер должны были оказывать религиозное воздействие на верующих мусульман, создавая мистическое настроение. Вблизи многих мечетей имелись минареты, а также приспособления для ритуальных омовений.

В литературе отмечаются три разновидности мечетей, имевшихся в Центральной Азии: соборные, загородные, а также сельские (или квартальные). Так, Г.А. Пугаченкова, рассматривая среднеазиатские мечети (преимущественно в Узбекистане) как памятники истории, архитектуры и искусства, называет следующие разновидности мечетей: «Главная соборная мечеть города – Джамии, или Джума-мечеть; загородная мечеть – мусалла, намазгон, кугон, где проводились празднества Курбана и Рамазана; внутриквартальная (гузарная) мечеть, обслуживавшая общину квартала или махалля» [176]. Из них в повседневной жизни городского и сельского оседлого населения наибольшую роль играли квартальные мечети. Мусалла, или загородные (праздничные) мечети, при разрастании городища крупного селения в конце XIX – начале XX в. оказывались нередко в городской черте.

Для общественных сооружений фергано-туркестанской архитектурной школы культовых построек Центральной Азии характерно сочетание канонизированных черт архитектуры мусульманского Востока и местных традиций народного зодчества. В этом отношении не являются исключением и культовые сооружения, включая мечети с островерхими минаретами, возводимые в XVII–XIX вв.

Из образцов культовой архитектуры Кыргызстана XVI–XIX вв. наибольший интерес представлял ряд ошских мечетей. В их числе мечеть Рават-Абдулла-хана у Сулейман-горы, мечеть Мухаммада Юсупа Байходжи Оглы, а также Сафид-Буланская мечеть с наборным деревянным потолком и

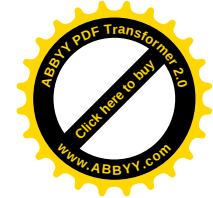
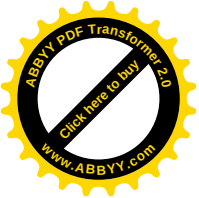

росписью на стенах и мечеть медресе Алымбек Датка (Лист 1, 23, 24, 29).

В северной части Кыргызстана и в Центральном Тянь-Шане мечети являлись одним из атрибутов кокандских крепостей. О мечетях в крепостях-коргонах свидетельствуют архивные документы и планы кокандских укреплений. Так, в Пишпеке было три мечети, в Куртке – мечеть и мазар, куда ходили молиться, а также мечеть в крепости Улуг-Коргон в Кетмень-Тюбе, обнаруженная в результате археологических раскопок [63, 68].

В отличие от впечатляющих размерами и архитектурным убранством соборных мечетей в крупных городах Узбекистана, в Кыргызстане они имели куда более скромный вид, несмотря на то же самое предназначение. Но и здесь в плане мечети одинаковы, ибо каждая из них состояла из двух частей – закрытого зимнего помещения и примыкающего к нему с одной или трех сторон летнего – айвана. Строились они из жженого или сырцового кирпича, гуваляка, пахсы и, конечно, с использованием дерева. Стены и потолок, а также колонны внутри маленьких помещений декорировались орнаментальными росписями и резьбой по ганчу и дереву.

Квартальные (в Оше, Узгене и Джалал-Абаде) и приходские мечети в кишлаках (Булак-Баши) на юге Кыргызстана в целом мало отличались от ферганских сельских мечетей, сооружавшихся повсеместно узбекскими и таджикскими, иногда кашгарскими мастерами. Да и строились они из одних и тех же подручных строительных материалов. Стены, как зафиксировал обследовавший сохранившиеся до наших дней в Кыргызстане мечети историк-архитектор В.Е. Нусов [160], возводились из жженого кирпича на ганчевом или глиняном растворе, из гуваляка, мелкого и крупного самана по деревянному каркасу. Кровли и покрытие делались из глины, камыша и плетеных циновок-бердан по деревянному основанию, а в северной части Кыргызстана, где мечети возводились с конца XIX в., – скатные из кровельной стали и реже из теса. Употребление на постройку стен мечетей жженого кирпича («русского образца»), отличного от азиатского, а также нетрадиционных кровельных

материалов – влияние русского строительного искусства.

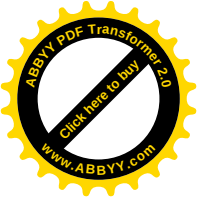
Деревянные колонны в южных мечетях украшались резными капителями и базами. Потолки расписывались яркими клеевыми красками орнаментом растительного характера или украшались кессонами из дерева простого или сложного рисунка. Сельские мечети и молитвенные дома на севере Кыргызстана были намного проще (Лист 35, 37, 38).

В г. Ош, с северо-восточной стороны горы Сулейман, у ее подножья, сохранилась одна из больших мечетей Южного Кыргызстана, известная под именем мечеть Рават-Абдулла-хана. В свое время здесь размещался областной историко-краеведческий музей. Первоначальный облик — это культовое сооружение потеряло в результате неоднократных ремонтов и перестроек, производимых в XIX – начале XX в. Вокруг появились поздние постройки, купола скрывались под двускатной поздней крышей. За длительный период существования мечети вокруг нее образовался культурный слой. Толщина его перед сходом 63 см. Нижняя часть западного фасада мечети врезана в гору.

До ремонта мечеть Рават-Абдулла-хана имела вид монументального культового сооружения. Главный фасад, обращенный на восток, представлял собой симметричную трехарочную композицию, которая завершалась на центральной оси высоким стрельчатым куполом (Лист 24).

Наружные размеры здания $28,7 \times 16,0$ м, высота около 12 м. Оно сложено из квадратного кирпича ($240 \times 240 \times 40$ мм) на лёссовом растворе. Мечеть состоит из трех основных помещений площадью 40–50 м² с размерами сторон $6,5 \times 6,6$ м и $7,7 \times 7,7$ м. По типологической классификации Л.Ю. Маньковской, здание является трехнефной намазгохана и относится к типу мечетей-айванов [117]. Точная дата строительства мечети не установлена. По стилю и характеру архитектурных форм, а также строительных конструкций и материалов эту мечеть ориентировочно можно отнести к сооружениям ферганской архитектурно-строительной школы конца XVI – начала XVII в.

Мечеть Рават-Абдулла-хана представляет собой интерес в историко-

культурном отношении как памятник архитектуры Ферганы позднего средневековья.

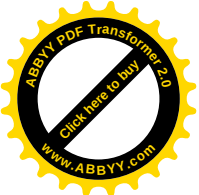
Другая мечеть, расположенная в г. Ош на углу улиц Тельмана и Алебастровой, построена в 1909–1910 гг. (в 1323 году хиджры) на средства одного из жертвователей – Мухаммада Юсупа Байходжи Оглы, о чем говорит соответствующая надпись на одной из балок перекрытия. Эта же надпись сохранила имена строителей мечети: уста Хайдар, Мухаммадумар, Хашим, Кабыл. Почти все они ошские строители, за исключением мастеров из Ходжента, которые выполнили росписи перекрытия.

По объемно-планировочному решению мечеть представляет собой глубокий айван с пристроенным к нему закрытым помещением. В теплое время года для богослужения использовался айван, в западной стене которого имеется михраб. В закрытом помещении тоже был михраб, и использовался он зимой, о чем говорит толстый слой камыша, утепляющего перекрытие сверху.

По конфигурации, размерам, общей планировочной схеме зимнее помещение мечети не отличается от летнего, перекрытие также поддерживается в средней части четырьмя деревянными столбами. Оно намного скромнее, так как декоративная отделка интерьера в нем отсутствует.

На юге Кыргызстана сохранилась мечеть вблизи мавзолея Шах-Фазиль. Здание построено в 1910 г. В плане это – прямоугольное сооружение со стрельчатым (ныне шиферным) перекрытием. Состоит она, как обычно, из двух частей: зала с деревянными колоннами внутри и айвана с деревянными же балками. Верхняя часть зала украшена резьбой по дереву. С двух сторон к мечети примыкает айван, подпорками которому служили деревянные колонны. Стены сложены из сырцового кирпича и скреплены деревянным каркасом. В настоящее время мечеть отреставрирована и используется по назначению (Лист 23, 35).

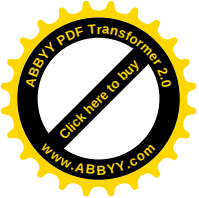
В конце XIX – начале XX в. на севере Кыргызстана и в Центральном Тянь-Шане активизировало свою деятельность мусульманское духовенство

Кыргызстана. Результатом этого было появление молитвенных домов (мечетей) в более или менее крупных кыштаках Пишпекского и Пржевальского уездов Семиреченской области. В большинстве своем они представляли собой одноэтажные однокамерные помещения, мало чем выделяющиеся из окружающей их жилой застройки неказистых саманных домов кыргызов-землевладельцев. Современники 90-х годов XIX в. так передавали свое впечатление о них: "...В последнее время в Чуйской долине стали появляться сакли, носящие название мечетей, они строятся по образцу сартовских мечетей..., сакля и перед входом в нее галерея. Минарет строится отдельно и не очень высокий. Материал приготавливается людьми – строителями мечети и желающими пособить личным друзьям. Здание возводится сартами, которые плату получают не деньгами, а скотом. Вообще здания эти весьма неценны ни материалом, ни по архитектуре" [19].

Как отмечается в историко-этнографической литературе, помимо татарских и дунганских мечетей в Пишпеке и Пржевальске, мечети на севере Кыргызстана возводились в традициях исламских культовых сооружений. В Атбашинской мечети заметно влияние восточно-туркестанского мусульманского зодчества. Наиболее ярко последнее отразилось на дунганских мусульманских мечетях. Квартальные дунганские мечети служили для повседневных молитв и были своего рода прокатными пунктами, где в случае отправления религиозных обрядов можно было взять различную утварь: столы, скамьи, посуду и т. д. Право пользоваться этими предметами имели только прихожане данной мечети. В 30-е годы XX века в с. Каракунуз при населении в 3864 человека существовало 47 мечетей, т. е. одна мечеть приходилась в среднем на 82,3 человека [131].

Примером народного культового зодчества дунган Кыргызстана может служить мечеть в г. Каракол, построенная на средства дунганской мусульманской общины. Руководил ее строительством главный мастер Чжон Сы, которому подчинялось более тридцати мастеров: плотников, каменотесов и

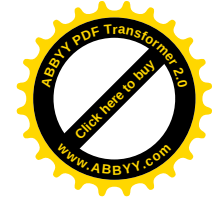
резчиков по дереву. Заготовка материалов и обработка каменных и деревянных деталей будущей постройки началась в 1907 г. В 1910 г. мастера начали сборку мечети, которая была закончена к концу года. В работе был применен многоярусный ступенчатый карниз (доугун), передающий нагрузку от большого веса изогнутой крыши на колонны. Для строительства использовали местный материал: тянь-шаньскую ель, тополь, вербу, березу (Лист 29).

В плане сооружение имеет квадратную форму с прямоугольным выступом в западной части здания. Выступ, говоря языком архитектуры, акцентирует святость запада как места нахождения святынь ислама – Мекки и Медины, а также особое предназначение западной части помещения – средоточия святости. Размеры мечети в плане составляют $24,88 \times 15,33$ м. Высота от основания до карниза – 4,14 м. Вход в здание находится в восточной его части.

Мечеть была окрашена специальными красками традиционных для дунганских культовых построек цветов: в основном зеленый, красный и желтый. Каждый из них несет самостоятельную смысловую нагрузку. Так, красный цвет является цветом радости, его особенно боятся злые духи; зеленый – это благополучие, счастье, а также цвет ислама; желтый – цвет величия. Недаром в Китае “желтый цвет – цвет императора”.

Резной фриз мечети изобилует орнаментом, имеющим символическое значение. Зооморфные фигуры, растительный орнамент в виде плодов персика, винограда и т. д. – это знаки благопожелания, обереги, призванные защищать здание от злых духов и стихийных бедствий. Своими истоками они обязаны легендам, мифам и сказкам дунганского народа [131].

К сожалению, минарет (муналур) мечети, стоявший отдельно от основного здания, не сохранился, он был разрушен в 30-х годах XX в. На его месте стоит минарет, построенный после 40-х годов. По своему типу и архитектуре он плохо вписывается в архитектурный ансамбль дунганской мечети. В 1916 г. этим же мастером была выстроена мечеть в с. Ырдык, однако она до нашего времени не дошла, ее сожгли царские карательные отряды во

время подавления национального освободительного движения 1916 г.

Дунганская Пржевальская мечеть – единственный образец народного культового зодчества дунган на территории Кыргызстана, построенный в традициях китайской архитектуры [131] (Лист 29).

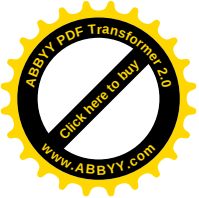
Наряду с пятничными, богато украшенными мечетями существовали и обыкновенные, сырцовые, продолговатые здания, с земляными приподнятыми по краям крышами с большими круглыми окнами над входом, но без минаретов.

Современные культовые постройки дунган по плану мало отличаются от старых, однако, если раньше при строительстве мечети во внешнем образе явно ощущалось смешение стилей Юго-Восточной и Средней Азии, то в нынешних постройках преобладает среднеазиатский стиль. Декор зданий также стал значительно проще.

При строительстве мечетей в Кыргызстане использовался разнообразный декор, исполненный в духе глубоких народных традиций. Это прослеживается в резьбе по дереву и ганчу, орнаментальной кладке, расцветке орнамента. В планировке и архитектурном исполнении преобладали, конечно, исламские традиции, но и в них, позднее, отчетливее проявлялись местные особенности.

“Культовое строительство – динамичная и многообразная сфера архитектурного проектирования. Процесс развития форм исламских культовых сооружений происходит непрерывно и разнообразно” [21]. Этот процесс получил отражение в трудах многих отечественных и зарубежных исследователей. Непосредственно материалы, обосновывающие “...теоретическую модель проектирования современных мечетей Кыргызстана” ранее были освещены в диссертации М.И. Бейшенбаева “Архитектура мечетей Кыргызстана (традиции и современные тенденции)” [21] и опубликованы в статье М.И. Бейшенбаева и З.Р. Муксиновой [20]. (Лист 25).

Перспективное состояние архитектуры мечетей обусловлено, с одной стороны, ее историческим прошлым, с другой – прогнозирование современного

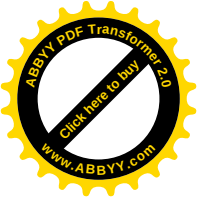

строительства должно базироваться на учете реальных социальных и экономических условий развития общества и научно-технического прогресса. Каждая историческая эпоха предлагает свой определенный стандарт. Данный стандарт определяется традициями, обычаями, общественным мнением, нормами проектирования [21].

Направления по совершенствованию объектов культового строительства обусловлены экономической и политической ситуацией в стране. Сегодня Кыргызстан находится на стадии перехода от общества атеистического к духовному возрождению нации и переживает своего рода строительный бум в проектировании и строительстве исламских культовых сооружений. Однако многие новые мечети архаичны по форме и содержанию. Это можно понять, ведь почти более 70 лет отечественные архитекторы не имели контактов с религиозным миром и сакральной архитектурой. В то же время за рубежом архитектура исламских культовых сооружений продолжала развиваться. Здесь было создано немало великолепных образцов современных мечетей с учетом главных канонических требований (ориентация на Мекку, организация ритуального омовения, разделение на мужскую и женскую половины) [21]. (Лист 25, 26).

Вместе с тем, широкое строительство исламских культовых объектов в период становления независимых государств послужило базой для обобщения опыта и создания теоретической моделей в области проектирования и строительства сакрального зодчества Кыргызстана.

“Опыт проектирования и строительства новых мечетей в Кыргызстане до настоящего времени практически не изучен и не обобщен, а в некоторых случаях их возникновение носит стихийный характер. В связи с тем, строительство мечетей в течение десятков лет было предано забвению, а современный опыт отсутствовал, возрождение интереса к этой проблеме побудило зодчих в большинстве случаев искать ответы на возникшие вопросы

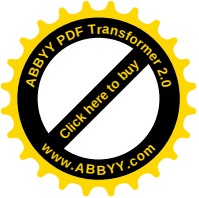
в исторических образцах культовой архитектуры. Влияние исторической школы на современное строительство мечетей ощущается до сих пор” [21].

Стремительное возрождение и развитие утраченной архитектуры культового зодчества с весьма специфическим содержанием не обошлось без ошибок в решении ряда важных вопросов. Для современных архитекторов до сих пор остаются не исследованными самые простые вопросы – это сами требования к проектированию мечетей, которые включают в себя градостроительные, архитектурно-типологические, художественно-образные, строительно-конструктивные, экономические и другие аспекты этой проблемы. Не совершенствовались ни в практическом, ни в научно-теоретическом плане методика проектирования и особенности организации внутренних пространств культового сооружения.

Заказчики еще не всегда могут профессионально подготовить задание на проектирование в силу отсутствия знаний и опыта по методологии структуры мечетей как комплекса сооружений. Местные органы управления часто относятся халатно к выбору места для строительства будущих храмов, не придавая этому особого значения, что, конечно же, породило множество курьезов. Например, некоторые мечети строились отвернутыми от магистралей, отделенными от оживленных улиц или стесненными многоэтажной застройкой [21].

Необходимо отметить тот факт, что в силу ряда причин архитектура современных мечетей еще не получила должного освещения в архитектурной науке. В связи с этим в данной работе “... сделана попытка обобщить и проанализировать существующий опыт в области нового культового зодчества Кыргызстана и предложена теоретическая модель проектирования религиозно-культовых комплексов” [20].

Предлагаемая теоретическая модель включает в себя следующие структурные компоненты: цель, задачи, принципы, методы.

Основная цель проектирования мечетей на современном этапе состоит в создании среды наиболее комфортной для отправления религиозного культа и возрождения духовных традиций народа Кыргызстана. Для выполнения этой цели необходимо решить ряд задач: градостроительные, функционально-планировочные, художественно-декоративные.

Функционально-планировочное решение современных мечетей непосредственно зависит от типологических особенностей населенного места (численность населения, демографический состав) [20]. Обобщение опыта строительства современных мечетей позволяет выделить основные принципы проектирования:

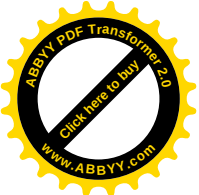
Принцип функционального соответствия заключается в необходимости учета функционального назначения мечети (соборная джума – мечеть для пятничной сборной молитвы в полдень, квартальная масджид – мечеть для ежедневной молитвы, мечети для ежегодных праздников ислама).

Принцип визуального комфорта заключается в создании индивидуального, неповторимого образа мечети, соединяющего в себе традиции новаторство.

Принцип учета региональных особенностей заключается в учете местных природно-климатических, экономических, территориальных направлений и стилистических особенностей школ проектирования и строительства культовых объектов.

Таким образом, становление новой теоретической модели в проектировании современных исламских мечетей будет базироваться на историческом опыте, анализе современного состояния зарубежных и новых кыргызстанских мечетей, конкурсных проектных предложениях, возможностях современных строительных технологий, особенно в области развития новых большепролетных конструкций” [21].

Наряду с традиционно сложившимися типами мечетей, связанными с такими видами моления, как джума и масджид, в отечественной практике

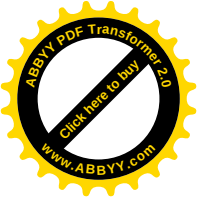

строительства появляются новые виды мечетей, такие, например, как медреса национальных общин. Вместе с тем, в зарубежной практике строительства культовых сооружений есть многочисленные примеры многофункциональных исламских центров, включающих в себя обширную группу помещений. Наряду с этим в зарубежной практике есть также примеры строительства мечетей в составе различных общественных образований – больниц, отелей, аэропортов, университетов, торговых центров. Вполне логично предложить дальнейшее развитие типологии культовых сооружений и в отечественной практике строительства мечетей.

Постоянный прогресс в строительной технике предоставляет архитекторам новые средства выражения и конструирования форм современных мечетей. С незапамятных времен особую трудность представляло перекрытие больших беспорных внутренних пространств. Первоначально единственным решением были каменные купола, в дальнейшем они возводились из обожженного кирпича, а в Древнем Риме – из бетона. В современном строительстве мечетей выбор той или иной формы перекрытия молитвенного зала зависит от габаритов перекрываемого пространства и от конфигурации плана. Форма перекрытия (купол, свод, пространственная структура и т. д.) может быть обусловлена и необходимостью решения определенных образных и композиционных задач [21].

В то же время исследование типологической и планировочной структуры современных мечетей Кыргызстана выявило четкую тенденцию к расширению функций исламских религиозных комплексов, что нашло свое отражение в появлении новых функциональных групп помещений, как, например, библиотеки, видеотеки, музеи, исламские школы, офисы, магазины для “халал”-продуктов, предметов и сувениров, связанных с исламом, помещения для ритуальных услуг [21].

С приобретением Кыргызстаном независимости в 1991 году в республике произошли широкомасштабные социально-экономические и культурные

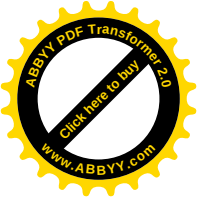

преобразования. В республике начинается период духовного возрождения, следствием которого стало образование в январе 1990 г. первого в истории Кыргызстана самостоятельного Духовного управления мусульман (ДУМК). Мусульманская община в Кыргызстане, помимо кыргызов, представлена еще 17 тюркоязычными этническими группами [21]. Согласно специально разработанной программе возрождения ислама, в республике началось возвращение верующим мечетей, их восстановление и строительство новых, открытие исламских духовных школ (Лист 27,28).

Неравномерность проникновения исламской религии в географическом плане определили соответствующие различия и в степени интенсивности проявлений ислама в различных частях Кыргызстана. Наибольшая степень религиозности и значимости ислама традиционно присуща южным регионам республики, что нашло отражение в растущей динамике строительства мечетей [21].

Ислам на территории Кыргызстана имеет ряд особенностей. Одной из его черт является достаточно длительная временная протяженность между моментом проникновения ислама и собственно исламизацией территории современного Кыргызстана. Между этими двумя точками лежит промежуток времени в несколько столетий, от VIII до XVI в., но даже еще в XVIII в. восприятие ислама как религиозной доктрины образа жизни оставалось достаточно поверхностным на уровне массового сознания [21].

Строительство мечетей в течение 70 лет было предано забвению. Не совершенствовалась ни в практическом, ни в научно-теоретическом плане методика проектирования исламского культового сооружения. Отсутствовали нормативная документация и методические пособия в области проектирования и строительства мечетей, а все изученные нами литературные материалы и источники, касающиеся архитектуры мечетей, не давали ответа на поставленные вопросы. Данное обстоятельство послужило основанием разработки теоретической модели проектирования современных мечетей

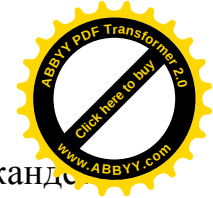
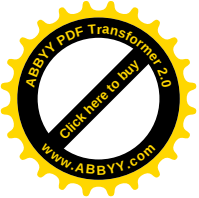
применительно для условий Кыргызстана. Она также может быть применена для других республик Центральной Азии [20] (Лист 30, 31).

Церкви. Первые церкви в Туркестане появились при крепостях и военных гарнизонах. Храмы в укреплениях и казачьих станицах строились по ходу продвижения войск вглубь Центральной Азии. Первые церковные здания появились в 60-х начале 70-х годах XIX века. Это были глинобитные мазанки, приспособленные для богослужения, которые мало чем отличались от жилого дома. В некоторых поселениях были временные молитвенные дома, построенные по образцу юрт. Они назывались “кошемными”. Такой храм был сооружен из войлока и досок в 1850 году в Копале. Первая церковь на территории Кыргызстана сооружена при военном гарнизоне в селе Теплоключенка.

Постепенно, с обустройством казачьих станиц, с появлением крестьян-переселенцев военные церкви превращались в постоянные. Этот процесс в Туркестане протекал неравномерно. Сначала он затронул Семиреченскую область. Почти все Семиречинские церкви имели вид приходских церквей.

Активное строительство основательных храмов начинается с 80-х годов XIX века. По замечаниям первых исследователей православной архитектуры на территории Кыргызстана В.А. Горячевой и С.Я. Перегудовой [68, 69], для них характерна компактность и рациональность сооружения. Нигде в храмах не было росписей. Церковь украшали только иконы [69]. Церковное зодчество было мощным фактором в жизни переселенцев, простые и яркие архитектурные образы воздействовали и на местное население. К 1900 году в Пишпекском, Пржевальском и Аулиеатинском уездах было 10 церквей.

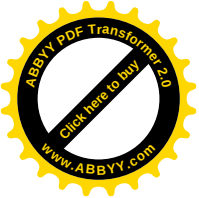
За первое десятилетие XX века число церквей увеличилось. На территории Кыргызстана располагалось около 100 храмов и молитвенных домов. Самое большое количество церквей было построено в Чуйской долине – сорок, в Иссык-Кульской и Нарынской долинах – более тридцати, в Таласской долине – семь и около десяти в Ферганской долине.

Одна из первых церквей была построена на территории Кокандской крепости Пишпек, взятой русскими войсками в 1864 году. Число православных жителей Пишпека было небольшим, в основном это были офицеры и солдаты воинской команды, число которых доходило до 200 человек. Для них в конце 60-х годов XIX была выстроена небольшая саманная Свято-Никольская церковь.

Другим значительным храмом была церковь святого Серафима в г. Пишпек, построенная в 1905 году. Церковь была самым высоким зданием в городе. Ее высота достигала 20 метров, ширина – 22,4 м и длина – 30,5 м. На колокольне было установлено 5 колоколов. Два его больших купола были видны издали. Здание крестообразное в плане, вытянутое в Восточной части за счет пристроенного притвора и большой колокольни, примыкающей к западному фасаду. Двухъярусная колокольня была увенчана граненым куполом. Прочные проемы на колокольне и окна, кокошники на барабане и всех фасадах служили средством объединения многочисленных деталей здания. Бревенчатые стены, как это нередко делали в начале XX в., были оштукатурены, окрашены в светлые тона и украшены белыми лепными карнизами, колонками и филенками, придав храму классический облик. В 50-х годах XX века храм был снесен в связи с реконструкцией Центральной улицы (проспект Чуй) г. Фрунзе.

В середине 60-х годов XX века, когда русскими войсками была отбита у кокандцев старинная кокандская крепость, здесь появились первые российские переселенцы. В 1868 году в Токмаке уже поселилось 60 семей. Токмак стал первым уездным центром, основанным переселенцами на территории Кыргызстана, вошедшей в состав России. Укрепление, кроме военного населения, имело в своем составе татар, узбеков и русских крестьян, стало приобретать черты цивилизованного европейского городка. Церковь в Токмаке появилась сразу с основанием города – 1868 году. В 1896 году Георгиевская церковь была перестроена, расширена и укреплена.

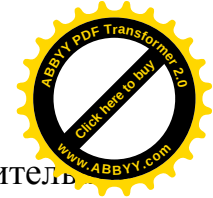
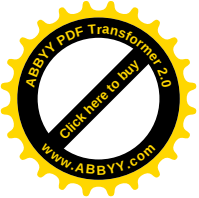

Одним из первых православных храмов на территории Кыргызстана появился и храм в селе Беловодском. В 1864 году для защиты от набегов соседнего Кокандского ханства на пересечении Ташкентского тракта с рекой Ключевой располагался казачий пикет из 12 человек. В 1867 году сюда приехали первые российские переселенцы – 12 крестьянских семей из Воронежской губернии. К концу 70-х годов XIX в. здесь уже насчитывалось 120 дворов. В 1874 году была построена маленькая церковь из жженого кирпича, крытая тёсом. В 1885 году, во время землетрясения, были разрушены до основания все здания, в том числе и кирпичный храм. В 1892 году началось строительство храма на месте разрушенного старого здания, которое было закончено в 1893 году.

Благодаря тому, что Свято-Михайловский храм в Беловодском сохранился до наших дней и восстановлен, есть возможность по документам и фотографиям восстановить план первоначальной деревянной церкви. Он представляет собой модификацию традиционной крестово-купольной системы. Неповторимое обаяние Беловодскому храму придают открытая поверхность сруба и резной декор наличников и карнизов. Это прекрасный образец деревянного зодчества Туркестана и редчайший памятник старины на территории Кыргызстана. В качестве ярких примеров деревянного культового зодчества Кыргызстана можно привести Храм Святой Троицы в г. Каракол (1895 г.), храм Святого Дмитрия Солунского (1898 г.), храм Покрова Божией Матери в с. Покровка (1897 г.) (Лист 32).

2.5. Инженерные и производственные сооружения

В данном разделе охарактеризованы наиболее распространенные и присущие типы построек производственно-бытового и инженерного назначения с их квалификацией, без рассмотрения строительных материалов, конструктивных особенностей и приемов.

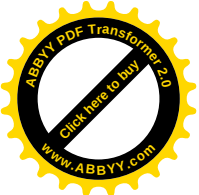

Инженерные сооружения – один из основных видов строительной деятельности народа Кыргызстана. Комплексность хозяйственной деятельности и культурные связи с соседними народами – казахами, узбеками, таджиками – определялись состоянием и уровнем развития инженерных сооружений. Например, крепостные сооружения обеспечивали безопасное существование народа края; акведуки, плотины, каналы – земледелие; мосты, дороги – сообщение и т. д. Строительство их требовало большого опыта, физической силы и средства. Неординарные природные условия горного региона усложняли строительный процесс и способствовали их быстрому разрушению. В течение короткого времени в ходе разрушительных междоусобных войн, от воздействия разрушительных природных стихий, какими являются землетрясения, сели, оползни, лавины, некоторые сооружения разрушались, а иные вовсе исчезали с лица земли.

На Востоке строительство оборонительных сооружений, мостов, акведуков и прокладка дорог считались в народе богоугодным делом. Большая часть работ при этом велась методом ашара, т. е. с участием всех жителей селения. Каждая семья по очереди обеспечивала участников ашара всем необходимым. Выполнение таких работ поручалось мастерам (усто), которые в народе пользовались большим уважением.

Рассмотрим наиболее типичные кокандские укрепления и некоторые их отличительные особенности как инженерно-фортификационных сооружений.

Инженерные сооружения, удовлетворяющие по тому времени утилитарные запросы населения, возведенные в основном из местных строительных материалов, были удивительно жизнедействительны и лаконично приспособлены к окружающему ландшафту. Наиболее характерными, имеющими архитектурную ценность, раскрывающими типологическую структуру инженерными сооружениями, выявленными на территории Кыргызстана, можно назвать: фортификационные сооружения (крепости), мосты, дороги, акведуки и водные источники. Вместе с тем следует отметить,

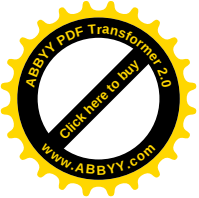
что, хотя все они относятся к концу XVII – началу XX в., они помогли составить представление о подобных ранних сооружениях в Средней Азии (Лист 30).

Крепости. Инженерные особенности фортификационных сооружений определялись древней практикой крепостного строительства на территориях государств Центральной Азии, Кавказа [67] и Казахстана характером местности, на которой они возводились, и, конечно, в первую очередь, вытекали из их назначения, возлагавшихся на них задач и функций (Лист 33).

Из нескольких десятков кокандских укреплений сегодня можно воссоздать первоначальный вид и планировку по описаниям и рисункам прошлого и нашего обследования следующие крепости: Пишпек, Дараут-Курган, Улуг-Коргон, Кан, Чолок-Коргон, Куртка, Джумгал. Рассмотрим их подробнее.

Пишпек. По сведениям русских источников, крепость была построена по приказанию Мадалихана в одноименном урочище на берегу р. Аламедин в 1825 г. кокандским военачальником Ляшкером-Кушбеги. В свое время она являлась крупным военно-административным центром по управлению кыргызским населением Чуйской долины, опорным пунктом для ханских сборщиков налогов, торговой факторией и фортификационным форпостом на крайнем северо-востоке Кокандского ханства. Площадь Пишпека первоначально составляла 2,25 га.

Отстроенная на остатках раннесредневекового городища, Пишпекская крепость представляла собой типичное для позднесредневековых глинобитных укреплений сооружение. Ее окружали два ряда широких и высоких стен, прорезанных бойницами и амбразурами, с угловыми башнями и воротами, по внешнему обводу стен проходил ров, наполненный водой из горных речек. В плане Пишпек имел неправильную четырехугольную форму. За первыми крепостными стенами располагались жилые постройки, церковь, казармы, лавки, мазанки торговцев. Внутри цитадели, занимавшей восточную часть

укрепления, находился дом коменданта и других начальников. Здесь размещались караульные помещения, оружейные склады, казначейство и разные хозяйственные постройки – продовольственный склад, бойня, колодец.

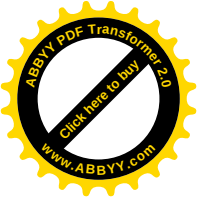
Сохранилось несколько описаний, рисунков и чертежей крепости Пишпек до и после взятия ее русскими войсками совместно с кыргызскими повстанцами. Описывая крепость, один из современников отмечал, что ее внутренняя стена выше наружной и до того широка, что по гребню ее могла проехать телега. Наружный ров, окружающий крепостные стены, был глубок, шириной от 10 до 16 м, на стенах располагались орудия.

Визуальная рекогносцировка Пишпека М.И. Венюковым в 1859 г. зафиксировала укрепление четырехугольной формы со сторонами в 60–65 саженей.

В конце 1862 г. русским отрядом под командованием Г.А. Колпаковского и при активной помощи восставших окрестных кыргызов Пишпек был взят. Укрепление основательно разрушено. Сейчас от крепости фактически ничего не осталось, кроме места ее бывшего расположения.

Дараут-Курган. Крепость расположена в одноименном селе на левом берегу г. Кызыл-Суу, при слиянии с р. Дараут. Первые сведения о крепости привел А.П. Федченко, посетивший ее в начале 70-х годов XIX столетия во время путешествия по Туркестану.

По данным нашего обследования, укрепление представляло собой четырехугольное сооружение, обнесенное глиняными стенами высотой до 4–5 м, с одними воротами на северной стороне. Прежнее небольшое укрепление, скорее похожее на старый дом, оказалось целиком внутри новой застройки. Внутри крепости были навесы, являвшиеся укрытием для ее обитателей, а в случае нападения, служившие возвышающей опорой для стрельбы ее защитников. Обширный пустой двор предназначался для строевых лошадей. Здесь же, видимо, держали скот и ставили юрты.

Проведенные нами обследования крепости показали, что прямоугольное в плане укрепление размером 76×43 м. Высота крепостных стен 4 м, по углам крепость имела мощные башни диаметром 3 м, высотой 5 м, толщина стен у основания 1 м. В верхней части стен и башен на высоте 2–2,5 м был ряд бойниц для ружейного огня. Ворота расположены в центре северной стороны. Снаружи крепость была обнесена небольшим рвом.

В Кетмень-Тюбе были произведены раскопочные работы на фортификационном памятнике кокандского времени в Кыргызстане. Крепость Улуг-Коргон в топографическом плане осматривалась в 1967 г. Е.З. Зауровой, раскапывалась в 1973 г. В.Д. Горячевой и В.М. Плоских, тогда же был уточнен и ее план [68, 70].

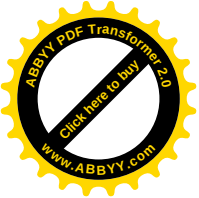
Располагалась крепость у места слияния рек Чичкан и Узун-Ахмат с Нарыном, на южной окраине с. Алексеевка. Она занимала стратегически удобное положение в долине Кетмень-Тюбе – на адырах, образованных разливами рек. Конфигурация крепости продиктована линиями террас. В плане – это неправильный четырехугольник, ориентированный по странам света.

Размеры крепости, следующие: протяженность северо-западной стены вместе с башнями – 205 м, северо-восточной – 132 м, юго-западной – 185 м и юго-восточной (пролет между башнями) – 130 м. Кала имела площадь 2,8 га.

Для выяснения назначения отдельных помещений и стратиграфии культурных напластований В.Д. Горячевой была произведена расчистка двух помещений вдоль юго-западной стены кала и заложен шурф (размером $2 \times 2,5$ м) в западной угловой части [70].

Результаты раскопок подтвердили, что крепость существовала еще до кокандской колонизации, а позже была реконструирована.

В настоящее время территория, некогда занимаемая крепостью, руинами стен, башен и других сооружений, затоплена Токтогульским водохранилищем. Своевременно организованные Институтом истории АН Кыргызской

Республики работы по обследованию затапливаемых памятников позволят сохранить для истории результаты исследований.

Кан. На юге Кыргызстана находится кокандская крепость Кан, которая до сих пор представляет собой внушительное, но полностью заброшенное сооружение прошлого столетия.

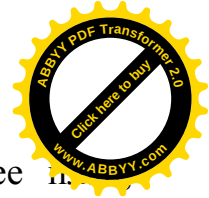
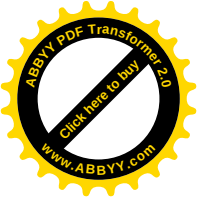
Крепость Кан расположена на правом берегу р. Сох на высоком холме, вершина которого спланирована под площадку, на которой и было выстроено укрепление (длина 500 м, ширина около 100 м). По краю площадки по всему ее периметру идет крепостная стена высотой 2–2,7 м, в которой в шахматном порядке расположены бойницы. Площадка разделена на две половины небольшим саем, и, естественно, крепость также делится на две части. Южная часть, очевидно, предназначалась для хозяйственных целей: здесь прослеживаются следы первоначальных, ныне полностью разрушенных и оплывших, построек.

В стратегическом отношении крепость располагалась на удобном месте и фактически была неприступна: с одной стороны, защищена склонами холма, с другой – горами. Крепость контролировала межгорную долину р. Сох.

Крепость Токмак самая крайняя на востоке Чуйской долины. Построена, по некоторым данным, в начале 30-х годов XIX в. Из нее кокандцы следили за кыргызскими племенами, кочевавшими в верховьях р. Чу, высылали зякетчи для сбора налогов с местного населения.

Крепость располагалась на обрыве левого уступа берега р. Чу. С северной и западной сторон ее огораживал овраг, с восточной стороны – река Шамши, впадающая в Чу. По своему общему плану Токмак напоминал, как доносили военные рекогносцировщики-топографы, старинные русские укрепления с внутренними укрытиями: темный коридор, ведущий от ворот в цитадель, такой же вход в цитадель.

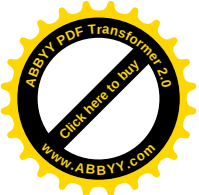
Осенью 1860 г. гарнизон Токмака был осажден. Крепость была взята и полностью разрушена. Перед разрушением крепости 28 августа 1860 г.

прапорщиком корпуса топографов Стрельниковым был срисован ее и доныне являющийся единственным графическим изображением Токмакского укрепления прошлого века. Впоследствии на месте кокандской крепости Токмак возникло одноименное переселенческое поселение, являющееся в 1867–1878 гг. уездным центром Кыргызстана.

Чолок-Коргон. Другой кокандской крепостью, аналогичной Кану, но уже в Центральном Тянь-Шане, являлось укрепление Чолок-Коргон. Оно расположено на правом берегу р. Ала-Бука в 2,5 км к северо-востоку от с. Конор-Чок. Крепость прямоугольной формы (35 × 40 м). По углам выступают 4 круглые в плане башни, наподобие усеченного конуса. На восточной и западной сторонах крепости заметны остатки еще двух башен. В настоящее время стоят разрушенными часть северо-западной и восточной стен, а также юго-восточная и северо-западная башни. Высота сохранившихся стен 3,3 м. Стены, как и башня, – со щелевидными бойницами. В 1946–1948 гг. укрепление обследовал археолог А.Н. Бернштам, заключивший, что “крепость Чолок-Коргон представляет собой типичный образец строительства XIX в. (эпоха Коканда) и является одной из тех немногих крепостей баев и манапов, которые в очень незначительном количестве сохранились до современности”.

Джумгал. Эта крепость сооружена кокандцами в Центральном Тянь-Шане, на одноименной реке. В плане – прямоугольная (60 × 80 м). Зазубренные крепостные стены достигали высоты около 4 м. По сторонам и в середине северной и восточной стен высились мощные, слегка выдвинутые вперед башни. На высоте около 2–2,5 м по всему периметру крепостных стен был проделан ряд бойниц. Крепостные ворота находились в центре северной стены (описание дано по рисунку русских военных топографов 1862 г.). Сейчас от нее остались оплывшие остатки бесформенных стен, но сохранились фрагменты на западной стороне длиной 3–5 м, высотой до 1 м.

В 1865 г. русский отряд, прибывший на Центральный Тянь-Шань командованием капитана А. Проценко, напал на крепость Джумгал, которая была взята без боя и затем разрушена.

Куртка. Больше сведений в литературе содержится о другой кокандской крепости в Центральном Тянь-Шане – Куртка. Располагалась крепость на береговом обрыве при слиянии рек Нарын и Куртка.

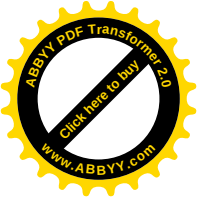
Довольно полное описание этого укрепления оставил Ч.Ч. Валиханов, побывавший в крепости в 1859 г.: “Укрепление Куртка, – писал Ч.Ч. Валиханов, – основано в 1832 г., в год дракона во время хана Мадали, знаменитым Мин-баши Хак-Кулы”.

Три года спустя, в 1862 г., во время военно-научной экспедиции на Тянь-Шань капитан А. Проценко также посетил Куртку, уже покинутую кокандцами. Он оставил ее описание, используя, видимо, и данные Ч.Ч. Валиханова, был также сделан рисунок крепости.

От крепости сегодня сохранились отдельные участки, южная половина ее разрушена обвалом в р. Нарын. Западная часть крепости разрушена полностью в результате карьерных разработок. Следы оборонительных стен очень слабо прослеживаются в северо-восточной ее части.

Крепость Куртка как укрепление и административный центр кокандской власти перестала существовать в 1863 г. – в период успешного восстания тянь-шаньских кыргызов против ханской власти и вхождения Кыргызстана в состав России.

О других кокандских крепостях сведений либо совсем нет, либо о них вскользь упоминается в источниках. В литературе и документальных материалах встречаются отрывочные сведения о таких кокандских крепостях Центрального Тянь-Шаня, как Тогуз-Торо, Кочкор и других, но на местности локализовать их в настоящее время нет возможности: не сохранилось ни следов, ни воспоминаний старожилов, ни легенд или сказаний.

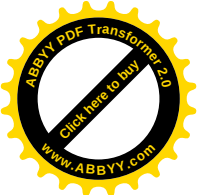
До наших дней практически ничего не осталось и от некогда существовавших в Прииссыккулье кокандских крепостей Каракол, Барскаун и Конур-Улен.

После добровольного вхождения Кыргызстана в состав России местная царская администрация не воспринимала еще сохранившиеся местами в 50–60-х годах XIX в. кокандские укрепления как памятники истории края, вследствие чего эти сооружения как памятники народного зодчества были утеряны.

Дороги. Дороги издавна являются единственной связью селений, в особенности такой горной республики, как Кыргызстан, с окружающим миром – городами, торговыми и политическими центрами. В Средней Азии, как и в других районах, сообщения между селениями осуществлялись в основном переходными дорогами через перевалы, которые, хотя и являлись опасными, значительно сокращали время в пути. Раньше в некоторых горных районах перевалы открывались только на 2–3 месяца в году. В этот период и осуществлялась связь селений с внешним миром. Все горные регионы республики имели свои перевалы, широко известные и описанные в литературе. Например, из Исфаны через Ляйлякский район Кыргызстана дорога проходила через перевал Алтын Бешик, Северный Кыргызстан с Южным связывала высокогорная дорога, проходящая через перевал Ала-Бель (3184 м н. у. м.), Чуйская долина имела связь с Таласской через перевал Отмок (3300 м), города Ош и Хорог Горного Бадахшана связывала дорога, проходящая через три перевала – Чайырчик (2406 м), Талдык (3615 м) и Кызыл-Арт (4280 м).

В горных районах существовали перевалы местного значения. Они связывали соседние селения между собой, с пастбищами, садами и т. д. Наряду с перевалами местного значения были и такие, через которые шло сообщение с сопредельными странами, по которым пролегал Великий Шелковый путь.

Дороги проходили через отвесные, крутые склоны. В обрывистых местах очень узкие тропинки расширялись за счет вырубки скалы или установки бревен, консольно закрепленных в скале. Поверх них укладывали настил из

хвороста и земли. Так строились дороги во всех горных районах Центральной Азии, Закавказья и Зарубежного Востока.

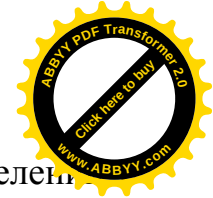
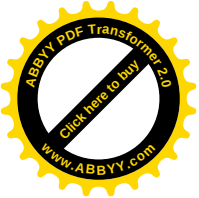
Мосты. Одними из древнейших, распространенных в Центральной Азии, сооружений были мосты. В горных условиях, где немало препятствий создают бурные реки, роль мостов, их значение трудно переоценить.

В архитектурной литературе о мостах сказано немного. Старинным центральноазиатским мостам была посвящена работа археолога М. Массона. В ней косвенно затронуты и мосты, построенные в горных условиях. Однако в связи с тем, что, во-первых, мосты были возведены из дерева и, во-вторых, из-за бурного течения горных рек они были недолговечны, в настоящее время они почти не сохранились. Об их облике можно судить лишь по фотографиям и рисункам, сделанным на территории Туркестанского края в конце XIX в., а также по зарубежным аналогам. Например, в книге “Живописная Россия” можно увидеть рисунки древнего моста в Зеравшане и моста через арык Даргам близ Самарканда. Они возводились так же, как и в других районах Таджикистана и Узбекистана, из дерева путем постепенного напуска бревен в один пролет без промежуточных опор. Такие мосты, перекинутые через горную речку, можно увидеть в Афганистане и в Дагестане.

Акведуки. Обеспечение населения водой в условиях сложного рельефа Кыргызстана, несмотря на кажущееся ее изобилие, всегда было одной из самых сложных проблем. На ее решение испокон веков была направлена творческая мысль народных мастеров, которая воплотилась в конкретных инженерных сооружениях – акведуках.

В связи с тем, что горные реки, особенно большие, пробившие русло в скалах, имеют высокие отвесные берега, это не позволяет жителям близлежащих селений пользоваться водой. Кроме того, обычно склоны гор, используемые под посевы, находятся намного выше уровня реки.

Во многих горных селениях Центральной Азии с незапамятных времен сохранились древние арыки, которые берут свое начало в глубине ущелий и

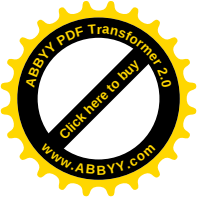
питаются из родников и крупных рек. Они обычно проходят выше селен, тем расчетом, чтобы была возможность орошения горных склонов.

Непосредственным компонентом арыков были акведуки. Это одно из древнейших инженерных сооружений. Известно, что в Риме еще в IV в. до н. э. вода подводилась по акведуку из источников Аппия. В Самарканде известен акведук, называвшийся “Арзиз”, который историки относят к античному времени.

В горах на своем пути арык встречает множество преград: отвесные скалы, пропасти и ложбины. Для проведения воды через эти преграды и строили акведуки. В горных районах Центральной Азии существовало три разновидности акведуков. Первый – устройство высоких насыпей, по которым прокладывался арык; второй – желоба, которые устанавливали на деревянные или каменные стойки, и третий – высокие подпорные каменные стены, поверх которых прокладывался арык.

В настоящее время инженерные сооружения народных мастеров прошлых столетий заменила ирригационная система. Уже почти не встретишь акведуков, сработанных в XIX – начале XX в., однако принципы, на которых основано их функционирование, с успехом используются населением и в настоящее время.

Производственные постройки. В архивных источниках почти нет сведений о развитии ремесел и ремесленниках в Кыргызстане XVII–XIX вв., хотя это не говорит об отсутствии их во времена ханской зависимости. Вскоре после ее ликвидации с прекращением феодальных усадеб, развитием товарно-денежных отношений и торговых связей с соседними республиками и Россией Кыргызстан, в частности его юг, стал выделяться среди других регионов, отличаясь средоточием ремесленных и кустарных производств, изделия которых находили сбыт среди горожан, оседлых и кочевых жителей республики.

Важную отрасль мелкокустарной промышленности составляла переработка сельскохозяйственной продукции. В 1903 г. только среди ошских предприятий, перерабатывающих продукты земледелия, действовало 52 мельницы и 45 маслобоек, а в 1914 г. в количественном отношении маслобоек «туземного типа» («джувазы») насчитывалось 490, рисорушек 369, водяных мельниц «сартовского типа» – 87. Развитие чугунолитейного производства в республике активизировало во многих поселениях кузнечное дело.

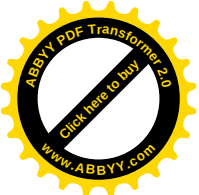
Изложенное выше повлияло на возведение во многих поселениях производственных сооружений: водяных мельниц, маслобоек, кузниц, рисорушек и т. п., в архитектуре которых отразились опыт и творчество кыргызского народа и переселившихся на территорию Кыргызстана российских народов. Данное обстоятельство должно занять достойное место в народном зодчестве.

Производственные постройки, как и другие объекты народного зодчества, заслуживают пристального изучения, так как в них воплощены многовековой опыт и творчество народа.

Производственные постройки Кыргызстана отличаются большим разнообразием типов сооружений (водяные мельницы, маслодавили, кузнечные мастерские и т. д.) и вместе с тем, единством архитектурного решения, связанного функционально и объемно-пространственно с жилищем.

Вместе с тем, они играют огромную роль в архитектурно-пространственной организации застройки поселений, объединяют жилые кварталы в единую пространственно-композиционную систему, связывают объемно-планировочную композицию селения с природным окружением.

Водяные мельницы. В селениях Кыргызстана до сих пор сохранились и функционируют водяные мельницы. Архитектура построек очень проста и близка к жилищу. По конструкции мельницы представляют собой небольшое одноэтажное деревянное или каркасное сооружение с заполнением из камня и комков глины с последующей штукатуркой глино-саманным раствором. Кровля

в последних плоская с глиняной обмазкой. Окон, кроме небольших отверстий под балками перекрытий нет (Лист 34).

Предельная простота конструкции и планировки с несложным технологическим оборудованием позволяла жителям строить мельницы за пределами селений на естественных и искусственных каналах, берущих воду из горных речек.

Постройка кажется простой, но она содержит ряд инженерных решений, связанных с гидротехникой: возведение отводного арыка, устройство водоема и сквозного канала под мельницей, а также механизма мельницы.

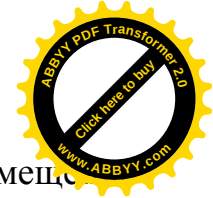
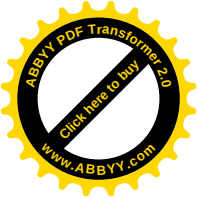
У всех обследованных водяных мельниц принцип работы одинаковый. Различаются они местоположением и планировкой, размерами помещений и механизмов. В ряде мельниц имеются дополнительные пристройки для хранения зерна, муки, комната отдыха с печью-камином (мору) и т. д.

Сопоставление водяных мельниц Центральной Азии и Закавказья, в частности Армении, может показать близость принципов их работы.

Из стран зарубежного Востока, где строились водяные мельницы, можно назвать Иран. Здесь в некоторых селениях до сих пор зерно перемалывают на каменных жерновах, вращающихся при помощи напора воды.

Маслодавилни. В Центральной Азии издревле было широко распространено изготовление растительного масла. Оно выдавливалось в другом производственном сооружении, называемом “джувазы”, которое встречается или в виде отдельной постройки на воде или пристройки к жилищу. Маслобойни были распространены как в селениях, так и городах почти на всей территории Кыргызстана, но в большей части в регионах произрастания маслянистых культур, в частности в Ошской и Джалал-Абадской областях. Их количество зависело от величины поселения или производственной ориентации отдельного села (Лист 34).

Примером первого варианта “джувазы” является отдельно стоящая производственная постройка в селении Теплоключенка Иссык-Кульской

области, построенная в 1890 г. Это цельное прямоугольное в плане помещение с размерами 7,0 × 8,5 м, высотой 3 м. В углу его устроен очаг для подогрева масла. В центре помещения – платформа для маслобойного механизма, приводимая в движение давлением воды. Стены помещения сложены из бревен, кровля двухскатная. Эта простая по архитектуре высокая постройка цельностью и целесообразностью планировки отвечает своему назначению.

Маслобойни Центральной Азии, по сравнению с маслобойнями Армении, более просты по планировке. В Армении они имеют ряд характерных особенностей, обусловленных специфическим оборудованием: наличием дробильных жерновов-бегунков, печей-жаровен с возвышением для просеивания, прессов для выжимки растительного масла.

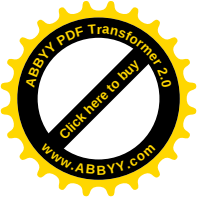
Кузнечные мастерские. Одним из наиболее распространенных ремесел в сельских поселениях было кузнечное дело. В мастерских изготавливались бытовые, сельскохозяйственные предметы, упряжь для вьючных животных и многое другое (Лист 34).

Так как многие кузнечные мастерские располагались в составе жилых домов, то в результате периодических ремонтов, перестроек и социальных изменений в жизни современного населения они почти полностью исчезли. Поэтому об их устройстве сейчас можно судить лишь на примере немногих кузнечных мастерских, сохранившихся в некоторых районах Ошской и Джалал-Абадской областей (Наукатский, Фрунзенский, Баткенский, Араванский, Кара-Суйский).

О древности кузнечного производства на территории Кыргызстана свидетельствуют многочисленные археологические памятники, описанные в трудах многих ученых, касающихся производственной деятельности кыргызов.

Выводы по 2 главе

За время своего существования кыргызский народ создал свои культурные и материальные ценности, которые вобрали в себя богатейший

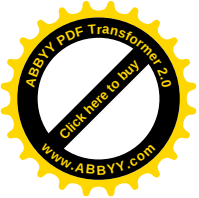

опыт застройки поселений, жилья, объектов жилищно-гражданского назначения, основанный на традициях народов, издавна проживающих на территории Центральноазиатского региона, а также народов, переселившихся в Кыргызстан из различных регионов России. Морфологический анализ планировочной организации и застройки поселений, традиционных жилищ, культовых, инженерных и производственных сооружений Кыргызстана показал, что они находятся в тесной связи с этническим составом населения и глубокими межэтническими отношениями народов Центральноазиатского региона, волею судеб, оказавшихся и проживающих на данной территории.

Сопоставление архитектурных объектов XVII – начала XX в. с более отдаленным временем по дошедшим до наших дней историческим и археологическим материалам свидетельствует о глубокой исторической преемственности архитектурно – градостроительных традиций народов Кыргызстана и подтверждает главенствующую роль взаимодействия культур в развитии зодчества Кыргызстана.

Образное решение культового сооружения – наиболее сложная проблема, стоящая перед отечественными архитекторами. В настоящее время, когда в Кыргызстане накоплен определенный опыт в проектировании и строительстве мечетей, имеющих устойчивую тенденцию к использованию исторических прототипов, назрела необходимость пересмотра формообразующих начал современного исламского комплекса. Единственным объединяющим началом всех этих мечетей должны быть: ориентация на Мекку, организация ритуального омовения, половое разделение молящихся [21].

В настоящее время в кыргызстанских мечетях наблюдается устойчивая тенденция по расширению функций помещений. Это вполне закономерный процесс, продиктованный новыми социальными требованиями. Вполне вероятно предположить, что современные верующие Кыргызстана видят в будущем исламском комплексе наряду с чисто религиозными функциями, и общественные. Следует отметить, что использование мечети как

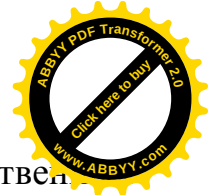
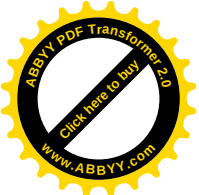

общественного места, уходит своими корнями в далекое прошлое [21]. самого начала мечети являлись не только молитвенными, но и общественными зданиями: в них хранили казну и важнейшие документы, объявляли указы, вели судебные разбирательства.

Анализ современного состояния исламских культовых сооружений в Кыргызстане позволил определить основные тенденции в развитии их архитектуры [21]. Как уже неоднократно отмечалось, современный этап строительства мечетей характеризуется возвращением утерянных за годы атеизма исторических традиций культового зодчества. В одних случаях – это прямое цитирование традиционных исторических норм или стилизация, основанная на интерпретации исторических знаковых систем – форм куполов, минаретов, элементов декоративного убранства.

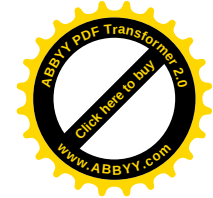
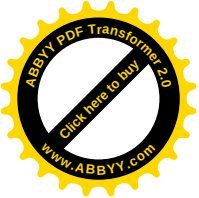
Православная культура Кыргызстана не знала пышного расцвета. Памятники церковного зодчества здесь, за некоторым исключением, не являются выдающимися проявлениями искусства – они строились простыми людьми, нередко без профессионального проекта и на скудные средства. Но это самое возвышенное, что было построено на территории Кыргызстана российскими переселенцами. По сей день старинные православные храмы для многих народов Центральной Азии остаются светлыми островками духовности, просвещения и культуры.

Православная культура создавалась в Центральной Азии практически «с нуля». Православной культуре в Кыргызстане всего полтора века. Эта провинциальная культура аккумулировала опыт многих тысяч православных жителей Кыргызстана, организовывала духовную жизнь российских переселенцев, тем самым обогащая культуру коренного населения. Здесь ярко проявляется процесс взаимодействия культур, способствующий развитию архитектурного наследия Кыргызстана.

На примере развития архитектуры, инженерии и производственных сооружений ярко прослеживается взаимодействие и взаимовлияние традиций народов Центральноазиатского региона и российских переселенцев.

Кыргызстан, являясь самостоятельным суверенным государством, тем не менее своей плотью органично вошел в единый организм, коим является Центральноазиатский регион. В связи с этим общие законы развития зодчества в Средней Азии нашли свое представление и в Кыргызстане. Вместе с тем республика прошла свой путь развития, и у ее народа сформировалось собственное мировоззрение, выработался свой стереотип в понимании архитектуры. Последнее, накладываясь на общие каноны развития зодчества, придает своеобразие традиционной архитектуре, что, в конечном итоге, определяет ее как национальную.

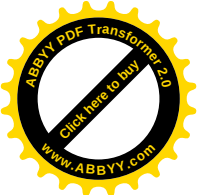
ГЛАВА 3

Взаимодействие культур в развитии архитектурного наследия Кыргызстана

3.1. Архитектурно-градостроительная культура региона

Кыргызстан, в силу своего расположения в центре Евразийского материка был всегда местом встреч, взаимодействия, пересечения не только торговли и ремесел, земледельческой и кочевой культуры, но и местом многоплановых духовно-религиозных коммуникаций. Крупные племенные союзы, возникшие в период перехода человека от охоты и собирательства к занятию скотоводством и земледелием, завершились созданием первых государств, образованных на основе суперсоюзов племен. Между племенами исторически складывались межкультурные и региональные взаимодействия, например, одним из родов племенного союза саков, занимавших обширные регионы Центральной и Южной Азии в VI–V веках до н. э. были индийцы (шакия, народ Будды) – носители человеческой духовности. Саки (на санскрите шаки – воин, племя) вошли во всемирную историю архитектуры как создатели величественных курганных комплексов. На землях Кыргызстана обитали две крупные конфедерации племенного союза: саки-тиграхауда и саки-хаумаварга, которые оставили после себя великолепные памятники монументальной архитектуры в виде искусственно созданных холмов – курганов. Появление «царских» курганов свидетельствует о существовании твердой центральной власти вождя. Ученые Л.Н. Гумилев, А.Н. Бернштам, Ж.К. Каракузова, М.Ш. Хасанов и др. не без основания, считают, что «курганы подобны летописям», «это братские могилы народов» (Бернштам, 1997), “модель видимого мира, ограниченного кольцом кругозора, выражает идею кругозора кочевника” [90].

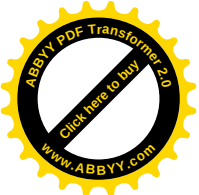
Царские курганы диаметром свыше 100 м, а высотой до 15 м в пространстве горных долин служили дополнительными вертикальными доминантами. Строительство «царского кургана» продолжалось не один год,

оно требовало привлечения значительных усилий всего племени и ра. Ансамбль кургана являл собой символическое изображение Солнца. Солярный символ фигурирует в виде кольцевого обрамления курганов, поставленными вертикально каменными глыбами – кромлехами. Курган возводился как изоморфная модель космоса, разделенного на три сферы – небесную, земную, подземную. В подземном мире размещалось замурованное, т. е. изолированное от земного, захоронение. Земное пространство кургана отделялось каменным кольцом или квадратным обрамлением (валом и рвом) от остального, а небесный мир в виде холма накрывал два нижележащих “мира” [170]. Древние символы сакской культуры в виде монументальных каменно-пространственных структурных образований еще сохранились в некоторых регионах Кыргызстана. Некрополи сакской культуры, состоящие из нескольких групп разновеликих курганов, до недавнего времени во множестве располагались вдоль побережья озера Иссык-Куль (возле г. Чолпон-Ата, сел: Курское, Орнок, Сары-ой и т. д.). У высокогорного озера Сон-Куль древние кочевники-скотоводы оставили таинственную цепочку округлых форм, каждая из которых была образована восьмью камнями – “Таш-Тулга” [89].

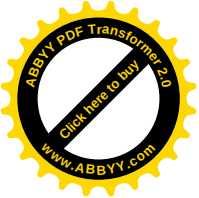
В Кыргызстане также находится множество прекрасных образцов первобытной живописи (Ак-Чункур, Саймалы-Таш, Сель-Ункюр и др.). Самый известный и самый крупный, из каменных памятников Кыргызстана, своеобразный высокогорный храм, раскинувшийся на высоте от 3 до 3,5 тысяч м, сокровищница древнего искусства Саймалы-Таш («узорчатые камни») датируется историками 4–3-м тыс. до н. э. Другие, такие как Чили-Сай (Ошская обл.), Сурот-таш (Араван), Терген-таш (Алай), Сурёту (Баткен), Чыймыл-Таш (Кара-Кулджа), каменно-пространственные образования Чолпон-Аты (Долинка), села Курское также иллюстративно повествуют об особенностях быта и жизни древних кочевников (Лист 24).

Не менее значительным ландшафтно-культовым памятником является священная гора Сулайман-Тоо, расположенная в центре древнего города Ош на

юге Кыргызстана. Археологами в пещерах были обнаружены орудия каменного века, наскальные рисунки, магические знаки. Поклонение горе и жертвоприношения по древне-мифологическим представлениям обеспечивали гармонию человека с окружающим миром. От подножья Сулайман-Тоо к одной из ее вершин серпантином ведет узкая тропинка, под названием Кыл Кепюре (Волосяной мост). Гора, была своего рода горным зороастрийским храмом, где совершали обряды огнепоклонники. На ее вершине располагался алтарь со священным огнем и жертвенной площадкой перед наклонным камнем (Бел-Таш), имеющим желоб длиной 3 м, для стока крови приносимых в жертву ритуальных животных. Позднее, древняя священная гора стала святыней исламской религии, как место захоронения пророка Сулаймана, в XVI в. она получила свое сегодняшнее название «Тахт-и-Сулайман» (Трон Сулаймана) [47]. На южном склоне Сулайман-Тоо, находится поселение эпохи бронзы, расположенное на десяти параллельных террасах. Возникновение Ошского террасовидного поселения также связано с мифокосмологическими воззрениями, в частности с культом “горы”. Процесс осмысления мира в древности представал в виде грандиозной “картины мира”, существующей по законам космической гармонии. Эта картина мира получает образное осмысление, для которого архитекторы древности сумели найти совершенную геометрическую форму города, храма и дворца, воплощавшую идею борьбы хтонических и разумных начал в природе [80]. Как образно пишет С.М. Неаполитанский, “форма представляла мир кристаллизованной материи и служила барьером, или “скорлупой-оболочкой”, между порядком и хаосом. Преобразование идей в материальные формы происходило посредством структуризации энергий хаоса” [159].

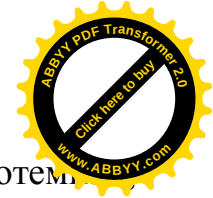
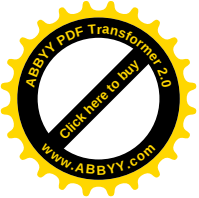
Кочевое и полукочевое население Кыргызстана всегда находилось в политической, хозяйственной, экономической и культурной взаимосвязи с урбанизированными земледельческими оазисами. На юге Кыргызстана, в Ферганской долине в первом тысячелетии до н. э. располагалась страна

«небесных скакунов» Давань, имевшая развитую земледельческую культуру. Множество (свыше 70) укрепленных городов, осуществлявших активную торговлю со странами Запада и Востока. Как регулярная дипломатическая и торговая артерия Великий Шелковый путь начал функционировать со второй половины II в. до н. э.

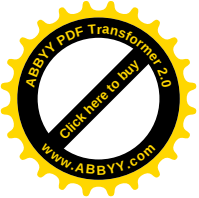
Еще большее развитие архитектура и градостроительство Кыргызстана получают в средние века, когда в VI веке его территории входят в состав мощного государственного объединения кочевых племен – Тюркский каганат, простиравшейся от Кореи до Черного моря. В начале VII в. каганат распадается на два самостоятельных государства – Восточный и Западный. Множество городов основали тюрки на торговых трассах Великого Шелкового пути, наиболее оживленная ветвь его в VI–VII вв. проходила через Кыргызстан и Южный Казахстан. В истории архитектуры запечатлелись “выдающиеся образцы тюркской архитектуры – города, крепости, фортификационные и ирригационные сооружения, дворцы, замки, мемориально-культовые объекты” [87].

Столицей Западно-тюркского каганата, торгово-политическим центром огромного региона становится город Суяб (Ак-Бешимское городище), расположенный в Чуйской долине Кыргызстана. О столице тюрков сообщает знаменитый китайский путешественник буддийский паломник Сюань Цзань (602–644 гг.), который называет ее “Суйе-Шуй” – соборное место купцов из всех соседних стран. Помимо столицы, отмечает он, рядом располагалось несколько десятков малых и крупных городов. Характерную черту этносоциальной структуры каганата составляло совмещение двух форм жизнедеятельности: оседлости и кочевничества. Отсутствие единой государственной религии в доисламский период способствовало развитию многообразия культовых сооружений в городах тюрков, где на равных правах сосуществовало множество верований: зороастризм и буддизм, манихейство и несторианское христианство, культ природы, земли, воды, неба и солнца –

тенгрианство, а также культы предков и умерших, анимизм, тотемизм, фетишизм, шаманизм и др. Целая палитра древних культов «была широко распространена среди кочевников и земледельцев, они вполне мирно сосуществовали между собой, представляя собой образец толерантности и межконфессионального согласия, уникальный пример мирного, гармоничного существования различных культур и традиций» [94]. Впервые в истории человечества кочевые народы создали уникальный пример гармоничного существования различных культур и традиций, в том числе архитектуры и градостроительства. Крупные города тюрков были настоящими перекрестками культур. Основу городского населения в VI–VII веках составляли тюрки, тюркешы, карлуки, согдийцы и китайцы, которые придерживались различных религиозных верований, которые были вещественно воплощены в городских архитектурных ансамблях.

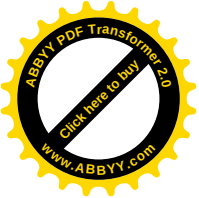
Архитектура зороастризма. Религию зороастризма в основном исповедовали согдийцы. Согласно их учению, в мире постоянно происходит борьба света и тьмы. И поэтому они проповедовали культ огня, который не должен был угасать. Храм Огня представлял собой холм, на котором под открытым небом располагался алтарь огня. Вокруг городов Суяба и Невакета (городище Красная Речка) располагался некрополь – “город мертвых” зороастрийцев, состоящий из наусов – погребальных сооружений согдийцев. Они располагались небольшими группами вдоль крепостных стен, окружавших города. Наусы – небольшие постройки площадью от 1, 5–10 кв. м, выполненные из блоков пахсы и сырцового кирпича и перекрытые сводами или куполами. В погребальную камеру, в которой размещались оссуарии, вел длинный и узкий коридор, заложный кирпичом. “Согдийцы считали священными воздух, воду, землю и огонь, а тело человека настолько грязным и грешным, что им нельзя было осквернять природу” [120]. Поэтому умерших не хоронили в земле, а после разложения трупа кости складывали в специально изготовленные керамические сосуды – оссуарии, воспроизводившие форму жилища. Были

обнаружены кибиткообразные оссуарии, оссуарии в форме юрты, виде дома и т. п. (Лист 10).

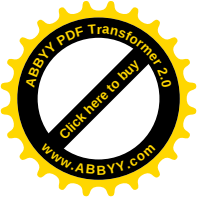
Архитектура христианских храмов. В VIII веке столицей Карлукского джабгуата становится Невакет (Краснореченское городище). Для карлуков христианство стало общенародной религией. Карлукский правитель – джабгу Арслан Иль-Тюргюк принял христианство вместе со своим войском. В Невакете была создана христианская митрополия, а также собственная богословская школа. Вокруг города во множестве найдены захоронения христиан с надгробными камнями-кайраками, на которых высечено было изображение креста. Христианские захоронения в большом количестве обнаружены также в Тараскенте, христианском городе, располагавшемся на месте современного Бишкека. В древнем некрополе городища Кара-Джигач похоронено более трех тысяч человек. Захоронения представляли небольшие возвышения, на которых лежали кайраки с изображением креста (Лист 11, 12).

Руины христианских храмов обнаружены в городе Суяб (городище Ак-Бешим) археологами Л.Р. Кызласовым (христианская церковь) в 1954 г. и Г.Л. Семеновым (христианский монастырь) – в 1997 г. Христианская церковь, построенная в конце VII – начале VIII в. располагалась в северо-западной части рабада в 165 м от шахристана. Храм прямоугольного очертания, ориентированный по странам света, имел небольшие размеры 15 × 30 м (с отношением сторон 1:2). Окаймленный пахсовыми стенами и колоннадой двор занимал большую часть пространства церкви, с восточной стороны прямо по продольной оси к нему примыкало помещение алтаря (внутренние размеры 4 × 4 м, внешние – 8 × 8 м) с крестообразными нишами и предположительно шатровым завершением. Алтарь с двух сторон фланкировали два не сообщающихся с ним прямоугольных помещения крещальни и ризницы [103]. В юго-восточном углу шахристана Ак-Бешимского городища находится монументальное сооружение, выполненное из пахсы и сырцового кирпича. Здание имело размеры 56 × 42 м по внутренним стенам и 60 × 46 м по

наружным стенам. Г.Л. Семенов описывает его следующим образом. «Комплекс состоит из пяти частей. Каждая часть в свою очередь подразделяется на вытянутое с востока на запад помещение длиной 25 м (в двух случаях, возможно, двор), к которому с востока примыкало квадратное в плане помещение (5×5 м) с нишами и алтарем. Вдоль восточного фасада здания между алтарными помещениями имелся ряд дополнительных комнат. Длинные коридоры окружали здание с трех сторон, а также разделяли его на составные части [187]. По своему плану и ориентации здание, безусловно, принадлежит к церковной христианской архитектуре. Аналоги плану и строительные приемы относятся к раннему средневековью. Церковь VIII в. раскопанная Л.Р. Кызласовым по планировке и размерам напоминает южный блок комплекса.

“Южная часть сооружения состоит из квадратного в плане (5×5 м) алтарного помещения с тремя нишами и проходом через который попадали в длинный церковный зал (25×5 м). Со всех четырех сторон эту центральную группу окружала анфилада сводчатых помещений, соединенных между собой проходами” [187]. С юга к алтарному помещению примыкал “*diaconicum*” – помещение для подготовки священника к литургии ($5,5 \times 2,25$ м). Рядом с ним находилась винодельня ($3,35 \times 2,19$ м.) Центральная часть комплекса состояла из обширного двора (18×30 м), вытянутого с востока на запад. С востока к нему примыкал ряд помещений. Центральный алтарь находился на продольной оси двора, в плане он аналогичен алтарному помещению первой группы. С севера двор ограничен анфиладой коридоров, имеющих проходы на восток, на юг во двор и на север, где находился еще один двор меньших размеров (10×31 м). На его продольной оси, как и в большом дворе, находится квадратное алтарное помещение. Малый двор замыкает анфилада церковного зала с алтарным помещением по его оси. Двухэтажное помещение замыкало анфиладу коридоров, его устройство было связано с обычаем “*incubatio*”, а именно: проведение ночи над могилой святого с гарантией выздоровления. Длинные помещения, а также возможно «большой» и «малый» дворы являлись нефами,

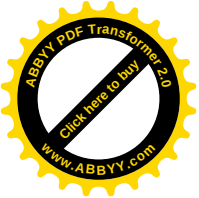

собственно помещениями церкви для верующих. Длинные церковные залы, разделенные подпружными арками, получившиеся четыре подквадратных объема перекрыты сводами “балхи”. Квадратные алтарные помещения перекрыты куполами типа “балхи”.

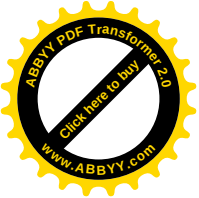
Христианская церковь, а впоследствии мечеть, отличаются от «языческого» храма тем, что последний был домом, жилищем божества, куда допускались только избранные люди – жрецы, церковь же (мечеть) – место массовых молитвенных собраний, в которой священная алтарная часть и пространство, заполненное верующими, неразделимы. Поэтому двор акбешимской церкви, связанный с ней нешироким проходом, нужно рассматривать не как внутреннюю часть самой церкви, а как ее обширное преддверие – по западной терминологии “атрий”, или “нартекс”. Что же касается самой церкви-часовни, то ее плановая форма – квадрат с осевыми сводчатыми нишами и купольным венчанием – принадлежит к древним и коренным приемам среднеазиатской архитектуры – именно к тому приему, который несколько позже воплотится в монументальных формах исламских зданий, сакральных и гражданских [48].

Архитектура буддийских храмов. В VII веке над регионом растет влияние Танской империи и, как следствие, активно ведется строительство буддийских храмов. Интересна и самобытна архитектура буддийских храмов в Суябе (обнаружено три храма) и Навекате (два). Буддийские храмы повсеместно встречаются и в других средневековых городах на территории Кыргызстана (Тараскент, Джуль и т. д.). Все буддийские храмы Чуйской долины построены с учетом требований буддийского канона, важнейшими элементами которых являлись: алтарное помещение, обходной коридор, молитвенный колонный зал для богослужения (Лист 7, 8, 9).

Первый буддийский храм в Суябе был построен в 692 г., об этом есть свидетельства в заметках китайского путешественника Ду Хуаня, посетившего Суяб около 750 г. Он пишет о китайском монастыре Даюньсы в Суябе,

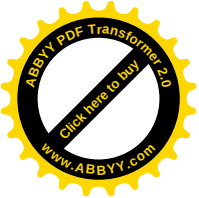

олицетворяющем военную мощь и политическое влияние империи Тан в Западном крае. “Монастырь Даюньсы в Суябе стал крайним западным форпостом китайской имперской идеологии” [75]. Храм, расположенный в 100 м от цитадели, прямоугольных очертаний с размерами 76×22 м. На продольной оси, ориентированной с востока на запад, располагались входная и молитвенные части храма. От входа начинался постепенный «подъем» по оси здания, завершающийся в алтаре подчеркивая тем самым его сакральность – священное место встречи с Буддой и божествами его пантеона (перепад высот достигал 5 м). Входное пространство, сначала сужаясь, затем превращалось в маленький холл (в виде вестибюля), квадратный в плане 5×5 м, от которого в трех направлениях располагались арочные проходы. Западное направление выводило посетителя во двор, два остальных – в предвратные помещения храма и буддийскую часовню. Открытый двор размером 32×18 м служил для отдыха богомольцев, здесь же происходили торговые операции и судебные акты буддийской общины. Вдоль продольных стен двора шла крытая колоннада с суфами для сидения, с юга на север двор пересекал узкий канал (арык). Богослужение происходило в зале храма перед святилищем. Молитвенный комплекс состоял из восьмиколонного зала, алтаря и обходного коридора, огибающего святилище с трех сторон. Зал имел в центре верхний световой проем, стены его были расписаны настенной живописью, колонны украшены лепными орнаментами, но самыми главными элементами интерьера были буддийские статуи. Четыре глиняные статуи Будды, сидящие на высоких пьедесталах, составляли фронт стены святилища. Высота одной из статуй Будды Майтрейи доходила до 4-х м. Рядом со статуями находились жертвенники. В центре перекрытого куполом святилища размером $6,33 \times 6,38$ м стояла бронзовая статуя Будды – кульминационный центр всего буддийского храма [103]. Таким образом, можно сказать, что Ак-Бешимский храм является типичным представителем буддийских раннесредневековых храмов, имеющих распространение в Восточном Туркестане, Согдиане, Иране и др.

Возникновение и функционирование второго [82] и третьего [23]. Ак-Бешимских храмов имеет не религиозное, а политическое обоснование. Предназначением этих двух храмов, являющихся, возможно, единым церковно-хозяйственным комплексом, было идеологическое обеспечение нужд, расквартированных китайских гарнизонов в Семиречье. Хронологические рамки функционирования этих храмов приходятся на период второй половины VII века (679 г.) – время активизации китайской политики в Восточном Туркестане и Средней Азии [75]. Есть многочисленные литературные факты того, что некоторая часть населения кочевников исповедовала буддийскую веру и символику.

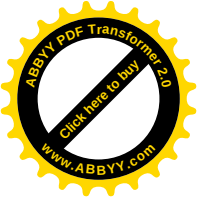
В 250 метрах от первого находился второй буддийский храм. Первоначальный внешний вид храма представляется в виде монументального кубического сооружения (38×38 м) строго симметричной композиции с гладкими глухими стенами, сложенными из сырцового кирпича, крупных блоков пахсы, завершавшегося высоким куполом, расположенном на уступчатом основании [82]. Храм воспроизводил пещерную обстановку. Как известно, основатель буддизма легендарный Шахьямуни, уединившись от всего мира в пещеру, начал проповедовать первые основы новой религии. С тех пор пещера для буддистов являлась воплощением уединения. “Здание второго буддийского храма Ак-Бешимского городища включало святилище (10×10 м), прямоугольный зал ($10 \times 24,8$ м) и два обходных коридора. Монументальные статуи располагались на суфах у главного входа и в нишах святилища. При раскопках найдено большое количество фрагментов скульптуры и архитектурно-декоративных деталей” [82]. Оставшись достоянием религиозной мысли древнейших цивилизаций, «картина мира», перейдя в более поздние эпохи, не меняя общей концепции, обогащается новым содержанием, новыми идеями и новой интерпретацией. Язычество с его ярко выраженным идолопоклонством и жертвоприношением уступает место мировой религии – исламу. Религиозное начало находило внешнее выражение в строительстве

многочисленных мечетей и медресе. Архитектурно-планировочное решение первых мечетей очень близко планировочным принципам храмовой архитектуры – это открытый двор, окруженный колоннадой по периметру с расположенными по его продольной оси портално-купольными объемами входной части и крестообразным залом-максурой. Однако идеологическое наполнение при внешней схожести планировочной композиции совершенно иное. Архитектурные формы исламской мечети выражали идею пустоты, в которой человек оставался наедине с Аллахом. Заполнение пустоты определяет методику творческого процесса, строго подчиненного идее пространства как схемы и символа макрокосма, структура которого наилучшим образом может быть выражена языком геометрии. Этот язык неустанно развивался в средневековом исламском зодчестве в искусстве орнамента и каллиграфии. На основе геометрических построений был выработан универсальный принцип создания художественной формы логическим преобразованием простого в сложное, пользуясь приемами кратного увеличения, наложения и ритмического повтора подобных простейших фигур (квадрата, круга, треугольника) [192]. В основе художественного образа зданий лежат такие же, как и в орнаменте, принципы ритмического повтора одинаковых или подобных элементов, симметрии и зеркальности композиции архитектурных форм.

3.2. Интеграция культур народов Центрально-Азиатского региона и России в развитии архитектуры Кыргызстана

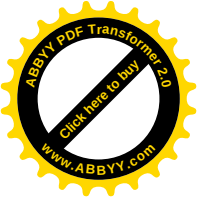
Преемственность традиций и взаимовлияние культур народов – одна из важных категорий развития зодчества на всем этапе его истории, именно она осуществляет связь времен в архитектуре, преодолевая инерцию времени и многовековую толщу наслоений стилей, направлений различных эпох, взаимодействия с соседними культурами и т. д. Именно традиции являются средством, обеспечивающим преемственность и поступательное развитие творческого процесса.

Трудно переоценить роль российской культуры в развитии архитектуры Кыргызстана. Русская культура повлияла на все отрасли кыргызского быта и, в том числе, на архитектуру [44]. Кыргызы, ведущие кочевой образ жизни, в поисках свежих пастбищ и чистой воды стремились всегда расселяться аилами на берегах рек, ручьев и родников. Аилы по своему численному составу были немногочисленны, как правило, из нескольких юрт и принадлежали одному родовому подразделению. Поздней осенью кочевники спускались в низины гор к берегам озер и рек, где останавливались на зимовках – кыштоо.

Однако упомянутые выше родовые подразделения не являлись хозяйственными объединениями и не проживали на общей территории еще задолго до принятия русского общества. В результате обострившейся имущественной дифференциации к концу XIX и началу XX в. среди значительной части кочевников-кыргызов все больше усиливается стремление к переходу на оседлый образ жизни. Этому во многом способствовало заселение Иссык-Кульской котловины русскими переселенцами-крестьянами, начавшееся со второй половины XIX века [160, с. 94–109]. Русские поселения располагались по берегам рек или вблизи трактов, что бывало преимущественно наличием на низменных берегах плодородных земель. Планировка селений русскими переселенцами в Иссык-Кульском уезде шла на основе указа царского правительства, изданного после крестьянской реформы 1861 г. Крестьяне-переселенцы планировали сёла согласно строительному уставу, предусматривающему проведение параллельных и перпендикулярных улиц. Как улицы, так и переулки должны были быть широкими. Для жителей были нарезаны усадебные участки для хозяйственных построек, огородов, бань и пр. [196, с. 153].

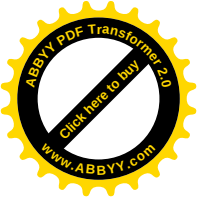
Одним из первых русских селений в Иссык-Кульской котловине был город Пржевальск (ныне г. Каракол) возникший в 1868 году. О городе Пржевальске начала XX в. так писал А.И. Краснов: “Каракол, в сущности, очень большая южнорусская деревня. Он утопает в зелени. Прямые длинные

улицы с чистенькими, беленькими домиками, с арыками и аллеями высокие деревья производят приятное впечатление. Туземцы здесь живут в домах, построенных на русский образец, и вы сразу не отличите их от русских” [100, с. 252]. В городе были построены и открыты мужская прогимназия, женская гимназия, русско-туземная и сельскохозяйственная школы. Царское правительство выделяло больше средств на содержание администрации, армии, полиции и др., чем на благоустройство города и рост благосостояния народа.

После революции 1917 г. город Пржевальск совершенно преобразился. Проводилась большая работа по благоустройству памятника Пржевальскому, разведение парка вокруг него, открыт мемориальный музей его имени. Еще один пример русского села – село Преображенское (ныне Тюп) основанное в 1870 году на левом берегу реки Тюп. Оно было основано астраханскими и воронежскими крестьянами-переселенцами. Улицы в нем вытянуты с востока на запад. В 1871 году в устье реки Большой Ак-Суу, на северном побережье озера Иссык-Куль было основано село Сазановка. К началу основания в Сазановке было всего 15 переселенцев, а к 1898 году в нем насчитывалось уже 1582 жителей из самых разных губерний России. Здесь жили не только русские, но и украинцы, татары, чуваш и др. В 1873 году было основано русскими переселенцами-крестьянами село Сливкино (ныне Покровка). Одним из его первых основателей был тамбовский крестьянин Сливкин, село было названо его именем [160, с. 252]. В первые годы в селе проживал 31 человек, затем оно начало расширяться и пополняться крестьянами, постепенно прибывавшими из Центральной России. Особенно пополнилось село в годы революционного движения в России (1905–1907 гг.), когда малоземельные и безземельные крестьяне выселялись на окраины.

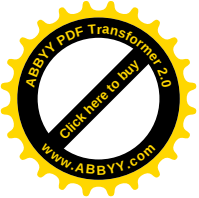
Есть и такие русские села, которые получили название по местной кыргызской топонимике (Ой-Тал, Кудурга-Кутырга, Джергез и др.). Необходимо отметить, что на Иссык-Куле имелись отстающие от села или города на порядочное расстояние помещичьи усадьбы. На восточной окраине

села Покровка, например, в конце 90-х годов XIX в. была построена усадьба, находящаяся на расстоянии 1,5–2 км на запад от гор. Хозяин занимался разведением бабочек, за что местное население называло усадьбу: “Сад господина, занимающегося ловлей бабочек”. Также в Пржевальске была находилась усадьба крупного татарского помещика. При таких усадьбах находились группы крестьянских изб, в которых обычно жили работники. В наиболее живописных местах селений, в окружении декоративных деревьев и плодовых садов, располагались обычно дом старосты села и дома кулаков с их службами. Видное место занимала церковь, которая, как правило, возводилась в центре села. Хочется отметить, что архитектура христианских храмов оказала заметное влияние на развитие городов и селений Кыргызстана. Конструктивные приемы и методы возведения церквей получили развитие в архитектуре как жилых, так и общественных зданий [79, с. 120].

В 1900 г., в результате сильного упадка благосостояния, с одной стороны, и под влиянием общения с русским населением – с другой, кыргызы-бедняки местности Бозучук Тургенской волости впервые изъявили желание перейти к оседлой жизни. Они были исключены из киргизской волости и образовали общество, приравненное к русским переселенцам. Перешедшие к оседлости киргизы представляли собой, главным образом бедноту. Многие из них до того времени работали на богатых кыргызов. К этой группе присоединились также кыргызы, батрачившие у русских зажиточных крестьян. Этот факт значительно поменял отношение кыргызов к жилищному строительству. До революции и до переселения других народов на территорию Кыргызстана, глинобитное жилище широко бытовало среди бедной части кыргызов. Технологии строительства как таковой не существовали, использовались достаточно примитивные методы, выкладывали глину и трамбовали [174, с. 273].

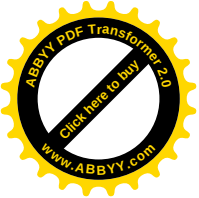
Что касается жилища киргизов Иссык-Кульской области, весь процесс строительства проходил так же, как у русских. В большинстве случаев, строительство вели русские мастера, особенно, у зажиточных киргизов, а

помощниками их являлись кыргызы, батрачившие у баев. Во сформировавшихся с 1907 года по день революции кыргызских селах имелись свои русские мастера, которые строили дома на договорных началах. Эти мастера жили в селах по нескольку лет и пользовались всеобщим уважением. К 1917 году жилища как у русских, так и у кыргызов, делились на следующие виды: однокомнатный дом, пятистенный, связной и крестовой. Эти дома строились из сырцового кирпича и лёсса. Необходимо отметить, что связные и крестовые дома строились исключительно баями и манапами. К моменту революции этот тип дома довольно широко бытовал среди имущих классов кыргызского общества. Баи и манапы специально нанимали русских плотников, каменщиков для строительства своих домов.

Постройка кирпичного дома начиналась с закладки каменного фундамента. Сначала копали ямы глубиной 50 см во всю длину и толщину внутренних и внешних стен дома. Яму заполняли камнями и продолжали поднимать каменный фундамент на 30–40 см выше уровня земли. Стены домов воздвигались из сырцового кирпича, приготовленного из глины, к которой примешивали солому. При возведении стен строения кирпич скрепляли разведенной глиной. Толщина стен варьировалась от 50 до 100 см, до определенного уровня кирпичные стены делали сплошными, после чего в них задуманных местах оставляли проемы для окон. Когда складка кирпича достигала верхнего уровня окна, то проемы окон с верхней стороны покрывали планкой – чистой толстой доской. Затем продолжали выкладывать ряды кирпичей. Когда стены были воздвигнуты, на них клали четырехгранные балки. На балки прибивали гвоздями доски, служившие потолком дома. На потолок наливали толстый слой глины, смешанной с соломой, чтобы предохранить помещение от холода зимой и от жары – летом.

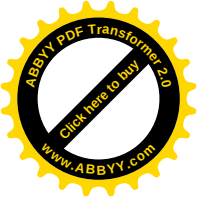
Крыша дома, если она была плоско-двускатная, устраивалась на стропилах высотой 1–1,5 м, которые были расположены с обоих концов дома. По краям дома, с обеих сторон над стенами, клали балки, на которые

прибивались доски, после чего образовывалась деревянная крыша, ее залили толстым слоем серой глины, смешанной с соломой, чтобы предохранить от снега и дождя.

Богатые киргизы возводили крышу из железа, двускатную или четырехскатную, либо деревянную – из тёса. Кроме кирпичных домов, в Иссык-Кульской долине были распространены деревянные дома, строительство которых киргизы также заимствовали от русских. Для строительства домов всегда использовали старую ель, прочную и крупную. Заготовка леса производилась наемными рабочими, осуществлявшими постройку. Стены домов не складывались, как в России, из крупных бревен, так как по техническим характеристикам тянь-шаньские деревья для этого не пригодны. Их распиливали в длину и получали большие толстые доски. Фундамент для такого дома выкладывался на высоту 75–100 см из сырцового кирпича, скрепленного между собой глиной. На кирпичный фундамент дома выкладывали толстые бревна. Затем возводили сруб из распиленного леса. Потолок и пол делались из досок. Иногда дома ставились не на фундамент, а просто на большие камни, подложенные на четыре угла [131, с. 178].

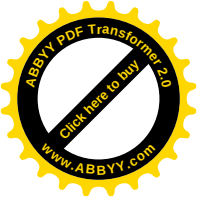
До революции 1917 г. деревянные дома строились в основном однокомнатные. Богатые киргизы строили пятистенные, связанные и крестовые дома, состоявшие из нескольких комнат. Бревна мхом не прокладывали и не конопатили. Для сохранения тепла стены в большинстве случаев штукатурились с внешней и внутренней стороны. Штукатурка из глины с соломой наносилась толстым слоем. Крыши деревянных домов делали высокими, более бюджетный вариант – плоские, двускатные. С внутренней стороны двора имелись террасы. У богатых киргизов жилые дома чаще всего делились на три части: изба-сени-изба. Все эти части представляли собой отдельные срубы, которые соединялись нижними и верхними бревнами. В домах обычно устанавливались железные печи.

Обычным сезоном для возведения жилого дома и хозяйственных построек были теплые месяцы: с мая по август, что давало возможность приготовить жилое помещение к зиме, основательно его подсушить. Резные украшения раньше применялись в богатых кулацких домах и у татарских купцов. Оформляли наличники, карнизы, веранды. Резьба, сделанная путем пропиловки, очень разнообразна по орнаментике. Особенно богаты резьбой дома русских селений в г. Пржевальске [160, с. 109]. Баи и манапы чаще всего располагали свои дома на основных зимовках, где они могли проводить большую часть года. Домом русского типа, например, связным домом, хотели показаться перед администрацией царской власти, поэтому не случайно, что в богатых домах была одна или несколько комнат, хорошо меблированных, с внутренним убранством, где сочетались элементы кыргызского и русского быта. В таких домах нередко останавливались приезжие чиновники царского управленческого аппарата.

Из вышесказанного видно, что кыргызы под влиянием русских крестьян с переходом на оседлость начали строить такие же дома, как у русских. В селениях оседлого типа при строительстве домов они переняли строительную технику русского народа. Влияние русской культуры также сказалось на изменении внутренней обстановки жилища кыргызов. Взаимодействие российской и киргизской культур, в целом, сильно отразилось на зодчестве Кыргызстана XIX – начала XX в. Это особенно ярко проявилось в градостроительстве и жилищно-гражданском строительстве.

Освоение наследия, а значит и традиций (архитектурных, градостроительных, художественных и т. п.), происходит на основе динамического закона отрицания с критическим использованием всего исторически развивающегося, объективно ценного, прогрессивного в принадлежащего народу, нации, человечеству. Это ценное перерабатывается, сплавляется и воплощается в новое содержание, новые образы и формы архитектуры и развивается в них в новом качестве.

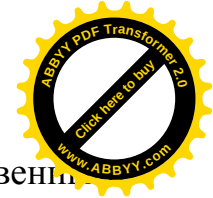
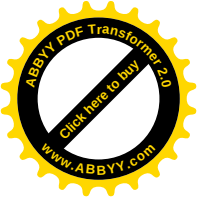

Традиции, остановившиеся в своем развитии, уже не отвечают изменяющимся социально-экономическим, эстетическим, техническим, культурным и другим условиям, отбрасываются и заменяются новыми, более жизнеспособными. Традиция не является нечто неизменным, константным – она находится в постоянном и непрерывном развитии и движении.

Произведения традиционного зодчества надо воспринимать не как объект слепого копирования и эталон для подражания, а только как исходную точку в поисках эффективности застройки. Традиционная архитектура олицетворяет в себе источник готовых образцов, пригодных к “употреблению” во все времена, выработанную на протяжении долгих лет в единую систему творческого мышления народных зодчих, осуществленную модель жилой среды, прошедшую некий естественный отбор и отражающую жизненные нужды и духовные ценности народа. При этом положительными архитектурными традициями считаются лишь те, которые выдержали испытания временем и пригодны для применения в современной практике жилищного и гражданского строительства.

Забвение этих принципов приводит к рождению на свет аляповатых, безвкусных, перенасыщенных разнохарактерными декоративными деталями и элементами объектов в “зональном стиле”, чужих общему направлению и развитию современного строительства, что весьма далеко от правильного понимания и профессионально-грамотного учета народных архитектурных традиций.

Одной из основополагающих особенностей традиционной архитектуры является, с одной стороны, ее подчеркнута гуманистический характер, который нашел свое проявление, в частности в масштабности, соразмерности застройки по отношению к человеку, а с другой – к свойственным элементам природной среды, что обеспечивает установлению более близкого и надежного контакта, а также узкое взаимодействие природного окружения и человека. Данная характерная черта традиционного зодчества имела огромное значение для

достижения единой связи естественного ландшафта с искусственными сооружениями.

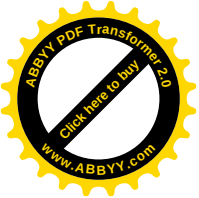
Пример тому – опыт зодчих в горных районах Таджикистана и Узбекистана, где еще в глубокой древности выработаны определенные принципы деликатного вторжения в окружающую среду. Наглядным подтверждением сказанному является формально-композиционный анализ селений и отдельных зданий юго-западного Кыргызстана, показывающий, что народные зодчие чутко воспринимали свое творение и природу как единое целое. Это находило отражение в их градостроительной деятельности, зодчие подсознательно применяли принципы пластического синтеза архитектуры и природных форм, принимая во внимание роль ландшафтных элементов.

“Именно суровый горный ландшафт и климатические условия являлись основной причиной своеобразного принципа построения пространственной структуры жилого образования, именно в ландшафте складывалась определенная традиция материальной культуры” [169].

В этой связи, архитектор Б.М. Полуй справедливо отмечает, что возникновение устойчивых региональных и национальных черт архитектуры, её языка и традиций, во многом результат действия конкретной экологической среды. “Именно экологический подход, экологическое мышление, питают корни и древо традиций, помогают устанавливать постоянную и непрерывную связь между делами прошлого и настоящего с их последствиями в будущем” [169].

Представляет определённый интерес, с социальной точки зрения, идея возрождения многих незаслуженно забытых традиций общинной жизни, которые сейчас, в новых условиях социально-экономического развития страны, являются богатейшим кладом неиспользованного потенциала человеческого бытия.

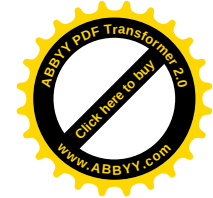
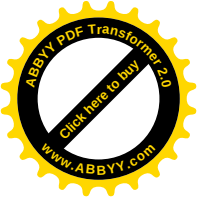
Нельзя не затронуть вопрос и о прогрессивных традициях архитектуры горного Кыргызстана, выявляемых в недавнем градостроительном прошлом, т. е. XIX–XX вв. Здесь вновь хотелось бы вернуться к рассмотрению

градостроительного искусства Кыргызстана в ландшафтном аспекте, т. экологическом плане. Изучение и выявление опыта народных зодчих в горном регионе, где основой формирования национальных традиций являлись природно-климатические факторы, может оказаться довольно полезным для разработки основных положений по взаимодействию природного ландшафта и архитектуры. Этот опыт позволял народным мастерам не только воедино связать постройки с окружающей природной средой, но и разработать ряд композиционных приемов объединения архитектуры с ландшафтом, вследствие чего каждое селение обзаводилось своим особым, хорошо запоминающимся лицом, своим индивидуальным обликом.

Кроме того, заслуживает пристального внимания опыт рационального использования дефицитной в горной республике пахотной земли. В целях сохранения и экономного использования посевной площади селения возводились в большинстве случаев на неподходящих для обработки каменистых участках. При этом народные строители с большим мастерством решали вопросы взаимосвязи архитектуры и природного окружения, используя для этого все имеющиеся на участке ландшафтные элементы без уничтожения рельефа и растительности. Учет и использование многих строительных приемов народного зодчества будут способствовать планомерному сохранению рациональному использованию природного ландшафта как неотъемлемой материальной и духовной части жизненной среды человека.

Следует обратить внимание и на сам принцип объемно-пространственной организации горных селений, где под застройку используют скалистые участки с уклоном свыше 30–50 %. Система террасной и блокированной застройки на склоне гор ущелья, ее ступенчатый объемно-пространственный эффект является ведущим приемом в архитектуре горного села, а применение близкого по тону горной панораме естественного камня в контрасте с акцентирующими пятнами зеленых насаждений является своеобразным приемом колористического единства сооружений селения и окружающего горного

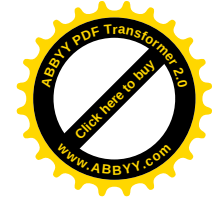
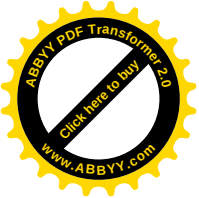
ландшафта.

Если в равнинных селениях ландшафт не играет первостепенную роль, т. е. он существенно не влияет на архитектурный облик села, то в горных кишлаках природный ландшафт является основой построения пространственной структуры жилого образования. Это позволяет утверждать, что окружающая среда является объективным, постоянно действующим условием формирования каждого архитектурного объема, а также составным композиционным элементом всего организма народной архитектуры в горных районах.

Другим принципом взаимодействия народного зодчества и окружающего ландшафта, как одной из прогрессивных черт планировочной структуры горного селения, является прием визуальной пространственной связи сооружений с природной средой. Возводя постройки непосредственно среди ландшафта, обладающего высокими эстетическими достоинствами, народный мастер, не ставя перед собой сознательно задачи чисто художественного порядка, интуитивно стремился максимально объединить интерьер помещений с двором, связав оба пространства в единое целое. Это наглядно видно в организации жилого дома, в котором традиционная триада “дом – айван – двор” дает возможность наиболее полно осуществить принцип взаимопроникающих пространств.

Положительным в планировочной организации горных селений, является также принцип зонирования функциональных частей, выразившийся в отделении селитебных территорий от хозяйственных или в параллельном чередовании жилья и сельхозугодий и другие принципы зонирования.

Анализ современной зарубежной практики освоения горных территорий в развитых странах мира показывает, что использование традиций прошлого своих народов дает великолепные результаты, подтверждением этому являются строительство сооружений на склонах в Японии, Германии, Швейцарии, Австрии, Франции, Нидерландах, Турции и других странах, в том числе, в

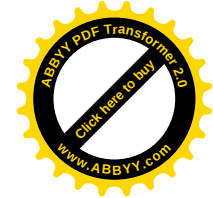
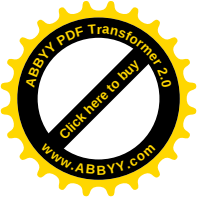

странах содружества – Грузии, Армении, Таджикистане, Узбекистане.

Следует отметить, что во многих странах горная застройка, помимо всех прочих своих достоинств, имеет ярко выраженный национальный характер, колорит и адресность, по которым она легко узнаваема. Примером тому служит жилой квартал в Горисе (Армения), селение Гудани (Грузия), жилой комплекс Демир Холидей (Турция) и другие, имеющие каждый свое неповторимое, индивидуальное лицо и прочную этническую связь с родной землей в прямом значении этих слов (Лист 32, 33, 34, 35).

К сожалению, современная строительная и проектная практика Кыргызстана не изобилует примерами подобного рода. Причиной тому непонимание и нежелание архитекторов-практиков глубоко вникать в суть проблем национальных традиции и национального своеобразия, что и приводит, в конечном счете, к нивелировке зодчества в республике, к его обезличиванию, к интернационализму форм и содержаний. Касаясь путей освоения прогрессивных традиций, Р.С. Мукимов, отмечает, что “национальный колорит в современной архитектуре создать невозможно; его нет в чистом виде и в опыте прошлого зодчества. Следовательно, архитектура Кыргызстана приобретает национальное своеобразие только тогда, когда зодчий на основе комплексного изучения истории и культуры своего народа сможет взять из прошлого самое лучшее. А для этого требуется тесная совместная работа архитекторов-практиков с искусствоведами, историками, социологами и представителями других специальностей. Национальная архитектура складывается из множества крупиц, накопленных народным зодчим” [121].

Отрицая путь поиска своеобразия в архитектуре с помощью декоративных средств, необходим поиск колорита в градостроительных и планировочных приёмах, особенно в планировке самого здания, использовании местных материалов и, наконец, в учете психологического национального склада, который накладывает неизгладимый отпечаток на произведения

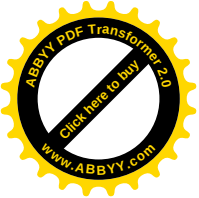
искусства, в том числе и архитектуру.

Высокое развитие строительной базы плюс мастерство архитектора является первоосновой для создания интересных, ярких и самобытных произведений архитектуры.

Уместно привести, в этой связи, высказывания доктора архитектуры профессора С.М. Мамаджановой “...только ли мастерство зодчего определяет своеобразие архитектуры? Наверное, не только, – пишет она, – но и личностные отношения мастера к самой архитектуре, к проблеме национального в архитектуре, преемственности, к традициям прошлого. Зодчество – это очень сложное профессиональное понятие, включающее множество сфер человеческой деятельности – социологию, культуру, демографию, экономику и т. д. И это всё помимо профессионального мастерства. Только высокообразованный архитектор, в психологии которого нераздельны понятия народ и его культура, способен создать не просто интересные сооружения, но и глубоко национальные по духу произведения” [111].

В этой связи необходимо предельно внимательное отношение и детальное изучение накопленного опыта и традиций народного зодчества Кыргызстана, особенно в его горных районах во взаимовлиянии и взаимодействии с традициями соседних народов Узбекистана, Таджикистана, и где, в силу ряда причин, сложилась выразительная и самобытная по своей стилевой природе архитектура. Незнание прошлого и тем более пренебрежительное отношение к архитектурно-градостроительным традициям региона уводят от творческого процесса проектирования с учётом лучших устоявшихся традиций и опыта народных мастеров.

При этом, конечно, не стоит идеализировать традиционное зодчество, порожденное весьма примитивным общественным укладом и скромных материальных и технических возможностей. Современным проектировщикам необходимо взять на вооружение сами принципы древнего зодчества и обогатить художественный метод современного строительства в горных и

предгорных районах Кыргызстана. Освоение самых общих принципов приспособления традиционной местной архитектуры к условиям материальной и духовной жизни человека должно способствовать возникновению новой архитектурно-пространственной среды, отражающей присущее кыргызскому народу понимание архитектурного пространства, тектоники, цвета и т. д.

3.3. Принципы развития архитектурно-градостроительной культуры Кыргызстана

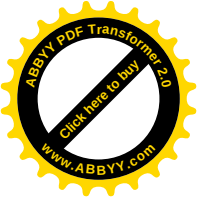
Как уже упоминалось ранее, временная периодизация средневековья в Кыргызстане отличается от европейской, т. е. этот период охватывает более тринадцати веков – с V по XVIII век. Историю средневековой архитектуры и градостроительства Кыргызстана условно можно разделить на три этапа:

I этап – раннее средневековье – доисламская архитектура V–X века (языческая).

II этап – развитое средневековье – исламская архитектура (XI–XII века).

III этап – позднее средневековье – исламско-христианская архитектура (XIII – начало XIX века).

В доисламский период сложились основа внутрирегиональных и транзитных коммуникаций, первичные основы планировочных структур городов и поселений. Кыргызстан, будучи расположенным в центре Евразии, был местом взаимодействия и пересечения не только торговли и ремесел, земледельческой и кочевой культур, но и местом многоплановых духовно-религиозных коммуникаций. Крупные племенные союзы, возникшие в период перехода от кочевого к оседлому образу жизни, завершились созданием первых государств, образованных на основе суперсоюзов племен. Между племенами исторически складывались межкультурные и региональные взаимодействия. На землях Кыргызстана обитали две крупные конфедерации племенного союза: саки-хаумавагра и саки-тиграхауда, которые оставили после себя великолепные памятники монументальной архитектуры в виде искусственно созданных

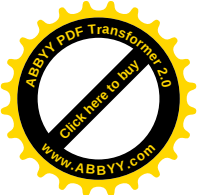

холмов-курганов. Появление “царских” курганов свидетельствует о существовании твердой центральной власти вождя. Ученые Л.Н. Гумилев, А.Н. Бернштам, Ж.К. Каракузова, М.Ш. Хасанов не без основания, считают, что курганы подобно летописям – “это братские могилы народов” [23] ... “модель видимого мира, ограниченного кольцом кругозора, выражают идею кругозора кочевника” [90]. Одним из значительных ландшафтно-культовым памятников является священная гора Сулайман-Тоо, расположенная в центре города Ош. Поклонения горе и жертвоприношения по древне-мифологическим представлениям обеспечивали гармонию человека с окружающим миром. Гора была своего рода горным зороастрийским храмом, где совершали обряды огнепоклонники. Процесс осмысления мира в древности представлялся в виде грандиозной “картины мира”, существующей по законам космической гармонии. Эта картина мира получает образное осмысление, для которого архитекторы древности сумели найти совершенную геометрическую форму города, храма и дворца, воплощавшую идею борьбы хтонических и разумных начал в природе [80].

Как образно пишет С.М. Неополитанский, “форма представляла мир кристаллизованной материи, и служила барьером, или “скорлупой-оболочкой”, между порядком и хаосом”. Преобразование идеи в материальные формы происходило посредством структуризации энергии хауса [159].

Основа архитектурно-градостроительной культуры сформировалась еще в доисламский период и эволюционировала в последующие периоды, и в итоге превратилась в региональные традиции. Архаичные типы землянок, пещер, шалашей, юрт проходят от древности через все периоды, используя как временное жилище, а также как второстепенные архаичные типы в экстремальные периоды развития архитектурной культуры региона.

В доисламский период сформировалась архитектурно-градостроительная культура с минимальной социально-функциональной и эстетической программой достаточной для выживания в пространстве евразийского региона.

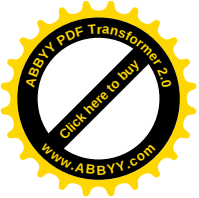
В доисламский период архитектурно-градостроительное развитие происходило в условиях взаимодействия традиций пришлых и коренных культур [3].

Архитектурно-градостроительная культура исламской архитектуры формировалась на морфологической основе доисламского периода. В этот период была сформирована архитектурно-градостроительная типология на основе влияния заимствованных образцов, присущих мировым центрам ислама, с последующей их адаптацией в культурному пространству евразийского региона. В них, наряду с общими для ислама традициями, появились региональные традиции с выработанными в данных региональных и культурных условиях критериями и эстетическими идеалами.

Ислам внес в архитектурную культуру региона элементы цивилизации, которые были основаны на принципах более активного преобразования географического пространства, иных соотношениях природной и искусственной среды.

Исламская архитектурная культура Кыргызстана была эклектична в своем восприятии влияний из разных культурных источников, использовании в одном архитектурном объеме элементов различных архитектурных культур и эпох. Традиции формировались в значительной степени путем наложения строительных периодов как в рамках одного типа, так и в системе архитектурно-градостроительных типов региона.

Можно отметить, что приверженность исламской культуры к геометрически упорядоченным орнаментальным сюжетам с изображением мира не всегда и не везде были последовательно выдержаны и не являлись единственной художественной константой. Постепенно все более проявляла себя другая декоративная система, основанная на декоративных традициях осмысления окружающего мира в сюжетах и мотивах декора, окружающих природу Кыргызстана. Архитектурная стилистика Кыргызстана базируется на традициях доисламского периода.

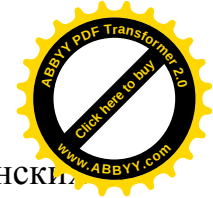
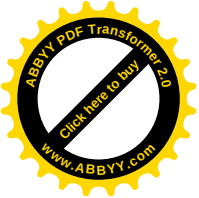
В период исламско-христианского средневековья русская культура внедрилась в пространство Центральноазиатского региона посредством архаичных типов жилой, гражданской и церковной архитектуры. При этом с заимствованием материальных ценностей и освоением существующих архитектурно-градостроительных объектов были, по-существу, заимствованы и традиции монументального зодчества исламской культуры Центральноазиатского региона, которые развивались в русле русской православной архитектуры.

На морфологической основе исламской архитектурно-градостроительной культуры развивается система русской православной архитектурно-градостроительной культуры. Причем исламская культура развивается в рамках архаичных архитектурно-градостроительных типов – деревень, мечетей, жилищ, землянок, юрт [3].

Русская православная культура соприкоснулась с профессиональной традицией мусульманской культуры. Во взаимодействии с ней складывались профессиональные и христианские традиции, которые уже становились источником для развития исламской традиции Кыргызстана в XVIII веке.

Русские православные традиции христианской культуры, ее вращение в культуру региона, сложившиеся традиции переплетались с привнесенными и становились единым целым.

Цивилизованные процессы, связанные с русской архитектурной культурой, начали проявляться только к концу XIX века, в период вхождения Кыргызстана в состав России. Начинают нарастать тенденции внедрения архитектурно-градостроительных типов русско-европейской культуры в культуру коренных народов Кыргызстана. Планировочные приемы застройки поселений, типы церквей, мечетей, жилых и гражданских зданий возникли во многих городах и селах. Начали развиваться признаки новой цивилизации – российской, в рамках которой стали проявляться этнорелигиозные традиции архитектурной культуры региона. Стали вводиться общие принципы

планирования городов и сел, типовые проекты жилых, гражданских, культовых зданий и сооружений.

Этот период характеризуется свертыванием исламской архитектурно-градостроительной типологии жилых, гражданских и культовых сооружений до ограниченного набора архаических типов, что позволило выжить исламу в экстремальных культурных условиях, сохранив тем самым исламскую архитектурную культуру, хотя и при значительных утратах.

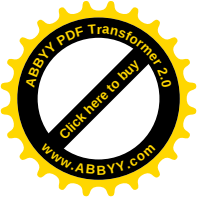
В период русской колонизации архитектурная культура региона приобретает признаки кризиса сложившейся системы контроля над развитием архитектурной культуры коренных народов [77].

В российский период изменяется стилевая ориентация в архитектуре региона. Развитие русско-европейских традиций внесло в архитектурную культуру Кыргызстана новые черты. На основе использования российских традиций происходила взаимная адаптация русской культуры и культуры коренных народов, выбирались близкие для традиций элементы стиля.

Исламско-христианский периодом явилась вторая половина XIX – начало XX века, когда в пространстве Центральноазиатского региона в условиях интеграции культур складывались общерегиональные и свойственные для каждой культуры архитектурно-градостроительные типы [77].

В доисламский период сакральный каркас региона формировался на основе подчинения смыслом природы. В исламский период происходит развитие сложившегося каркаса, включение в его систему наряду с языческими смыслами смыслов монотеизма, выраженных в системе архитектурных типов: мечети, мавзолей. В христианско-исламский период происходит трансформация сакрального каркаса. В систему культурных смыслов язычества и ислама включается система смыслов христианства. Она частично дублирует старую систему смыслов, перекрывая ее новыми значениями [5, 6].

На территории Кыргызстана с исторической древности развивалась система архитектурно-градостроительных типов – язычества, ислама и

христианства. Наслаиваясь и взаимодействуя в динамике исторического времени, эти морфологически неоднородные системы образовали сложные переплетения культурных традиций.

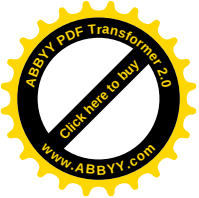
Пришлые культуры приносили с собой новые архитектурно-градостроительные типы. При этом от адаптационных свойств культур зависела жизнеспособность системы их типов, характер взаимодействия с типологией коренных культур. В результате чего каждая культура имела набор привнесенных адаптированных типов и, наряду с ними, отработанные тысячелетиями архаичные или актуальные типы коренных культур.

Закономерностью развития архитектурно-градостроительной культуры региона является морфологическая многослойность объектов как в системе расселения, так и структуре городских и сельских архитектурных пространств, архитектурных объектов. Традиции исламского периода наслаивались на традиции доисламского периода, традиции складывались из взаимодействия традиций политеизма, ислама и христианства всего Центральноазиатского региона, при этом каждая из них обладает своей динамикой, путями развития.

Архитектурное творчество здесь было ограничено с одной стороны христианским, с другой – мусульманским мировоззрением, волей конкретных правителей и заказчиков. Самовыражение творческой воли архитекторов всегда было ограничено, дисциплинировано проблемой национальных и религиозных отношений. Архитектор, осознавая социальные ожидания тех или иных слоев населения, сам накладывал на себя необходимые ограничения. Стили для архитекторов являлись источником для вариации на тему [3, с. 189–190].

Принципами архитектурно-стилевого развития Кыргызстана являлись внутрестилевые культурные интерпретации привнесенных традиций к традициями региона (Лист 36).

На основе материалов историко-архитектурного исследования выявлены теоретические и историко-культурные аспекты взаимодействия культур в развитии архитектуры Кыргызстана.

По высказываниям Г.В. Флоровского, “...влияние не только не исключает самостоятельности и оригинальности, но непременно предполагают ее”, и уточнял, что “влияние может быть” применено лишь там, где имеется налицо хоть какая-нибудь доля самостоятельности и оригинальности, без которой невозможно говорить о влиянии” [199, с. 387–388].

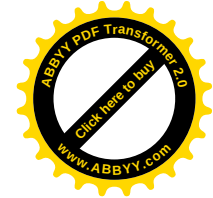
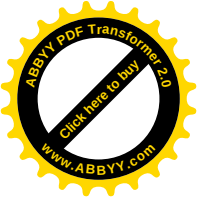
Под взаимодействием культур автор понимает формы культурного обмена. При этом считает, что известные в физике (синергетике) принципы, понятия о несиловых дальнедействующих связях и влияниях приложимы и к культурным процессам в развитии архитектуры [154].

Процесс взаимного обмена характерен для всех видов межрегионального и внутрирегионального развития. При этом он не очевиден в масштабе короткого исторического развития: реакция культурного развития растягивается на столетие и оценить его можно только в масштабе эволюционного развития [199].

Культура региона – это система выработанных в пространстве материальных и духовных ценностей, норм, правил, традиций, необходимых и достаточных для выживания воспроизводства социума в данном геофизическом пространстве в данное историческое время [76].

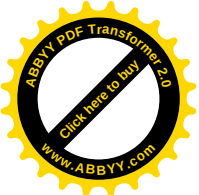
Если рассматривать архитектуру как пространственную реализацию культуры, а культуру – как системообразующее начало, как определяющий фактор в социальной динамике, то архитектурная культура – это структурообразующая пространственная система градостроительных и объемно-планировочных типов [76].

В структуре архитектурной культуры региона традиции выполняют роль системных связей. При утере системных связей – традиций, разрушается вся система. Богатство связей каждого элемента системы обеспечивает его устойчивость. Устойчивые, отработанные в процессе исторического опыта архитектурно-градостроительные типы передаются от эпохи к эпохе (Лист 39).

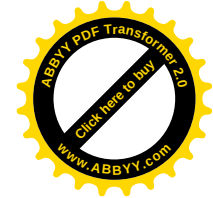
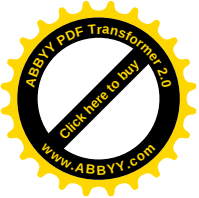

Выводы по 3 главе

1. Проблема национального своеобразия и адресности архитектуры не оставлена без внимания архитекторов, специалистов и ученых, работающих в области архитектуры. Есть отдельные проектные разработки в области жилищно-гражданского строительства, где заметны тенденции абсолютно другого подхода к освоению традиций, а именно: поиска исходных корней национального зодчества, основанного на принципах взаимодействия и взаимовлияний культур народов региона, позволяющих выявить синтетическую связь с традициями прошлого.
2. Богатое культурное наследие народа Кыргызстана играет огромную роль в познании его исторического прошлого. Однако вопрос сохранения памятников археологии, архитектуры остается весьма злободневным, поскольку имеются многочисленные факты уничтожения городищ, курганов, наскальных рисунков – петроглифов, каменных изваяний, объектов архитектуры, причисленных к памятникам зодчества и даже охраняемых государством.
3. Закономерностью развития архитектурно-градостроительной культуры региона является морфологическая многослойность объектов как в системе расселения, так и в структуре городских и сельских архитектурных пространств, архитектурных объектов. Традиции исламского периода наслаивались на традиции доисламского периода, традиции складывались из взаимодействия традиций политеизма, ислама и христианства всего Центральноазиатского региона, при этом каждая из них обладает своей динамикой, путями развития, принципами архитектурно-стилевого развития Кыргызстана, и являлись внутрителиевыми культурными интерпретации привнесенных традиций к традициям региона.

На основе материалов историко-архитектурного исследования
основаны теоретические и историко-культурные аспекты взаимодействия
культур в развитии архитектуры Кыргызстана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

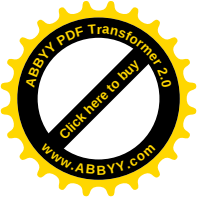
В горных районах Кыргызстана опыт зодчества являет собой коллективный творческий задел многих поколений, поэтому его можно соотнести с новыми жизненными требованиями, новыми социальными и политическими идеалами. Сочетание прогрессивных местных строительных традиций с современными тенденциями формирования архитектуры является основополагающим фактором дальнейшего поэтапного развития архитектурно-градостроительной среды горного Кыргызстана, это является органическим и закономерным развитием местных традиций градостроения, которые сложились в результате многотрудного и длительного процесса развития взаимовлияния различных архитектурных школ и течений региона.

Древние зодчие использовали в своей градостроительной практике принципы пластического взаимодействия архитектуры и природных форм, чутко понимая единство своего творения и природы, а также учитывая роль элементов ландшафта. Эти принципы современным архитекторам необходимо из области народной интуиции, неосознанности трансформировать в сознательный художественный метод современного строительства в горных местностях.

Наличие взаимосвязи с природным окружением является одним из основополагающих критериев для оценки современных поселений.

В традиционном народном зодчестве главенствующее место занимали окружающая природа, ландшафт местности, естественное окружение, а все постройки: жилые дома, гражданские и культовые здания и сооружения, хозяйственно-бытовые объекты второстепенное, органически вписываясь в окружающую среду.

Можно выделить следующие принципы взаимодействия композиции природного окружения и застройки:

- максимальное и бережное сохранение естественного рельефа местности;
- максимальное и бережное сохранение растительной флоры на склонах;
- сомасштабность формы рельефа и сооружений жилого и хозяйственного назначения;
- единство колористики жилой застройки с окружающим ее ландшафтом;
- визуальная связь жилой застройки с природным окружением.

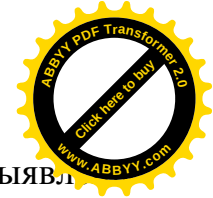
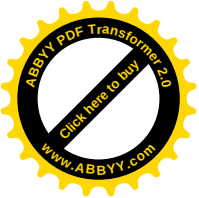
Несмотря на многообразие объемно-пространственных решений и индивидуальность облика архитектуры отдельных поселений, формирование структуры их планировки было подчинено определенным закономерностям и условиям, продиктованным строением рельефа местности. Композиционные структуры, образованные на этой основе включая лучевую, линейную, компактную и др., могут послужить объектом рассмотрения при формировании современных горных поселений.

В нынешних условиях, вполне приемлемо традиционное зонирование жилых и хозяйственных зон на территории застройки, которое во многом продиктовано из соображений санитарной безопасности. В настоящее время это можно трактовать как выражение разграничения селитебной и производственной зон, зон отдыха и приложения труда.

Архитектурное решение общественного центра оказывало влияние на облик горных поселений, который приобретал индивидуальный характер.

Обычно композиционным центром селений являлась мечеть, как правило, располагавшаяся на возвышенности с целью хорошего обзора со всех сторон. Архитектурным декором и объемом она доминировала на фоне окружающего объема глухой жилой застройки и служила основным планировочным акцентом.

Для возрождения традиционного приема создания индивидуального выразительного облика современной застройки потенциальные возможности имеет объемно-пространственная композиция.

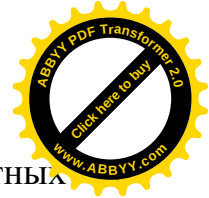
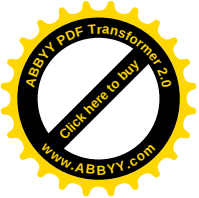

При изучении архитектурного наследия горных районов были выявлены некоторые закономерности типологии формообразования традиционной архитектуры. В результате этого исследования в зонах Кыргызстана с различным ландшафтом и климатом было установлено, что закономерность связи единства объектов архитектуры и окружающей среды подчинена воздействию природным условиям. Главной проблемой горных районов Кыргызстана в традиционной архитектуре всегда являлась необходимость нейтрализации неблагоприятных погодных воздействий, создание оптимальных условий жизнедеятельности, в первую очередь, прибегая к доступным средствам архитектурной композиции, активному использованию благоприятных природных особенностей с целью повышения комфортных качеств жилищно-гражданских объектов.

Методы адаптации планировочных приемов в традиционной архитектуре к разнообразным климатическим режимам, выработанные народными зодчими, требуют со стороны проектировщиков более внимательного к себе отношения при решении конструктивно-планировочных задач, адаптации структуры жилой застройки Кыргызстана в зонах с различными ландшафтно-климатическими условиями.

Формообразующим элементом для определения типа планировочной структуры объектов жилищно-гражданского назначения в условиях горного Кыргызстана служит крутизна склона, проявляющаяся в специфическом своеобразии силуэтного и объемно-пространственного строения объекта – в ступенчатости. Народные мастера активно использовали формообразующие свойства рельефа местности при организации различных объемов жилого и хозяйственно-бытового назначения. Из соображения экономии земли они “врезали” постройки в склон местности, придавая, тем самым, связь окружающего ландшафта с пространственным решением жилых образований.

Конечно, в настоящее время в условиях массового строительства трудно сохранить ландшафт нетронутым. Основной задачей является поиск решения,

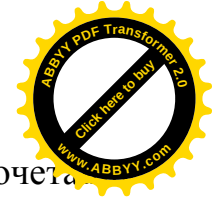
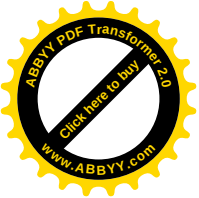

которое обеспечило бы грамотное взаимодействие ландшафтных архитектурно-строительных компонентов создаваемой среды, в которой на первый план выходит единство архитектурной среды с природой.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Помимо отсутствия в Кыргызстане углубленной теории изучения архитектурного наследия, а также слабой разработки проблем градостроительства в местности с горным рельефом, объемно-пространственного формирования жилого массива и дома в отдельности, считаем необходимым дать практические рекомендации для современного архитектурного опыта Кыргызстана – это ряд передовых традиций, стимулирующих новаторские поиски по направлению их творческого освоения:

- целесообразное использование территории, строительство поселений на непригодных землях для нужд сельского хозяйства;
- гармоничная связь естественного ландшафта с жилой застройкой, соразмерность элементам природной среды, сохранение свойственного порядка естественных образований;
- соподчинение рельефным условиям, формам и элементам архитектурно-пространственной структуры горных поселений;
- энергичное присоединение в общей объемно-пространственной композиции элементов природного ландшафта;
- построение каскадом двух- и трехэтажных домов, с максимальной эксплуатацией прилегающего склона под застройку жилых и хозяйственных построек, заглубленных в грунт;
- формирование террасной застройки на склонах с различной крутизной и экспозицией, применение принципов компактности;
- своеобразие архитектурных черт каждого жилого образования, при базовой схожести планировочного решения традиционной архитектуры,

которое достигается путем разнообразия пропорций и их вариантами сочетания объемов;

- истинное отражение во внешнем облике объектов жилищно-гражданского назначения устройства его внутреннего пространства. Структура построения фасадов и архитектурных объемов должно соответствовать характеру и назначению помещений;

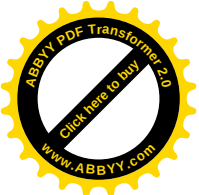
- цельность планировки жилых образований, в которых четко продуманны функциональные взаимосвязи между его отдельными зонами и частями, где жилые, общественные и хозяйственные постройки естественно образуют полноценный архитектурный ансамбль;

- дифференцирование летних помещений – функциональных и композиционных элементов архитектурных объектов в горных и предгорных районах в зависимости от локальных особенностей климата;

- широкое использование повышающих эстетическую выразительность жилой среды фактур и богатых пластических свойств местных строительных материалов (дерево, глина, камень и др.), художественно-декоративная обработка элементов конструкций жилища (ставень, подбалок, колонны и др.).

Ряд рекомендации, данных на основе выявления прогрессивных традиций зодчества, организации гармоничной архитектурно-художественной и градостроительной жилой среды в специфических природно-климатических условиях, являются одним из путей решения проблемы освоения горных территорий Кыргызстана (Лист 40, 41, 42).

Перед градостроителями, экономистами, социологами и другими специалистами Кыргызской Республики стоят большие задачи по реализации национальной программы возрождения горных кишлаков и устойчивого развития всего горного региона. В Кыргызстане горные районы имеют не только самобытную и древнюю архитектуру, но и до сих пор сохраняют специфические особенности образа жизни и хозяйствования населения. Поэтому от архитектора требуются творческое осмысление и тщательный

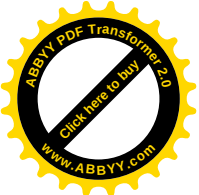

анализ, не имеющие аналогов по многим вопросам формирования инфраструктуры поселений в горных условиях республики.

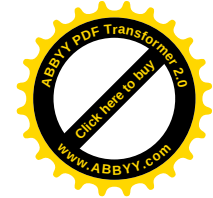
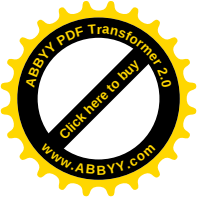
Горы не любят неточности и не прощают даже малейшей оплошности. Здесь первостепенная задача – мягкое, гуманное отношение к природе и сомасштабность с окружающей средой. Горы осторожны и осмотрительны ко всему радикальному, и связь с историей является здесь традиционной. Поэтому развитие современной архитектуры горного Кыргызстана должно рассматриваться с позиции нового отношения к проблеме традиции и новаторства.

Как отмечает известный российский ученый, исследователь исторического археологического наследия Кыргызстана, академик Ю.С. Худяков, “горные районы Кыргызстана отличаются необыкновенным своеобразием природного ландшафта и располагают незаурядными памятниками истории и архитектуры. Любое непродуманное хозяйственное освоение таких районов, направленное на получение сиюминутной выгоды, может разрушить сложившийся экологический баланс и историко-культурный ландшафт. Альтернативой промышленному освоению горных районов, отличающихся уникальной природной обстановкой в сочетании с разнообразием памятников истории и культуры, является их использование в рекреационной деятельности.

Наиболее действенной формой рекреационной деятельности является создание заповедников и музеев под открытым небом на отдельных территориях, где наблюдается наибольшая концентрация памятников. Необходимо исключить эти зоны из активной хозяйственной деятельности местного населения и ориентировать их на природоохранные, экологически чистые технологии и развитие туризма” [206] (Худяков, 2003). Наличие уникальных исторических и природных объектов предопределяет успешное развитие туризма. Совмещение отдыха познанием жизни, истории и культуры другого народа – одна из задач, которую способен решать туризм.

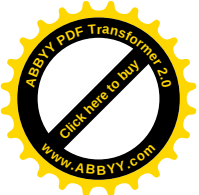

Однако возможности историко-архитектурных памятников Кыргызстана не используются в полной мере.

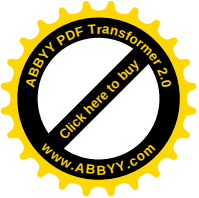

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

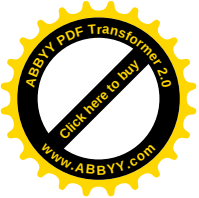
1. **Абрамзон С.М.** Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи [Текст] / С.М. Абрамзон. – Л.: Наука, 1971. – 403 с.
2. **Абрамзон С.М.** Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. Колхоз им. К.Е. Ворошилова (“Ала-Тоо”) Покровского района Иссык-Кульской области Киргизской ССР [Текст] / С.М. Абрамзон, К.И. Антипина, Г.П. Васильева, Е.И. Махова, Д. Сулайманов. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 324 с.
3. **Айдарова Г.Н.** Взаимодействие культур в архитектурно-градостроительном развитии среднего Поволжья середины XVI – начала XX века [Текст]: дис. ... на соискание ученой степени д-ра архитектуры / Г.Н. Айдарова. – М., 1997.
4. **Айдарова Г.Н.** Взаимодействие национальных культур в архитектуре Казани 1840–1910-х годах [Текст]: автореф. дис. ... канд. арх. / Г.Н. Айдарова. – М., 1986.
5. **Айдарова Г.Н.** Архитектурная культура региона. Теоретическая модель. Архитектура и культура [Текст]: сборник ВНИИТАГ / Г.Н. Айдарова. – М., 1990. – С. 27–32.
6. **Айдарова-Волкова Г.Н.** Модель-концепция архитектурной культуры региона: матрица архитектурно-градостроительных типов, традиций, влияния (на примере Республики Татарстан). Журнал: Архитектура и строительство России [Текст] / Г.Н. Айдарова-Волкова. – 2021. – № 4 (240). – М. – С. 8–13.
7. **Алехин Ю.П.** Енисейские кыргызы на Юго-Западном Алтае. Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии [Текст] / Ю.П. Алехин. – Новосибирск, 1990.
8. **Аристов Н.А.** Усуни и кыргызы или кара-кыргызы [Текст] / Н.А. Аристов. – Бишкек: Илим, 2001. – 582 с.
9. **Антипина К.И.** Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных кыргызов [Текст] / К.И. Антипина. – Фрунзе, 1962. – 177 с.

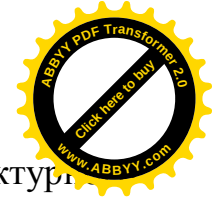
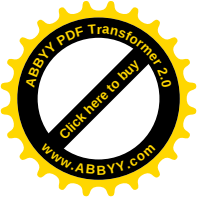
10. **Бабур Захириддин.** Бабур-наме [Текст] / Захириддин Бабур. – Ташк. Изд-во АН УзССР, 1948. – 231 с.
11. **Байпаков К.М.** Великий Шелковый путь (на территории Казахстана) [Текст] / К.М. Байпаков. – Алматы: Адамар, 2007. – С. 164–223.
12. **Байпаков К.М.** Некоторые вопросы изучения раннесредневековых городов Семиречья и Южного Казахстана [Текст] / К.М. Байпаков // Успехи среднеазиатской археологии: сб. статей, вып. IV. – Л.: Наука, 1979. – С. 7–9.
13. **Бардашев И.** Заметки о дикокаменных киргизах [Текст] / И. Бардашев // Материалы для статистики Туркестанского края: ежегодник, вып. III. – СПб., 1874. – С. 374–390.
14. **Бартольд В.В.** Киргизы. Исторический очерк [Текст] / В.В. Бартольд // Соч., Т. II Ч. 1. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – С. 471–543.
15. **Бартольд В.В.** Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893 – 1894 гг. [Текст] / В.В. Бартольд // Записки импер. Академии наук по историко-филологическому отделению. – СПб., 1897. – Т. 1. – № 4.
16. **Бартольд В.В.** Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Географический очерк Мавераннахр. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг. [Текст] / В.В. Бартольд // Соч. Т. 1. – М., 1963. – 759 с.
17. **Бартольд В.В.** Очерки истории Семиречья [Текст] / В.В. Бартольд. – М., 1963. – Т. 2, ч. 1. – 67 с.
18. **Бачинский Н.М.** Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии [Текст] / Н.М. Бачинский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 46 с.: ил.
19. **Баялиева Т.Д.** Доисламские верования и их пережитки у киргизов [Текст] / Т.Д. Баялиева. – Фрунзе: Илим, 1972. – 170 с.
20. **Бейшенбаев М.И.** Теоретическая модель проектирования современных мечетей Кыргызстана [Текст] / М.И. Бейшенбаев, З.Р. Муксинова // Вестник КРСУ. – 2022. – Т. 22. - № 2.

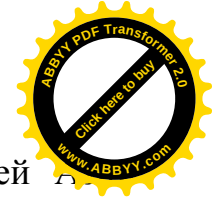
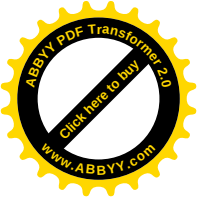
21. **Бейшенбаев М.И.** Архитектура мечетей Кыргызстана: традиции, современные тенденции [Текст]: дис. ...канд. арх. / М.И. Бейшенбаев. – Бишкек, 2015. – 167 с.
22. **Бернштам А.Н.** Архитектурные памятники Киргизии [Текст] / А.Н. Бернштам. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 146 с.: ил.
23. **Бернштам А.Н.** Сако-усуньская культура [Текст] / Бернштам А.Н // Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана; сост.: К.Ташбаева, Л. Ведутова. – Бишкек: Айбек, 1997. – Т. 1. – С. 191–206.
24. **Бернштам А.Н.** История киргиз и Киргизстана с древнейших времен до монгольского завоевания [Текст] / А.Н. Бернштам // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – М., Л., 1947. Вып. XVI. – С. 176.
25. **Бичурин Н.Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена [Текст] / Н.Я. Бичурин. – Т. 1–3. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1953 гг.
26. **Бретаницкий Л.С.** Проблемы типологизации архитектурного наследия Переднего Востока [Текст] / Л.С. Бретаницкий // Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен: Тез. Докл. III Всесоюзн. конф. – М., 1979. – С. 23.
27. **Брыкина Г.А.** Карабулак [Текст] / Г.А. Брыкина. – М.: Наука, 1974. – 128 с.: ил.
28. **Булатов М.С.** Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX–XV вв. [Текст] / М.С. Булатов. Изд. 2-е. – М.: Наука, 1988. – 361 с.: ил.
29. **Булатова В.А.** Памятники зодчества Ташкента XIV–XIX веков [Текст] / В.А. Булатова, Л.Ю. Маньковская. – Ташкент: Изд-во литер. и искусств., 1983. – 143 с.: ил.
30. **Бутанаев В.Я.** История енисейских киргизов [Текст] / В.Я. Бутанаев, Ю.С. Худяков. – Абакан: ХГУ им. Н.Ф. Хатанова, 2000. – С. 272.
31. **Вайнштейн С.И.** Мир кочевников Центра Азии [Текст] / С.И. Вайнштейн. – М.: Наука, 1991. – 296 с.

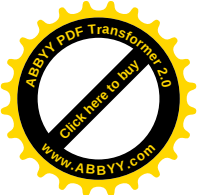
32. **Валиханов Ч.** Записки и киргизах [Текст] / Ч. Валиханов // Собр. соч. т. – Алма-Ата, 1985. – Т. 2. – С. 7–81.
33. **Валиханов Ч.** Записки о Кокандском ханстве [Текст] / Ч. Валиханов // Собр. соч.: в 5 т. – Алма-Ата, 1985. – Т. 3. – С. 314–324.
34. **Валиханов Ч.** [Текст] / Ч. Валиханов // Собр. соч.: В 5 т. – Алма-Ата, 1985. – Т. 1–5.
35. **Валиханов Ч.** Очерки Джунгарии [Текст] / Ч. Валиханов // Собр. соч.: в 5 т. – Алма-Ата, 1984. – Т. 3. – С. 325–354.
36. **Валиханов Ч.** Следы шаманства у киргизов [Текст] / Ч. Валиханов // Собр. соч.: в 5 т. – Алма-Ата, 1985. – Т. 4. – С. 48–70.
37. **Вамбери А.** Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Туркестана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году Арминием Вамбери, членом Венгерской Академии с картою Средней Азии [Текст] / А. Вамбери; пер. с англ. – СПб., 1865. – 180 с.
38. **Ведутова Л.М.** Новый буддийский храм на городище Ак-Бешим [Текст] / Л.М. Ведутова // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): материалы Международной конференции. К 100-летию отечественной академической археологии, 2019. – С. 186–188.
39. **Ведутова Л.М.** Парадигма раннесредневековой тюркской культуры: городище Ак-Бешим [Текст] / Л.М. Ведутова, Ш. Куримото. – Бишкек.: Алтын Тамга, 2014. – 164 с.
40. **Вельяминов-Зернов В.В.** Сведения о Кокандском ханстве [Текст] / В.В. Вельяминов-Зернов // Вестник РГО. – 1856. – Ч. 18. – Отд. II. – С. 107–152.
41. **Воличенко О.В.** Интеграция культур в зодчестве Кыргызстана [Текст] / О.В. Воличенко, З.Р. Муксинова. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2022.

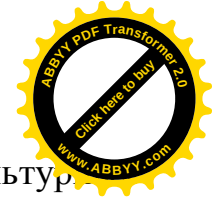
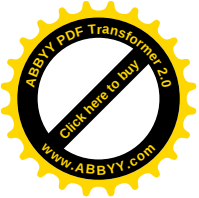
42. **Воличенко О.В.** Взаимодействие культур в развитии архитектуры наследия Кыргызстана [Текст] / О.В. Воличенко, З.Р. Муксинова // Вестник КРСУ, 2019. – Т. 19. – № 6. – С. 11–14.
43. **Воличенко О.В.** Ценностный потенциал культурно-религиозных традиций Кыргызстана [Текст] / О.В. Воличенко, З.Р. Муксинова // Материалы Первого Международного алтаистического форума “Тюркомонгольский мир большого Алтая: историко-культурное наследие и современность”. Барнаул – Горно-Алтайск, 12–14 сентября 2019. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. – С. 160–163.
44. **Воличенко О.В.** Особенности пространственно-тектонической структуры средневековой архитектуры Киргизии. Традиции и инновации в строительстве и архитектуре [Текст] / О.В. Воличенко, З.Р. Муксинова // Сборник статей 78 Всероссийской научно-технической конференции. – Самара, 2021. – С. 434–443.
45. **Воличенко О.В.** Архитектура дворцов Центральной Азии (генезис, эволюция, типология) [Текст] / О.В. Воличенко, К.А. Алмаганбетова. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2020. – 154 с.
46. **Воличенко О.В.** Архитектурно-художественные достижения Караханидской эпохи [Текст] / О.В. Воличенко // Вестник КРСУ. – 2018. – Т. 18. – № 4. – С. 89–94.
47. **Воличенко О.В.** Памятники архитектуры в системе туристической инфраструктуры Кыргызстана [Текст] / О.В. Воличенко. – Бишкек, 2006. – 146 с.
48. **Воличенко О.В.** Построение объемно-пространственной формы храмов городища Ак-Бешим [Текст] / О.В. Воличенко, Д.Д. Омуралиев // Вопросы истории Кыргызстана. – Бишкек, 2012. – № 4. – С. 169–180.
49. **Воронина В.Л.** Заметки по народному зодчеству таджиков бассейна Зеравшана [Текст] / В.Л. Воронина // СЭ. – 1953. – № 3. – С. 176–188: ил.

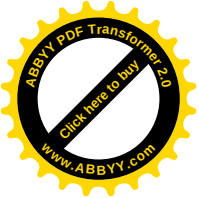
50. **Воронина В.Л.** Формы и детали деревянного ордера Средней Азии [Текст] / В.Л. Воронина // Вопросы теории архитектурной композиции, вып. 3. – М., 1958. – С. 82–97: ил.
51. **Воронина В.Л.** Народная архитектура Северного Таджикистана [Текст] / В.Л. Воронина. – М.: Госстройиздат, 1959. – 100 с.: ил.
52. **Воронина В.Л.** Архитектура Средней Азии VI–VIII вв. [Текст] / В.Л. Воронина // Всеобщая история архитектуры: в 12 т. Изд-во литературы по строительству, 1969. – Т. 8. – С. 183–197.
53. **Воронина В.Л.** Строительные методы зодчих Ферганской долины (XVI–XIX вв.) [Текст] / В.Л. Воронина // АН. – 1974. – № 22. – С. 97–107: ил.
54. **Воронина В.Л.** К истокам строительной техники [Текст] / В.Л. Воронина // Проблемы истории архитектуры народов СССР: сб. научн. тр. – № 2. – М.: ЦНИИПГрада, 1975. – С. 41–51: ил.
55. **Воронина В.Л.** Своеобразие в архитектуре жилища горного Бадахшана [Текст] / В.Л. Воронина // АН. – 1975. – № 23. – С. 159–166: ил.
56. **Воронина В.Л.** Колонны в народной архитектуре Узбекистана [Текст] / В.Л. Воронина // Проблемы истории архитектуры народов СССР: сб. научн. тр. – № 3. – М.: ЦНИИПГрада, 1976. – С. 28–42: ил.
57. **Воронина В.Л.** Конструкции и художественный образ в архитектуре Востока [Текст] / В.Л. Воронина. – М.: Стройиздат, 1977. – 160 с.: ил.
58. **Воронина В.Л.** Особенности сводчатых конструкций в архитектуре Средней Азии [Текст] / В.Л. Воронина // Национальное своеобразие зодчества народов СССР: сб. научн. тр. – М.: ЦНИИПГрада, 1979. – С. 73–88: ил.
59. **Воронина В.Л.** Архитектурный орнамент Средней Азии: к вопросу о классификации [Текст] / В.Л. Воронина // АН. – 1980. – № 28. – С. 183–193: ил.
60. **Воронина В.Л.** Жилище народов Средней Азии и климат [Текст] / В.Л. Воронина // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1982. – С. 48–69: ил.

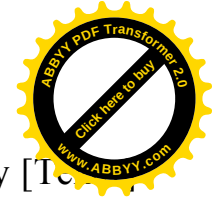
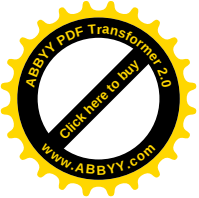
61. **Воронина В.Л.** Климат и жилище Средней Азии [Текст] / В.Л. Воронина // АН. – 1982. – № 30. – С. 120–132: ил.
62. **Галицкий В.Я.** К изучению Таш-Рабата [Текст] / В.Я. Галицкий, В.М. Плоских // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. – Фрунзе, 1982.
63. **Галицкий В.Я.** Старинный Ош. Очерк Истории [Текст] / В.Я. Галицкий, В.М. Плоских. – Фрунзе: Илим, 1987. – 176 с.
64. **Гинзбург В.В.** Кишлаки восточных районов Таджикской ССР и жилище горных таджиков [Текст] / В.В. Гинзбург // СЭ. – 1936. – № 3. – С. 59–76: ил.
65. **Глаудинов Б.** История архитектуры Казахстана [Текст] / Б. Глаудинов. – Алматы: КазГАСА, 1999. – 259 с.: ил. 182.
66. **Гольштейн А.Ф.** Своеобразные типы планировок дагестанского жилища [Текст] / А.Ф. Гольштейн // АН. – 1975. – № 23. – С. 127–135: ил.
67. **Гольштейн А.Ф.** Планировка и фортификация горных селений Чечено-Ингушетии и Северной Осетии XV–XVIII вв. [Текст] / А.Ф. Гольштейн // АН. – 1976. – № 25. – С. 94–104: ил.
68. **Горячева В.Д.** Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии (Бурана, Узген, Сафид-Булан) [Текст] / В.Д. Горячева. – Фрунзе: Илим, 1983. – 144 с.
69. **Горячева В.Д.** Христианские памятники Кыргызстана [Текст] / В.Д. Горячева, С.Я. Перегудова // К истории христианства в Средней Азии (XIX–XX вв.). – Ташкент, 1998.
70. **Горячева В.Д.** Укрепление Улуг-Коргон [Текст] / В.Д. Горячева, В.М. Плоских // Кетмень-Тюбе. Археология, история. – Фрунзе: Илим, 1977. – С. 45–52.
71. **Грумм-Гржимайло Г.Е.** Реферат [Текст] / Г.Е. Грумм-Гржимайло // Известия государственного географического общества. – Л., 1934. – Т. 66. – Вып. 1. – С. 180.

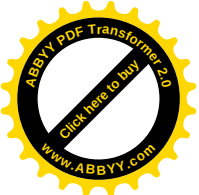
72. **Дашковский П.К.** Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии [Текст] / П.К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. – 224 с.: ил.
73. **Дараган А.С.** Этапы формирования христианской архитектуры на территории Кыргызстана [Текст] / А.С. Дараган // Архитектура, дизайн и строительство в условиях высокогорья: труды межд. научн.-практ. конф. – Бишкек: КРСУ, 2012. – Т. 10. – № 2. – С. 27–35.
74. **Денике Б.П.** Архитектурный орнамент Средней Азии [Текст] / Б.П. Денике. – М.; Л.: Изд-во Всесоюзн. акад. Архит., 1939. – 228 с.
75. **Джусаев К.** Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана [Текст] / К. Джусаев, А. Мокеев, Д. Сапаралиев. – Бишкек, 2003. – 258 с.
76. **Диков Н.Н.** К вопросу о принципах диалектической периодизации истории культуры [Текст] / Н.Н. Диков // Советская культура: 70 лет развития. – М.: Наука, 1987. – 398 с.
77. **Ерасов В.С.** Выбор России в евразийском пространстве [Текст] / В.С. Ерасов // Цивилизации и культуры. Вып. 1. – М., 1994. – С. 39–60.
78. **Ефремов Ф.** Десятилетнее странствие [Текст] / Ф. Ефремов. – М., 1950.
79. **Жукова Л.И.** Из истории древних культов Средней Азии: христианство [Текст] / Л.И. Жукова. – Ташкент, 1994. – С. 120.
80. **Заднепровский Ю.А.** Ошское поселение в истории Ферганы в эпоху поздней бронзы [Текст] / Ю.А. Заднепровский. – Б., 1997. – С. 18–41. – С. 112.
81. **Засыпкин Б.Н.** Архитектурные памятники Средней Азии. Проблемы исследования и реставрации [Текст] / Б.Н. Засыпкин // Вопросы реставрации. – М., 1928. – Т. II. – С. 207–283: ил.
82. **Зяблин Л.П.** Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища [Текст] / Л.П. Зяблин // Акад. наук КиргССР. Ин-т истории. – Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1961. – 74 с.
83. **Иванов А.** Каракол. Архитектурное и градостроительное наследие [Текст] / А. Иванов. – Бишкек, 2004. – 56 с.

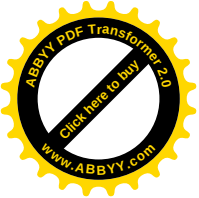
84. **Иманкулов Д.Д.** Мавзолей Шах-Фазиля – выдающийся памятник раннеисламской архитектуры Кыргызстана [Текст] / Д.Д. Иманкулов. – Бишкек, 2002. – 40 с.
85. **Иманкулов Д.Д.** Архитектура и градостроительство российских переселенцев на территории Кыргызстана (середина XIX – начало XX в.) [Текст] / Д.Д. Иманкулов, М.Ж. Турдалиев. – Бишкек, 2013. – 176 с.: ил.
86. **Иманкулов Д.Д.** Монументальная архитектура юга Кыргызстана XI–XX в. [Текст] / Д.Д. Иманкулов. – Бишкек, 2005. – 228 с.
87. **Иманкулов Ж.** Архитектура Туркестана эпохи Караханидов [Текст] / Ж. Иманкулов, К. Конокбаев. – Анкара, 2014. – 346 с.
88. **Иманкулов Д.Д.** Архитектурно-градостроительное наследие Кыргызстана (Реставрация. Реконструкции и сохранение): монография [Текст]: / Д.Д. Иманкулов. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2021. – 318 с.
89. **Кадыров В.** Искусство кочевников Кыргызстана [Текст] / В. Кадыров. – Бишкек: Раритет, 2005.
90. **Каракузова Ж.К.** Космос казахской культуры [Текст] / Ж.К. Каракузова, М.Ш. Хасанов. – Алматы: Евразия, 1993. – 78 с.
91. **Караев О.** Арабские и персидские источники XI–XII веков о киргизах и Киргизии [Текст] / О. Караев. – Фрунзе, 1968. – С. 30–93.
92. **Карякин Е.О.** планировка русских поселений восточной части Иссык-Кульской области в середине XIX – начале XX века; труды международной научно-практической конференции [Текст] / Е.О. Карякин. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015. – С. 13–19.: ил.
93. **Кастанье Н.А.** Надгробные сооружения киргизских степей [Текст] / Н.А. Кастанье // Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии. – Оренбург, 1911. – 103 с. – VIII стр., 28, табл.
94. **Керим Ш.** Ислам в современном Казахстане [Текст] / Ш. Керим, А. Альмухометов // Россия и мусульманский мир – № 2 (248). – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2013. – С. 64–70.

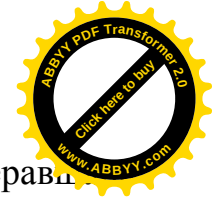
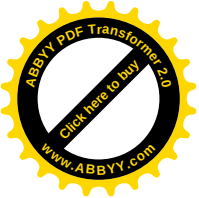
95. **Кисляков Н.А.** Жилище горных таджиков бассейна реки Хингоу [Текст] / Н.А. Кисляков // СЭ. – М., 1939. – № 2. – С. 149–170.
96. **Кисляков Н.А.** Следы первобытнообщинного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло [Текст] / Н.А. Кисляков. – М.; Л.: АН ССР, 1936. – С. 115–120.
97. **Кляшторный С.Г.** Степные империи Древней Евразии [Текст] / С.Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов. – СПб., 2005. – 346 с.
98. **Колпаковский Г.А.** О древних постройках, найденных в озере Иссык-Куль [Текст] / Г.А. Колпаковский // Изв. РГО. – 1870. – Т. IV. – С. 101–105.
99. **Кожемяко П.Н.** Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины [Текст] / П.Н. Кожемяко // Тр. ИИ АН КиргССР. – Фрунзе, 1959.
100. **Краснов И.А.** Азиатская Россия [Текст] / И.А. Краснов. – М., 1903.
101. **Кузеев Р.Г.** Очерки исторической этнографии башкир. Ч. I. Родоплеменные организации башкир в XVII–XVIII вв. [Текст] / Р.Г. Кузеев. – Уфа, 1957.
102. **Крюкова Е.Р.** Маршрутами Великого Шелкового пути (Ферганская долина) [Текст] / Е.Р. Крюкова // АСУ. – 1999. – № 10. – С. 35–38: ил.
103. **Кызласов Л.Р.** Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. [Текст] / Л.Р. Кызласов // ТКАЭЭ. Т. II. – М., 1959.
104. **Кызласов Л.Р.** О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня [Текст] / Л.Р. Кызласов // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. – Фрунзе, 1959. Т. III. – С. 104–116.
105. **Лавров В.А.** Градостроительная культура Средней Азии (с древнейших времен до второй половины XIX века) [Текст] / В.А. Лавров – М.: Госиздат архитектуры и градостроительства, 1950. – 178 с.
106. **Лучкова В.И.** История китайского города. Градостроительство, архитектура, садово-парковое искусство: монография [Текст] / В.И. Лучкова. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2011. – 442 с.

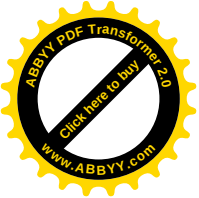
107. **Лыкошин Н.С.** Очерки археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии [Текст] / Н.С. Лыкошин // ПТКЛА, Ч. 1. – Ташкент, 1896.
108. **Любимова Г.Н.** Народная архитектура Южного Дагестана. Табасаранская архитектура [Текст] / Г.Н. Любимова, С.О. Хан-Магомедов. – М., 1956.
109. **Макшеев А.И.** “Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае” (1869 г.) [Текст] / А.И. Макшеев // Известия РГО по отделению статистики. – Т. II. – СПб., 1871. – С. 25.
110. **Мальчик А.Ю.** Роль орнамента в формировании архитектуры Кыргызстана (генезис, эволюция, национальные традиции) [Текст] / А.Ю. Мальчик. – Бишкек: Раритет Инфо, 2010. – 148 с.
111. **Мамаджанова С.М.** Традиции и современность в архитектуре Таджикистана (на примере Душанбе) [Текст] / С.М. Мамаджанова. – Душанбе, 1993. – С. 368.
112. **Мамадназаров М.Х.** Тектонические особенности памирского жилого дома [Текст] / М.Х. Мамадназаров // Архитектура: сб. научн. тр. ЛИСИ. – Л., 1976. – № 109. – С. 23–27.
113. **Мамадназаров М.Х.** Архитектура народного жилища Западного Памира и его современная модификация [Текст]: автореф. дис. ...канд. архит. / М.Х. Мамадназаров. – Л., 1977. – 23 с.
114. **Мамадназаров М.Х.** Традиционное жилище Западного Памира [Текст] / М.Х. Мамадназаров // АН. – 1978. – № 26. – С. 146–152: ил.
115. **Мамадназаров М.Х.** Народная архитектура Западного Памира [Текст] / М.Х. Мамадназаров. – Душанбе: Знание, 1980. – 20 с.
116. **Мамадназаров М.Х.** Конструктивные и функциональные особенности Горно-Бадахшанского ступенчатого потолка чорхона. Памироведение [Текст] / М.Х. Мамадназаров, Я. Якубов. – Душанбе: Дониш, 1985. – Вып. 2. – С. 188–202.

117. **Маньковская Л.Ю.** Типологические основы зодчества Средней Азии – начало XX в.) [Текст] / Л.Ю. Маньковская. – Ташкент: Фан, 1980. – 183 с.: ил.
118. **Маразыков Н.К.** Основные типы усадеб Южного Кыргызстана (по материалам полевых исследований 2005–2010 гг.) [Текст] / Н.К. Маразыков. – Известия вузов. – 2011. – № 1. – С. 202–207.
119. **Миллер Г.Ф.** Описание Сибирского царства и всех произошедших в нем дел от начала, а особливо о покорения его Российской державе по сии времена [Текст] / Г.Ф. Миллер. – СПб., 1750. – Кн.1. – С. 12–19.
120. **Мокрынин В.П.** Иссык-Куль: затонувшие города [Текст] / В.П. Мокрынин, В.М. Плоских. – Фрунзе, 1988.
121. **Мукимов Р.С.** Зодчество Северного Таджикистана V – начала XX в. (генезис, эволюция, взаимовлияния и типологические особенности) [Текст] / Р.С. Мукимов. – Душанбе: ООО “Контраст”, 2019. – 368 с., 60 табл.
122. **Мукимов Р.С.** Своеобразие архитектуры традиционного таджикского жилища в горных селениях Верхнего Зеравшана [Текст] / Р.С. Мукимов // СЭ. – 1979. – № 3. – С. 106–113: ил.
123. **Мукимов Р.С.** Традиции народного жилища в архитектуре современного села Таджикистана [Текст] / Р.С. Мукимов // ЖС. – 1979. – № 9. – С. 6.
124. **Мукимов Р.С.** Народная архитектура Верхнего Зеравшана (XIX – начало XX в.) [Текст]: дис. ...канд. архит. / Р.С. Мукимов. – М., 1980. – 138 с.: ил.
125. **Мукимов Р.С.** Деревянный ордер в зодчестве Северного Таджикистана (на примере Верхнего Зеравшана) [Текст] / Р.С. Мукимов // Тез. докл. РНК (секция общ. наук). – Душанбе: Дониш, 1982. – 25 с.
126. **Мукимов Р.С.** Некоторые вопросы освоения традиций таджикского зодчества в архитектуре современного села [Текст] / Р.С. Мукимов // Тез. докл. РНК (секция общ. наук). – Душанбе: Дониш, 1982. – 25 с.
127. **Мукимов Р.С.** Композиционно-планировочные особенности сельских поселений Северного Таджикистана [Текст] / Р.С. Мукимов // АН. – 1990. – № 37. – С. 95–105: ил.

128. **Мукимов Р.С.** Народная архитектура жилища Верхнего Зеравшана [Текст] / Р.С. Мукимов, С.М. Мамаджанова // Материалы VIII РНК (секция техн. наук). – Душанбе: Дониш, 1976. – С. 84–86.
129. **Мукимов Р.С.** Зодчество Таджикистана [Текст] / Р.С. Мукимов, С.М. Мамаджанова. – Душанбе: Маориф, 1990 – 175 с.: ил.
130. **Мукимов Р.С.** Градостроительство горного Таджикистана: традиции и современные проблемы [Текст] / Р.С. Мукимов, С.М. Мамаджанова, М.У. Шерматов. – Душанбе: Мерос, 1997. – 132 с.: ил.
131. **Муксинов Р.М.** Зодчество Кыргызстана (история архитектуры и строительного дела) [Текст] / Р.М. Муксинов, Р.Д. Муксинова. – Бишкек: Раритет Инфо, 2011. – 178 с.
132. **Муксинов Р.М.** Новь сельской архитектуры [Текст] / Р.М. Муксинов, Д. Ырыскулов. – Фрунзе: Кыргызстан, 1980. – 96 с.
133. **Муксинов Р.М.** Архитектура Кыргызстана XVII – начала XX в. [Текст]: дис. ...д-ра архитектуры / Р.М. Муксинов. – М.: НИИТАГ, 1995. – 38 с.
134. **Муксинов Р.М.** Народная архитектура Кыргызстана [Текст] / Р.М. Муксинов. – Бишкек: Абсолют, 2000. – 240 с.: ил.
135. **Муксинов Р.М.** Эстетические проблемы современной архитектуры сельского жилища Киргизии [Текст] / Р.М. Муксинов // Проблемы градостроительства и архитектуры Киргизии. – Фрунзе, 1984. – С. 42–47.
136. **Муксинов Р.М.** Мемориальное зодчество Кыргызстана XVIII – начала XX в. [Текст] / Р.М. Муксинов, Н.Г. Султанова. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2009. – 183 с.
137. **Муксинов Р.М.** Архитектура мечетей Кыргызстана (традиции и современность) [Текст] / Р.М. Муксинов, М.И. Бейшенбаев. – Бишкек: КРСУ, 2015.
138. **Муксинова Р.Д.** Архитектура народного жилища Кыргызстана XIX – начала XX в. (традиции, типология, региональные особенности) [Текст]: дис.

...канд. архит. / Р.Д. Муксинова // Каз. головная архит.-строит. академия
КазГАСА. – Алматы, 2002. – 24 с.

139. **Муксинова Р.Д.** Этногенетические особенности населения Кыргызстана [Текст] / Р.Д. Муксинова, Д.С. Садыгалиева // Архитектура, градостроительство и дизайн в странах Центральной Азии на рубеже тысячелетий: Тр. междунар. научно-практ. конф. 21–24 апреля 2009 г., г. Бишкек. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2009. – С. 77–83.

140. **Муксинова Р.Д.** Архитектура индивидуальных жилых зданий на примере Кыргызстана [Текст] / Р.Д. Муксинова, Д.С. Садыгалиева // Архитектура и градостроительство стран Центральной Азии в новом тысячелетии: Тр. междунар. научно-практ. конф. 20–23 апреля 2010 г., г. Бишкек. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2010. – С. 52–58.

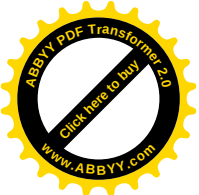
141. **Муксинова Р.Д.** Архитектурно-планировочные и объемно-пространственные особенности формирования традиционного жилища горного Кыргызстана [Текст] / Р.Д. Муксинова, Д.С. Садыгалиева // Вестник КРСУ. – 2011. – Т. 11. – № 9. – С. 20–24.

142. **Муксинов Р.М.** Архитектура жилища горного Кыргызстана (традиции и современность) [Текст] / Р.М. Муксинов, Д.С. Садыгалиева. – Бишкек, 2014. – 128 с.: ил.

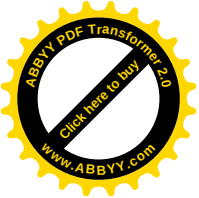
143. **Муксинова Р.Д.** О формировании традиционных элементов архитектуры народного жилища Кыргызстана [Текст] / Р.Д. Муксинова, Ю.Н. Смирнов // Проблемы архитектуры и строительства Кыргызстана // Вестник КРСУ. – 2005. – Т. 5. – № 3 – С. 32–37.

144. **Муксинова З.Р.** Роль русского населения в формировании зодчества Кыргызстана [Текст] / З.Р. Муксинова // Вестник КРСУ. – 2020. – Т. 20. – № 12. – С. 178–181.

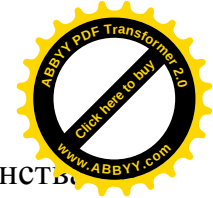
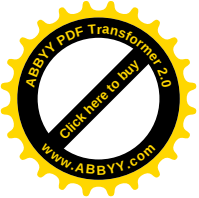
145. **Муксинова Р.Д.** Взаимодействие традиций в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии [Текст] / Р.Д. Муксинова, З.Р. Муксинова // Вестник КРСУ. – 2021. – Т. 21. – № 10. – С. 44–48.

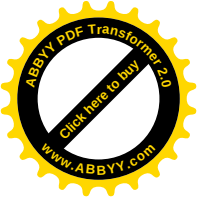
146. **Муксинова Р.Д.** Исторические особенности развития этнокультур взаимодействия кыргызов [Текст] / Р.Д. Муксинова, З.Р. Муксинова // Вестник КРСУ. – 2020. – Т. 20. – № 6.- С. 26 – 29.
147. **Муксинова Р.Д.** Генезис и развитие поселений Кыргызстана [Текст] / Р.Д. Муксинова, З.Р. Муксинова // Вестник КРСУ. – 2022. – Т. 22. – № 4. – С. 43–50
148. **Муксинова Р.Д.** Истоки и развитие архитектуры жилища Кыргызстана [Текст] / Р.Д. Муксинова, З.Р. Муксинова // Вестник КРСУ. – 2022. – Т. 22. – № 4.
149. **Муксинова Р.Д.** К вопросу о преемственности традиций между Енисейскими и Тянь-Шанскими кыргызами [Текст] / Р.Д. Муксинова, З.Р. Муксинова // Материалы ежегодной вузовской научно-практической конференции. – Бишкек, 2021. – С. 73–76.
150. **Муксинова З.Р.** Роль Великого Шелкового пути в формировании архитектуры Кыргызстана [Текст] / З.Р. Муксинова, Я.В. Бровко // Материалы вузовской научно-технической конференции КРСУ. – Бишкек, 2021. – С. 27–28.
151. **Муксинова З.Р.** Развитие архитектуры Кыргызстана на Великом Шелковом пути. Традиции и инновации в строительстве и архитектуре [Текст] / З.Р. Муксинова, Я.В. Бровко // Сборник статей 78-й Всероссийской научно-технической конференции. – Самара, 2021. – С. 418–423.
152. **Муксинова З.Р.** Модель развития архитектурно-градостроительной культуры Кыргызстана [Текст] / З.Р. Муксинова // Актуальные проблемы архитектуры, дизайна и строительства: Материалы международной научно-практической конференции, 25 апреля 2022. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2022. – С. 48-54.
153. **Муксинова Р.Д.** Традиции строительной культуры в архитектуре народного жилища Кыргызстана [Текст] / Р.Д. Муксинова // Вестник КРСУ. - 2010. -Т. 10. - № 2. – С. 23–25.

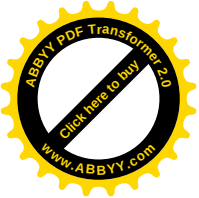
154. **Мурсалимов Р.В.** Синергетический эффект как психологическая проблема [Текст] / Р.В. Мурсалимов // Национальная жизнь и межнациональное взаимодействие. – Казань, 1993. – С. 165–168.
155. **Назилов Д.А.** Некоторые особенности жилищ горных сел Нураты [Текст] / Д.А. Назилов // АСУ. – 1984. – № 6. – С. 23–26.
156. **Назилов Д.А.** Архитектура горных районов Средней Азии [Текст] / Д.А. Назилов. – Ташкент: Изд-во ТашГТУ, 1999. – 232 с.: ил.
157. **Наливкин В.П.** Киргизы Наманганского уезда [Текст] / В.П. Наливкин // ТВ. – 1881. – № 20.
158. **Насирдинова А.М.** Архитектура культовых сооружений кочевого мира (семиотический подход) [Текст]: автореф. дис. ...канд. архитектуры / А.М. Насирдинова. – Бишкек, 2004. – 27 с.
159. **Неаполитанский С.М.** Сакральная геометрия [Текст] / С.М. Неаполитанский. – СПб., 2004. – 632 с.
160. **Нусов В.** Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней [Текст] / В. Нусов. – Фрунзе: Кыргызстан, 1971. – 152 с.
161. **Озмитель Е.Е.** Православные храмы Киргизии (XIX–XXI вв.) [Текст] / Е.Е. Озмитель. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2010. – 200 с.
162. **Омуралиев Д.Д.** Парадигма архитектурного пространства (эволюция архитектуры Кыргызстана) [Текст] / Д.Д. Омуралиев. – Бишкек: Алабакан Кеп, 2007. – 336 с.
163. **Омуралиев Д.Д.** Построение объемно-пространственной формы храмов городища Ак-Бешим [Текст] / Д.Д. Омуралиев, О.В. Воличенко // Вопросы истории Кыргызстана. – 2012. – № 4. – С. 169–180.
164. **Омуралиев Д.Д.** Методология и методика архитектурного анализа [Текст] / Омуралиев Д.Д. – Бишкек: Алабакан, 2005.
165. **Омуралиев Д.Д.** Древняя архитектура Центральной Азии [Текст] / Д.Д. Омуралиев, О.В. Воличенко. – Бишкек: Изд-во “Абакан-кеп”, 2009. – 154 с.: ил.

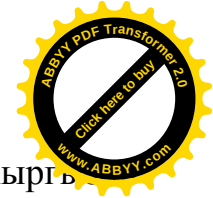
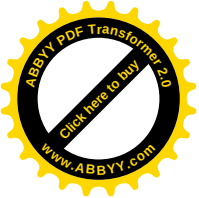
166. **Омуралиев Д.Д.** Эволюция концепции формы и пространства архитектуры Кыргызстана [Текст]: автореф. дис. ... д-ра архитектуры / Д.Д. Омуралиев. – Бишкек: Кырг. госуд. ун-т стр-ва, трансп. и архитектуры, 2004. – 40 с.
167. **Омуралиев Д.Д.** Современная этноархитектура Кыргызстана (истоки, объекты, тенденции) [Текст] / Д.Д. Омуралиев, К. Курманалиев. – Бишкек, Кырг. гос. ун-т стр-ва, трансп. и архитектуры, 2003. – 180 с.
168. **Петров Е.И.** Очерк происхождения киргизского народа [Текст] / Е.И. Петров. – Фрунзе, 1963. – С. 47–95, 130–145.
169. **Полуй Б.М.** Архитектура и градостроительство в суровом климате [Текст] / Б.М. Полуй. – Л.: Стройиздат, 1989. – С. 300.
170. **Полосьмак Н.В.** Очерки семантики культурного искусства [Текст] / Н.В. Полосьмак, Е.В. Шумакова. – Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1991. – 90 с.
171. **Поярков Ф.П.** Из области киргизских верований [Текст] / Ф.П. Поярков // Этнографическое обозрение, 1891, – Кн. IX. – №4. – С. 21–43.
172. **Плоских В.М.** Фортификационные сооружения на территории Киргизии первой половины XIX в. [Текст] / В.М. Плоских, В.Я. Галицкий // Памятники Киргизстана. Вып. 2. – Фрунзе, 1974. – С. 23–30.
173. **Прохорова Н.А.** История развития архитектуры Кыргызстана (конец XIX – начало XXI в.) [Текст]: дис. ...д-ра ист. наук / Н.А. Прохорова. – Бишкек, 2014. – 411 с.
174. **Прохорова Н.А.** Истоки и традиции в архитектуре Кыргызстана (конец XIX – первая половина XX в.) [Текст] / Н.А. Прохорова. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2013. – С. 274.
175. **Прохорова Н.А.** История развития промышленной архитектуры Кыргызстана (XIX–XX вв.) [Текст] / Н.А. Прохорова. – Бишкек: Илим, 2006.

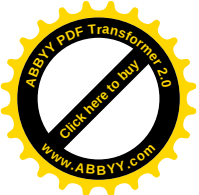
176. **Пугаченкова Г.А.** История искусств Узбекистана с древнейших времён до середины девятнадцатого века [Текст] / Г.А. Пугаченкова, Л.И. Ремпель. – М.: Искусство, 1965. – 688 с.: ил.
177. **Пугаченкова Г.А.** Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье [Текст] / Г.А. Пугаченкова, Л.И. Ремпель. – М.: Искусство, 1982. – 288 с.: ил.
178. **Радлов В.В.** Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии [Текст] / В.В. Радлов. – Иркутск, 1929. – С. 20.
179. **Ремпель Л.И.** Народная архитектура предгорной зоны юга Узбекистана [Текст] / Л.И. Ремпель // ИЗУ. – 1969. – № 4. – С. 156–191.
180. **Рихтгофен Ф.** Китай. Результаты собственных путешествий; в 5 т. [Текст] / Ф. Рихтгофен. – 1877–1911 гг.
181. **Садыгалиева Д.С.** Роль традиции в развитии архитектуры жилища [Текст] / Д.С. Садыгалиева // Обустройство и ремонт. – Бишкек, декабрь 2010. – № 77. – С. 14–17.
182. **Садыгалиева Д.С.** Практика жилищного строительства на территориях со сложным рельефом в горных республиках [Текст] / Д.С. Садыгалиева, Р.М. Муксинов // Диалог Цивилизаций. Культурно-цивилизационные мосты истории и современность. Тр. Института мировой культуры. – Бишкек, 2011. – № 13. – С. 158–161.
183. **Садыгалиева Д.С.** Современные проблемы формирования поселений горного Кыргызстана [Текст] / Д.С. Садыгалиева // Наука и новые технологии. – Бишкек, 2011. – № 5. – С. 36–40.
184. **Садыгалиева Д.С.** Формирование архитектуры жилища в условиях горного Кыргызстана (традиции и современные проблемы) [Текст]: дис. ... канд. архитектуры / Д.С. Садыгалиева. – Бишкек, 2014. – 192 с.; с. 12–132: ил.
185. **Сазонова И.В.** К этнографии узбеков Южного Хорезма [Текст] / И.В. Сазонова // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. – М., 1952. – Т. I.

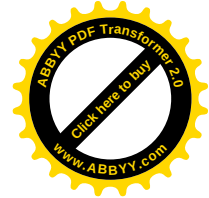
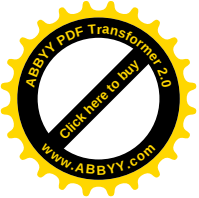
186. **Северцов Н.А.** О русских поселениях к югу и западу от Иссык-Куля [Текст] / Н.А. Северцов // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. – СПб., 1876. – Вып. IV.
187. **Семенов Г.Л.** Раскопки Ак-Бешима в 1997 г. [Текст] / Г.Л. Семенов, К.И. Ташбаева, И.К. Малкиель, Л.К. Ведутова // Отчетная археологическая сессия за 1997 г. – СПб., 1998. – С. 29–31.
188. **Семенов-Тянь-Шанский П.П.** Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. [Текст] / П.П. Семенов-Тянь-Шанский. – М.: ОГИЗ, 1947. – 380 с.
189. **Смирнов Ю.Н.** Градостроительная организация сети объектов санаторно-курортного лечения и отдыха в Киргизии как новом курортном регионе СССР [Текст]: автореф. дис. ... канд. архитектуры / Ю.Н. Смирнов // ЦНИИП градостроительства. – М., 1985. – 24 с.
190. **Смирнов Ю.Н.** Архитектурное формирование природно-антропогенной среды: монография [Текст] / Ю.Н. Смирнов. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2005. – 248 с.: ил., табл.
191. **Соловьева М.К.** Формирование архитектурно-композиционной структуры жилища горных районов среднеазиатского субтропического региона (на примере горных районов Афганистана) [Текст]: автореф. дис. ...канд. архитектуры / М.К. Соловьева. – М., 1978. – 22 с.: ил.
192. **Стародуб Т.Х.** Мусульманские культовые здания в системе средневекового арабского города [Текст] / Т.Х. Стародуб // Городская художественная культура Востока: сб. статей Гос. музея искусства народов Востока. – М., 1990. – С. 190–200.
193. **Стокасимов Н.П.** Военно-статистическое описание Туркестанского Военного округа Ферганского района [Текст] / Н.П. Стокасимов. – Ташкент, 1912. – 159 с.
194. **Тентиев Ж.** Знак Солнца (гипотезы, теории) [Текст] / Ж. Тентиев. – Бишкек: “Алтын Тамга”, 2014. – 156 с.: ил.

195. **Турганбаева А.С.** Формирование основных этапов этногенеза кыргызов в исследованиях Н.А. Аристова [Текст] / А.С. Турганбаева // Вестник КРСУ. – 2021. – Т. 21. – № 2. – С. 58–62.
196. **Турдалиев М.Ж.** Архитектура градостроительства российских переселенцев середины XIX – начала XX в. [Текст]: дис. ...канд. архитектуры / М.Ж. Турдалиев. – Бишкек, 2012.
197. **Фишер И.Э.** Сибирская история [Текст] / И.Э. Фишер. – СПб., 1774.
198. **Федченко А.П.** Путешествие в Туркестан [Текст] / А.П. Федченко. – М.: Географиздат, 1958. – 468 с.
199. **Флорорский Г.В.** О России и русской философской культуре [Текст] / Г.В. Флорорский // Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1986. – 238 с.
200. **Халпахчян О.Х.** Гражданское зодчество Армении [Текст] / О.Х. Халпахчян. – М.: Строиздат, 1971. – 246 с.: ил.
201. **Хамиджанова М.А.** Жилища таджиков Ягноба [Текст] / М.А. Хамиджанова // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1982. – С. 226–239.
202. **Хан-Магомедов С.О.** Национальный декор и современное строительство [Текст] / С.О. Хан-Магомедов // ДИ. – 1964. – № 1–2. – С. 13–16.
203. **Хан-Магомедов С.О.** Лезгинское народное зодчество [Текст] / С.О. Хан-Магомедов. – М.: Стройиздат, 1969. – 183 с.: ил.
204. **Харузин Н.Н.** История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России [Текст] / Н.Н. Харузин. – М.: Т-во скоропеч. А.А. Левинсон, 1896. – 132 с.
205. **Хмельницкий С.Т.** Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии V–VIII вв. [Текст] / С.Т. Хмельницкий. – Берлин-Рига: САМАЛАШ, 2000. – 292 с.

206. **Худяков Ю.С.** Перспективы использования памятников в гор. районах Центральной Азии в рекреационной деятельности [Текст] / Ю.С. Худяков // Диалог цивилизаций. – Бишкек, 2003. – Вып. 3. – С. 57–60.
207. **Чепелев В.Н.** Киргизское народное изобразительное искусство [Текст] / В.Н. Чепелев // Искусство. – 1949. – № 5. – С. 33–44.
208. **Шаниязов К.Ш.** Древние элементы в этногенезе узбеков [Текст] / К.Ш. Шаниязов. – М.: Наука, 1973.
209. **Шибаета Ю.А.** Материалы по жилищу мургабских киргиз [Текст] / Ю.А. Шибаета. – Сталинабад, 1955. – 118 с.
210. **Шнитников В.Н.** Поездки по Семиречью. (Загорская часть б. Пишпекского у., и юго-западная часть б. Пржевальского у.) [Текст] / В.Н. Шнитников. – Фрунзе, 1930. – 65 с.
211. **Якубов Ю.Я.** Раннесредневековые бытовые очаги из поселения Гардани Хисор [Текст] / Ю.Я. Якубов // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1982. – С. 111–121: ил.
212. **Capus G.** Le toit du monde (Pamir) [Текст] / G. Capus. – Paris. 1890. – P. 129.
213. **Creswell K.A.** Early Muslim Architecture [Текст] / K.A. Creswell. – Oxford, 1932. – Vol. I. – P. 282.
214. **Curzon G.N.** Russian Central Asia in 1899 and Anglo-Russian question [Текст] / G.N. Curzon. – London, 1899. – P. 129.
215. **Hammer M.** Sur les origines Russes. Extrait de manuscrits orientaux [Текст] / M. Hammer. – St.-Petersbourg, 1827. – P. 96–108.
216. **Holdsworth M.** Turkestan in the nineteenth century [Текст] / M. Holdsworth. – London, 1959. – P. 37.
217. **Radloff W.** Observation sur les Kirghis [Текст] / W. Radloff // Journal Asiatique, 1863. – № 9.

**ПРИЛОЖЕНИЕ,
ГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**